

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 6 (72). № 4

Симферополь
2020

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 6(72), № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»
является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического
университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2020

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 5 от 28.12.2020 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор (г. Симферополь);

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского государственного педагогического института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратюк Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Курск);

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Львович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – ведущий научный сотрудник, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург);

Хлебов Александр Алексеевич – профессор кафедры культурологии философского факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Щебелев Сергей Стефанович – заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 28.12.2020 г. Формат 70x100 1/16. 12,68 усл. п. л. Заказ № НП/377. Тираж 37 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 28.05. 2021 г.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

295051, г. Симферополь, бул. Ленина 5/7

Адрес редакции, издательства и типографии:

295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4 <http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 821.512.161

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-3-13

**ОБОРОНА ПОГРАНИЧНЫХ КРЕПОСТЕЙ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
И КРЫМСКОГО ХАНСТВА В 1689 И 1695 ГГ.
ПО ДАННЫМ ХРОНИКИ «ТАРИХ-И МЕХМЕД ГЕРАЙ»¹**

Абдужемилев Р. Р.^{1,2}

¹*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Российская Федерация*

²*Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
E-mail: refatimus@gmail.com*

Рассмотрены фрагменты хроники «Тарих-и Мехмед Герай» крымского историографа Дервиш Мехмеда бин Мубарек Герай Чингизи, содержание которых охватывает описание внешней политики Петра I в южном направлении в конце XVII в. Список произведения сохранился в Австрийской национальной Библиотеке. Материал для анализа – издание на турецком языке магистерской работы Угура Демира «Тарих-и Мехмед Гирай» (оценка – переложение текста)» (консультант: проф. док. Недждет Озьюрк, Стамбул, 163 страниц). Перевод с османского языка на русский выполнен Р. Абдужемилевым. Во вступительной части статьи приведена характеристика источника: персоналия автора, период написания, маркировка и объем рукописи, шрифт текста, многоплановость содержания. Отмечены работы востоковедов, где хроника представлена в научно-исследовательском контексте. Главное внимание в поле зрения автора уделено военным кампаниям в период правления Петра I в южном направлении в конце XVII в. (осада крепостей Ор, Доган и Азак). Описанные в тексте события: сражение за крепость Ор, отказ хана эль-хадж Селим Герая участвовать в османской кампании, направление царского войска из севера, готовность войска Крымского ханства к отражению осады, переговоры сторон, осада крепости Доган, крепости Азов, наступления с моря, оборона стратегических позиций Крымского ханства и Османской империи.

Ключевые слова: Азов, Доган, крепость, Крымское ханство, Ор, осада, Петр I, Тарих-и Мехмед Герай, хроника.

Хроника «Тарих-и Мехмед Герай» (1682–1703 гг.) – повествовательный источник, история Крымского ханства и Османского государства в 1682–1703 гг. Автор произведения в тексте называл свое имя, которое свидетельствует о принадлежности его правящей династии крымских ханов – Дервиш Мехмед бин

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42049 ««Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в.».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-42049 «The "Azov Project" of Peter the Great: North-Eastern Azov Sea area in the Foreign and Domestic Politics of Russia in the Late 17th – Early 18th Century».

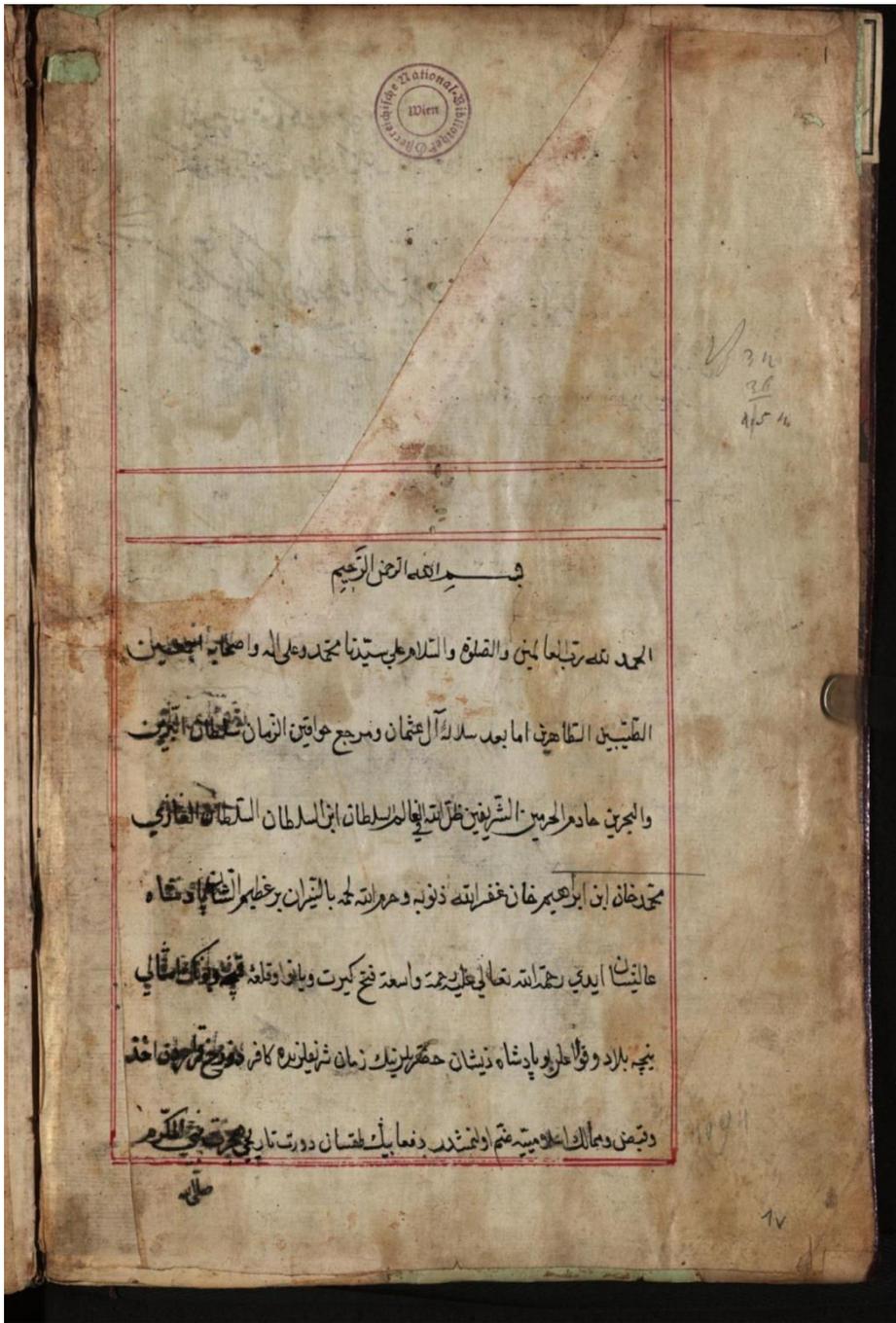
Мубарек Герай Чингизи [4, с. 59], он непосредственно являлся очевидцем некоторых событий. Безусловно, Мехмед Герай владел арабским и персидским языками. В самой хронике прямых биографических сведений об авторе нет. Историк-османист Йозеф фон Хаммер-Пургшталь ошибочно называл Мехмеда Герая «сыном Хаджи Герая, современника хана Селима Герая в конце XVII в.» [6, с. 9]. В хронике Мехмед Герай позиционировал себя как племянник Саадета Герая-хана III, что вызывает противоречия (Саадет Герай был племянником Мубарек Герая), пометку об этом родстве находим и у В.Д. Смирнова со ссылкой на источник [2, с. XVI]. У. Демир в своей научной работе по данному тариху [хронике] (на основе анализа различных источников) приходит к наиболее достоверному выводу, что отец Мехмеда Герая, Мубарек Герай, являлся сыном Селямета Герая, а сам автор хроники, был братом хана Мурада Герая (годы правления 1678 – 1683 гг.) [4, с. XI].

Датировка сочинения – 1703 г. (завершение в месяце Реджеб 1115 г.). Копия хроники сохранилась в фондах Австрийской Национальной Библиотеки (Österreichische Nationalbibliothek) под шифром (инвентарным номером) № 1080 [4, с. III], Cod. H.O.86 HAN MAG [7]. Объем (фолио) – 125 листов шрифтом таалик [5, с. 207], листы небольшие. На 125 листе имеются стихи [7]. Рукопись не обозначена заглавием (титолом), но имеет приписку оценочного свойства: «Tarih-i Mehmed Geray Qara Mustafa Paşa cenklerin söyler üçüncü Sultan Mehmed Han vaqtlarından Sultan Ahmed Han biñ yüz on beş tarihnacek söyler bir maqbul tarihdır» / «Тарих-и Мехмед Герай, повествующий о войнах Кара Мустафа-паши, приемлемая история, повествующая со времен султана Мехмеда-хана III до периода султана Ахмеда-хана, до тысяча сто пятнадцатого года» [2, с. XVI].

Произведение начинается словами хамд (благодарность Богу), саят у селям (молитва и приветствие пророку Мухаммеду) и прославлениями Мехмеда IV. В картотеке Австрийской Национальной Библиотеки содержание хроники представлено таким образом: особая история правящей династии Крымского ханства Герай, которая охватывает период с 1684 по 1703 год [Правила цитирования]. Однако содержание хроники, не будучи однолинейным, более разнопланово. Некоторые разделы: интронизация (джюлус) османских правителей – султана Сулеймана бин Ибрахим-хана (1687) султана Ахмед-хана бин Ибрахим-хан (1691), султана Мустафы-хана бин Мехмед-хана (1695); завоевание Шехиркоя (1690), крепости Ниш (1690), Белграда (1690), восстание Гази Герая (1700); сражение с черкесскими беями, война с Россией (1695), война с Венецией (1695); битва у Саланкамен (1691), поход в Варадин (1694); правление ханов Хаджи Герая и Селима Герая, Мурада Герая, Саадета Герая, Сафы Герая и Девлета Герая и др. Повествование выстроено в хронологической последовательности. Язык произведения – османский¹.

---

¹ Османский язык (лисан-ы Османи) – общий литературный язык Османской империи и Крымского ханства, имеет тюркскую основу, характерно преобладание арабских и персидских лексических единиц и грамматических форм.

Начало хроники «Тарих-и Мехмед Герай»: лист 1v

Хроника имеет место и в ряду источниковой базы книги В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.» (1887 г.), ученый-востоковед ссылался на сочинение в пояснении исторических событий в связи с Крымским ханством. Также хроника была частично внедрена в научный оборот вышеупомянутым ученым Хаммер-Пургшталем, являвшимся владельцем венской рукописи [7; 8].

В 2006 г. в Стамбуле вышло издание на турецком языке магистерской работы Угура Демира «Тарих-и Мехмед Гирай» (оценка – переложение текста) (консультант: проф. док. Недждет Озтьюрк, 163 страниц) [4]. Содержание книги: предисловие, аннотация, библиография, сокращения, Мехмед Гирай бин Мубарек Гирай: биография, название произведения, причина составления, история составления, содержание, источники, стиль и историзм Мехмеда Герая, текст («Тарих-и Мехмед Герай»): названия разделов. Фактически, работа представляет собой первую и, стоит отметить, эквивалентную оригинальному тексту рукописи, транслитерацию хроники на латиницу.

Цель настоящей статьи заключается в извлечении сведений касательно походов войск Петра I в направлении Крыма и Османской империи в конце XVII в. и привлечении их к дальнейшим исследованиям по обозначенной тематике. Исторические реалии периода правления Петра I изучены, главным образом, из трудов русских историков. Внедрение османского источника с переводом на русский язык позволит сформировать комплексный взгляд на события эпохи, проследить предпосылки и последствия Азовских походов Петра I.

Состоянием на сегодняшний день хроника практически не исследована в должной мере и представляет большой интерес для востоковедов. И. Зайцев справедливо определяет хронику в качестве «классической компилятивной истории» в рамках крымской историографической традиции [1, с. 132; 8]. В содержании произведения среди ряда тем имеется и описание событий эпохи Петра I: осада крепости Ор в 1689 г. (листы 18v–21v), крепости Доган в 1695 и крепости Азак в 1695 г. (листы 61r–65r) войском с модернизированным вооружением. Задача текущего исследования состоит в изучении сведений, связанных с данными событиями.

В тексте сочинения дано описание осады крепости Ор¹ в 1689 г. Численность русского войска составляла семьсот тысяч («yedi kerre yüz biñ askerile» [4, с. 24]), по другим преданиям и больше («bir rivayetde dahi izdiyâdıla»). Метафорично подан образ крепости: «Ur qal'âsı, cezire-i Qırım'ın seddü'l-babıdur» [4, с. 24] // «Крепость Ор – непреступные врата острова Крыма». На должности по надзору за крепость находились старший сын хана, калга Девлет Герай-султан, и младший брат Азамат Герай-султан. В хронике ярко показана самоотверженная борьба Азамата Герай-султана, не позволившего войску противника беспрепятственно завладеть крепостью и протаранившего повозки надвигавшегося войска со взятием большого

---

¹ Ор – Перекоп, северная крепость Крымского ханства.

числа пушек: «Azamat Giray Sultan bir qahhar u cebbar, şeci' padişah-zade olmağın ğayret quşağın meyânına bend idüp, bir miqdar Tatar-ı mümtaz-ser-firazlarıyla ilerü gelüp...» [4, с. 24] // «Азамат Герай-султан, будучи сокрушительным и величественным, храбрым падишах-заде¹, опоясавшись поясом усердия, прибыв впереди с частью избранных и превосходных татар...». Жажда и потеря сил стали причиной бегства осаждавшего войска: «Lâkin susuzluq harareti taqat-ı sabr-qararların elden alup, bi-tab oldılar. Ahirü'l-emr deñiz suyun içmaga başladılar...Muhassal naçar qararı firara mütteddil eylediler...» [4, с. 25] // «Однако зной от жажды забрал их силы и терпение, сделав слабыми. В конечном счете, начали испивать морскую воду...В общем, по неволе поменяли свое решение на побег...».

Подробно изложены события 1695 г. Османский султан требовал прибытия Хаджи Селима Герая² на балканский фронт для оказания помощи османскому войску, в сложившейся ситуации беи отговаривали хана от участия в султанском походе. Первоначально хан провел совет с правящей элитой: «Sabıqa naql ve taqrir-i ayân ve tahrir-i beyân olunmuşdı ki, el-Hac Selim Geray Han-ı zışan sefer-i hümayuna çıqmaq için umumen vilâyet-i Qırım uleması efendilerine ve begler ve ağalarıyla meşveret eyleyüp, Han hazretlerin seferden men' eylemişler idi...» [4, с. 82] // «Прежде было рассказано и сообщено, и письменно изложено о том, как славный эль-Хадж Селим Герай-хан для выхода в хумаюнов³ поход посовещался в общем со всеми улема-эфендиями⁴, и беками, и агами⁵ Крымского виляета⁶, на что они отговорили хазрет⁷ хана от похода...». Тогда хан отстранился от дел, и для похода был назначен Шехбаз Герай-султан. Войско Петра I разделилось на три части («üç bölük olur» [4, с. 82]) в направлениях Азак (Азов), Ор и крепость Доган. Одна часть численно состояла из более ста восьмидесяти тысяч («bir bölüğü yüz seksen biñden mütesaviv» [4, с. 82]), с царем (qıraları olan» [4, с. 82]). Это войско метафорически сравнено (тешбих) с селью: «seyl-i azim misal qal'â-i Azaq muhasarasında» [4, с. 82] // «подобно большой сели, осаждали крепость Азак».

Второе направление было с севера Крымского полуострова: «ve bir bölüğü iki yüz biñ miqdar hasirin-i murdar ile diyâr-ı Qırım üzerine müstevli olup...» [4, с. 82] // «А другая же часть, числом в двести тысяч нечестивцев, обреченных на ущерб, направилась атакой на Крымский край...». Метафорично (меджаз) описан и Перекоп: «Or qal'âsı demekle ma'ruf sedd-i bab-ı diyâr-ı Qırımdır, ol mahalle irişüp, su-i qasd-ı vilâyet eyledükde Qırım halqı şaşup, ne qara mübaşeret ideceklerin bilmediler...» [4, с. 82] // «А крепость, известная по названию Ор – прочная твердыня, врата Крымского края. И добравшись той местности, предприняли нападение на виляет, и

¹ Падишах-заде – сын падишаха.

² Селим I Герай (Хаджи Селим Герай) – крымский хан, сын хана Бахадыра I Герая, правил четыре раза (1671–1678, 1684–1691, 1692–1699, 1702–1704).

³ Хумаюнов – султанский, августейший.

⁴ Улема – ученые.

⁵ Агалар – старшие, начальники.

⁶ Виляет – земля, край, страна.

⁷ Хазрет – превосходительство, почтенный.

тогда крымский люд в панике не ведал, что делать по началу». Сложившееся положение выражено в эмоциональном окрасе: «*vadilerinde sergerdan olup, kimi araba tedariginde ehl ü evlâdın sa'y-u-i halâsda olup, ah vahla diyâr-ı Qırım bir hal-ı pürmelâle giriftar olmuşdur ki...*» [4, с. 82] // «ошеломлены были видом своей долины, кто пытался спасти людей и своих детей с подготовкой повозок, и с криками и суматохой Крымский край впал в печальное положение...».

Третье направление проходило через крепость на Днепре: «*ve bir bölük... nehr-i Özü üzre vaqı' Doğan qal'âsı nam mahalle belâ-yı asümani-var nazil olup, qal'â-i mezkûri muhasara eyleyüp ve Bahr-i Siyâhdan şayqa ve qayıqlarıyla diyâr-ı Qırım üzerine hücum tedariginde oldılar...*» [4, с. 82–83] // «А одна часть ...спустилась, будто бы бедствие с небес в местность по названию Доган-Кале¹, расположенную на реке Озю², и осаждала вышеупомянутую крепость, и по Черному морю (Бахр-ы Сиях) на чайках и лодках (кайыках) готовилась к нападению на Крымский край...».

Подготовка Крымского ханства к обороне и мобилизация войск с использованием гиперболы в повествовании: «*umumen vilâyet-i Qırım qavmine nefir-i amm ile bi'l-cümle ulema ve meşayih ve suleha ve ehl-i suk ve taife-i tüccar, şehirli ve ehl-i qurayâ dellâllar nida olunup, ricalden her ne kim varısa Han hazretlerinüñ yanına müctemi' oldular ve havf ü haraşile buka [vü] zarilikler avazın asümane, belki nitaq-ı felegi peyveste eyleyüp, kefere-i düzah-mekin üzerine azimet ve müteveccih oldılar...*» [4, с. 83] // «В общем, к народу Крымского виляета со всем обществом, всем улемам, шейхам (мешайих), праведникам (сулеха) торговцам и купеческому племени, городским и деревенским возывали деллялы (глашатаи). И тогда, сколько бы ни было мужей, все они собрались возле хазрет хана, и устрашающие и пронзительные их богатырские и подобные стону голоса доходили небесных высей, а может и свода небес, так они вышли в путь и направились на неверных, сужденным попасть в западню...».

Баталии разворачивались рано на рассвете («*ale's-seher*» [4, с. 83]). Шейх-уль-ислам и муфтий Хасан-эфенди вместе с ханом спустились на возвышенное место («*bir mahall-i mürtefi'a nüzul idüp*» [4, с. 83]). Тогда была проведена всеобщая молитва («*dua vü sena*» [4, с. 83]). Первым атаку начал Хасан-эфенди: «*şeyhü'l-islâm olan Hasan efendi hazretleri el tir ü kemana urup...hamle ve hücum eyledüleründe...*» [4, с. 83] // «затем шейхуль-ислам³ Хасан-эфенди схватил стрелу и лук... учинил стремительную атаку...». Вслед за ним пошел и эль-Хадж Селим-хан. Произошел стремительный бой: «*Pes asakir-i Islâm bu mütemmi iqdami cümle ulema ve Han hazretlerinden görünce cümle nas canından fariğ olup, kefere-i saqar-qarar üzerine bir giriş girdiler ki, berk-ı hatıf misal irişüp bir ceng [ü] cidal ve qıtal olmuşdur ki, lisan-ı insan taqrire ve ne geleñ muharrir tahririne qabildür...*» [4, с. 83–84] // «Так, исламское

¹ Доган-Кале (Доган-гечит, «переправа сокола») – неофициальное название османской крепости Газикерман, османский город-крепость, существовавший в конце XIV – первой пол. XVIII веков, ныне город Берислав Херсонской области.

² Озю – река Днепр.

³ Шейхуль-ислам – верховный муфтий.

войско, при виде сего полного упорства от всех улема и хазрет хана, и весь люд, отдав всю свою душу, надвинулись одной волной на неверных, обреченных на адские муки, и, достигнув их подобно удару громовой молнии, случилось такое побоище, что неспособно выразить людским языком и пером писателя...». На поле сражения все было в суматохе: «bir aşub ma'reke-i cidal vaqı' olmuşdur...» [4, с. 84] // «случилось такое перемешанное сражение...». Одно обстоятельство способствовало успеху татарского войска и препятствовало победе войска Петра I: «bi-hadd baran-ı rahmet nazil olup, kefere-i dalâlet-gâviniñ topları ark-ı baranile memlu olduğu sebebiyle qat'a iki biñ pare miqdar memlu toplarıñ bir danesi dahi ateş qabul itmeyüp ve raht-ı müntehalar misal ğaziyan-ı Tatarıñ paymalı oldılar ve tüfenkleri dahi sönmüş itfayı qanadil lülesi gibi heman ellerinde bir alet olup, biñde birisi ateş qabul itmedi...» [4, с. 84] // «...снизошел безграничный дождь милости, и по причине того, что пушки вероломных неверных промокли от дождя, и с помехой из двух тысяч промокших пушек ни одна не выстрелила, и были устранены татарскими газиями, подобными довершающей лошадиной сбруе. А ружья их потухли, и став тотчас инструментом в руках, словно дымящиеся свечи, ни одно из тысячи не стало стрелять...». Русское войско численно превышало татарское («kesreti ve vefretde ifrat» [4, с. 84]), но было ослабленным. Ханское войско «подобно горящему пламени двинулось частями (болюками)» («ateş-süzan misal kefere-i bi-berke bölük-bölük idüp» [4, с. 84]).

Со стороны русского войска был отправлен парламентар, с просьбой о небольшом перерыве, в залог были оставлены недееспособные казаки. Все татарское войско стало размышлять о некоей задумке противника («Elbetde melâ'inüñ bir hilesi olmaq muqarrerdür» [4, с. 84]). Воспользовавшись моментом, войско Петра I укрепилось в позициях: «ol gün menzil-i merqumda bir miqdar qarar ve istirahat eyleyüp, irtesi taburın qavı ve muhkem eyleyüp, etrafına topların dizüp, sulha muğayir bir niçe kelimat-ı qabih meş'ar eyleyüp, söz uzadup, ke'en razı olmaz şeklin gösterüp, aldı yürüyüvirdiler. Etrafdan ğaziyan-ı Tatar hücum idince heman toplarına ateş urup, Tatar mücahidlerin bölük-bölük eyleyüp, çoq kimseneyi peymaneyi huri yedinden nuş u guşer iletđi...» [4, с. 84] // «в тот день на вышеупомянутой останковке немного занялись решениями и отдохнули, а рано утром, укрепив и упрочнив лагерь, выстроив вокруг пушки, вопреки перемирию учинив много сквернословий, растянув речь, будто бы не соглашаясь, взяли и пошли. А пока татарские газии¹ с окружения чинили атаку, тотчас зажгли свои пушки, и болюками² раскидав татарских муджахидов³, многих испили из сосуда из рук урии⁴...». Тогда крепость Доган пала: «Uslüb-ı sabıq üzre Doğan qal'âsı semtine yıqılup, gitdi. El-haqq, ğaziyan-ı Tatar-ı adu-güzariñ böyle iqdâm ve cür'et eyledügin kimsene müşahede itmiş degildir...» [4, с. 84–85] // «По бывшему образу, крепость Доган-кале обрушилась на бок и

¹ Гази – воин, солдат-мусульманин.

² Болюк – часть, войсковое подразделение.

³ Муджахид – боец, сражающийся.

⁴ Урия – райская девушка.

ушла. По истине, никто не видал такого усердия и мужества татарских газиев, ловцов за врагами...». Пустившееся в бег войско противника присоединилось к осаждавшим крепость Доган. К татарскому войску у берега реки Озю подоспела подмога: османские паши, люди тимар¹ («ehl-i timar»), санджак Нигболу, санджак Силистре, ялы-агасы² с войском Аккермана и султан (сын хана) с ногайским войском. Все собравшиеся создали отпорный щит («kefere taburina metrisler aldılar» [4, с. 85]). Противник упорно с ударами осаждал крепость («qal'â-i Doğanı döğmede» [4, с. 85]). Татарское войско мобилизовалось: «asker-i Islâm dahi tabur-ı sek-i cümhuri toplayup, ceng-i pür-şerar qat ender-qat oldı ki, yemv-i rüsthizden virür...» [4, с. 85] («а исламское войско же собрало лагерь секбан (пограничные войска), и волна за волной (раз за разом) случилось полное напряжение и противостояния сражение, что напоминало День Светопреставления...»). Эль-Хадж хан с татарским войском разместились на другом берегу Озю для принятия решений. Войско Петра I пыталось изо всех сил прорвать оборону крепости: «qal'â-i Doğan altına tabur-ı nuhuset-cumhurın vaz' idüp, etrafı vü eknafın handak-ı amık ile ihata eyleyüp ve topların qurup, lenger biraqduqdan soñra qal'â-i Doğanı küte küt döğmege iqdâm eyledi...» [4, с. 85] // «разместив неудачный сборный лагерь под крепостью Доган, окружив вокруг все стороны глубоким рвом, и установив пушки, опустив якорь, усиленно старались насквозь пробить крепость Доган...». Осада продолжалась более тридцати дней («Otuz günden ziyâde minval-i meşruh üzerine muhasara eylediler» [4, с. 85]). Паши установили зрительные приборы («alet-i mülâhaza» [4, с. 85]). Направление выстрелов из пушек не было видным («Аmma dane-i top nereye gitdüğün kimsene görmez» [4, с. 85]), пушкари-отступники просто запускали ядра ввысь («topı havayâ ta'liq iderlermiş» [4, с. 85]). Паши проводили время беспечно, попивая кофе с шербетом («ekl-i qahve ve şerbet ile eglenürler imiş» [4, с. 85]).

Оборонители крепости сильно утомились и понесли большие потери: «enderun-ı qal'âda bulunan cengâveran muzdaribü'l-hal ve bi-mecal ve top ve humpara darbından bi-tab ve zaif, kimi zahm-dar ve kimi şehid olup, ğayretile can [u] dilden muharebe vü qıtâl ve ceng ü cidalden bir an münfekk ve top ve tüfenkile ceng eyleyler idi...» [4, с. 85–86] // «дженкяверы³, что находились внутри крепости в тяжелом состоянии и обессилив, и устав и ослабнув от ударов пушек и хумпара, одни раненные, а другие – мученических погибшие, с усердием душой и сердцем на мгновение отошли от сражения и баталий, и боролись с пушками и ружьями...». Атакующие отправили человека к охранникам («muhafızan» [4, с. 86]) крепости с требованием немедленной сдачи крепости («heman qal'âyı vire» [4, с. 86]). Тогда охранники крепости провели совет («müşavere eyleyüp» [4, с. 86]). На тот момент возникла чрезвычайная нехватка продовольствия и еды («zira zehaire ve me'külât qasmından

¹ Тимариоты – иррегулярное кавалерийское ополчение, собираемое военными властями Османской империи из держателей земельных наделов – тимаров.

² Ялы-агасы («наместник побережья») – начальник отрядов южнобережных татар.

³ Дженкявер – воин.

zaruret kemalünde» [4, с. 86]) и закончилось военное снаряжение («sebehane dahi qalması» [4, с. 86]). С надеждой на спасение («Bari ehl [ü] evlâdımızla halâs olurız» [4, с. 86]) крепость была сдана. Войско Петра I вошло в крепость («derun-ı qal'âyâ dühul idür» [4, с. 86]), и взяло в плен жителей крепости («Doğan halq-ı derd-mendleri bi'l-cümle esir ve der-zencir eyleyür» [4, с. 86]).

После того следует описание осады Азова, отдельными группами в долине Азова («el-fıraq el-fıraq vadilerinde sergerdan eyleyür» [4, с. 86]), которая длилась более двух месяцев («iki aydan müteceviz zaman muhasara eyledi» [4, с. 86]). Действия разворачивались у реки Тан (Дон) вокруг крепости, вытекавшей из-под крепости («qal'â-i Azaq tahtından revandur» [4, с. 86]). С одной стороны реки был выкопан ров («nehr-i mezkürîñ bir tarafından handak kesdirür» [4, с. 86]), при этом ров был соединен в Дону («handak nehr-i Tan'e mülhak olup» [4, с. 86]). Лагерь был окружен («muhit eyledükden soñra» [4, с. 86]). Крепость осаждали с трех сторон («üç tarafından muhasara» [4, с. 86]) из построенных высоких опорных позиций («balâ vü bülend tabyalar bünyâdıyla» [4, с. 86]), с ежедневными выстрелами из пятисот пушек, бесчисленных гаубиц (хумпара), ружей, охватив крепость огнем («qal'â-i Azaqı pür-ateş eylediler» [4, с. 86]). Крепость была хорошо защищенной и труднодоступной для войска Петра I. С моря были отправлены судна («deyâ-yı muhitden gemiler gönderür» [4, с. 86]), тогда собрались генуэзцы, португальцы и франки Фелеменка¹, которые сильно утомились от обстрела и разрушения крепости Азак («yüz seksen vukıye miqdarı havan hımparasın atup, qal'â-i Azaqı harab [u] yebab itmekden aciz ve fûru-mande eylediler...» [4, с. 86–87] // «оказались в неспособности и обессилили в деле разрушения крепости Азак, выстреливая пушками хаван хумпара² в сто восемьдесят вукийе³...»). Для оказания отпора было выделено татарское войско: «Ve bir miqdar Tatar askeri ta'yin eylediler. Asker-i Tatar salt sebk-var qavm, tabur-ı nuhuset cümhuriñ etrafı hısın [ü] hasın bir vechile varmaq mümkün olmadı...» [4, с. 87] // «И назначили группу татарского войска. А татарское войско легкое в езде племя, и не удалось тогда легко и безопасно окружить лагерь, приносивший несчастье...». В результате, из-за усталости и ослабления крепость пала: «hah-na-hah derun-ı qal'âda bulunan muhafızan-ı Islâm muzdaribü'l-hal bi-mecal olup, qal'â-i Azaqı vire ile küffar-ı hakısara teslim eylediler...» [4, с. 87] // «волей-неволей исламские охранники внутри крепости из-за тягот обессилев, сдали крепость Азак разбросанным неверным...». Освободившие крепость люди остались нетронутыми и были безопасно сопровождены: «Амма қирал-ı dall sözünde sahib-i qadem olup, virelerin qabul eyleyür, derun-ı qal'âdan ihrac olan Muslûmanlarıñ yanına ademlerin tayin eyledi. Hatta Qırım sınırı hududına irişdürdiler ve bir habbe mal ve erzaqlarına vaz'-ı yed itdirmedi...» [4, с. 87] // «Однако заблудший король, твердо соблюдая слово, принял сдачу [крепости], и назначил людей к мусульманам, выходявшим из крепости. Даже

¹ Фелеменк – Голландия.

² Хаван хумпара – малые пушки.

³ Вукийе – вес в четыреста дирхемов.

позволили добраться до границы Крыма, и не позволил прикоснуться ни к одной вещи и продовольствию».

Выводы. Оригинальные османоязычные источники все еще остаются малоисследованной областью истории. Для полноценного анализа внешней политики России конца XVII – начала XVIII вв. необходимо планомерное исследование сохранившихся ныне восточных манускриптов. В этом отношении сведения об исторической ситуации времени находим в хронике «Тарих-и Мехмед Герай». Стратегические объекты Крымского ханства и Османской империи попадали в сферу интересов Петра I. Хроника в художественном обрамлении отражает исторический материал. Исходя из текста, осада Азова являлась частью общего плана Петра I по широкомасштабному продвижению к владениям Крымского ханства и Османской империи, и сопровождалась наступлениями на другие крепости. Хроника сообщает об оборонительных мероприятиях Османской империи и Крымского ханства, а также о том, что русская военная угроза для османских крепостей у северных границ ханства воспринималась в Бахчисарае как угроза самому Крыму.

Список использованных источников и литературы

1. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв. : пути развития : рукописи, тексты и источники / И. В. Зайцев; Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. лит., 2009. – 304 с.
Zaytsev I. V. Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vv. : puti razvitiya : rukopisi, teksty i istochniki / I. V. Zaytsev; In-t vostokovedeniya RAN. – M.: Vost. lit, 2009. – 304 s.
2. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. – С.-Петербург: В Университетской типографии в Казани, 1887. – 768 с.
Smirnov V. D. Krymskoye khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoj Porty do nachala XVIII v. – S.-Peterburg: V Universitetskoy tipografii ve Kazani, 1887. – 768 s.
3. Başer A. Kırım hanlığı tairhını konu alan müstakil eserler ve yeni bir kaynak, Tarih-i Mevküfati // Turkish Studies: International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2011. – Volume 6/1 Winter. – Pp. 724–740.
4. Demir U. Tarih-i Mehmed Giray (Değerlendirme-çeviri metin): Yüksek Lisans Tezi / Uğur Demir. Danışman: Prof. Dr. Necdet Öztürk. – İstanbul, 2006. – 163 s.
5. Hammer-Purgstall, Joseph von. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest: in C.A. Hartleben's Verlage, 1833. – Neunter Band (IX). – 694 s.
6. Hammer-Purgstall, Joseph von, 1774–1856. Geschichte der Chane der Krim unter osmanischer Herrschaft: als Anhang zur Geschichte des oamnischen Reichs. – Wien: K. K. Hof- u. Staatsdr., 1856. – 258 s.
7. Tarih-i Mehmed Giray. Mehmed Giray [VerfasserIn] ; Hammer-Purgstall, Joseph von, 1774-1856 [Vorbesitzer] [Elektronnyj resurs] // Österreichische Nationalbibliothek – Statsionarnyj setevoy adres: <http://data.onb.ac.at/rec/AC14244791>.
8. Непомнящий А. А. Становление и развитие историографии истории Крыма: основные вехи (вторая половина XVIII – первая половина XX века) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2019.– Т. 5(71), № 2.– С. 21–55.
Nepomnyashchij A. A. Stanovlenie i razvitie istoriografii istorii Kryma: osnovnye vekhi (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina HKH veka) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2019.– Т. 5(71), № 2.– S. 21–55.

Abduzhemilev R. R. The defense of the border fortresses of the Ottoman Empire and the Crimean Khanate in 1689 and 1695 according to the chronicle «Tarikh-i Mehmed Geray»

In the article the fragments of the chronicle «Tarikh-i Mehmed Geray» of the Crimean historian Dervish Mehmed bin Mubarek Geray Chingizi, the content of which covers the description of the foreign policy of Peter the Great in the south at the end of the XVII century, are examined. The copy of the work has been preserved in the Austrian National Library. The material for analysis is the publication in Turkish of the master's work of Ughur Demir «Tarikh-i Mehmed Giray» (assessment – transliteration of the text)» (consultant: Prof. Dr. Nejdet Oztürk, Istanbul, 163 pages). The translation from the Ottoman into Russian is carried out by R. Abduzhemilev. In the introductory part of the article, the source is described: the author's personality, writing period, marking and volume of the manuscript, text script, and versatility of the contents. The works of the orientalist, where the chronicle is presented in the scientific-research context, are noted.

The author focuses on the military campaigns during the reign of Peter I in the south at the end of the XVIIth century (the siege of the fortresses of Or, Dogan and Azak). The events described in the text: the struggle for the Or fortress, the refusal of Khan el-Haj Selim Geray to participate in the Ottoman campaign, the direction of the tsar's troops from the north, the readiness of the troops of the Crimean Khanate to repel the siege, the negotiations of the parties, the siege of the Dogan fortress, the Azov fortress, an offensive from the sea, the defense of the strategic positions of the Crimean Khanate and Ottoman Empire.

Keywords: Azov, Dogan, fortress, Crimean Khanate, Or, siege, Peter the Great, Tarikh-i Mehmed Geray, chronicle.

УДК 94(47).048

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-14-23

ЧЕЛОБИТНЫЕ СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КАК ИСТОЧНИК О ПОХОДЕ ВОЙСКА Ф. А. ГОЛОВИНА В ДАУРИЮ (1686–1689 ГГ.)

Багрин Е. А.

Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Рассматриваются неопубликованные челобитные сибирских служилых людей, участвовавших в даурском походе посла Ф. А. Головина в 1686–1689 гг., закончившимся подписанием первого договора России с Китаем о границе. В приведенных документах ратники просили вернуть их домой и подробно перечисляли свои заслуги и лишения, что позволило сравнить информацию рядовых участников событий с данными, отражавшимися в походной канцелярии посольства. Сравнение не только подтвердило достоверность описания событий в источниках, но и позволило выявить некоторые факты, не упомянутые в посольской документации. При написании челобитных, служилые люди сумели составить единое прошение, учитывавшее интересы ратников разных служебных категорий и разных городов Сибири. В ряде случаев просители приукрашивают или замалчивают некоторые факты. Наиболее ярко эти документы подчеркивают бедственное материальное положение служилых людей вследствие лишений во время переходов и военных действий.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, история, Сибирь, Даурия, Ф. А. Головин, XVII век

«Милосердые великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна всеа Великия и Малыя, и Белья Росии самодержцы, пожалуйте нас, холопей своих, за нашу кровную службу за раны и за увечье, и за осадное сиденье, и за конные отгоны и для нашего, ..., конешнаго разорения, и для слез тех сирот, которые без нас, ..., отцы и матери, женишка и детишка помирают голодною и скитаютца меж двор, питаютца христовым именем, и для нашей конешной скудости и неоплатных долгов, велите, ..., нас, ..., ис такой далной и промедлительной службы из Даурских острогов взять и служить бы нам, ..., в ... городе, где у нас, ..., деды и отцы наши, также и мы, ..., вам, ..., служили» [12, л. 237]. Так оканчиваются челобитные сибирских служилых людей, участвовавших в 1686–1689 гг. в даурском походе войска Ф. А. Головина, отправленного в Забайкалье для решения вопроса об установлении границы между Россией и Китаем. Войско, состоявшее из 933 «выборных» служилых людей из Тобольска, Тюмени, Томска, Енисейска, Илимска, Верхолениска и Нарыма, а также 202 «новоприборных» стрельца из Иркутска и Енисейска¹, должно было защитить

---

¹ Подробно о формировании войска Ф. А. Головина в статьях Е. А. Багриной «Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком)» и «Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком)» [4; 5].

восточные рубежи России в Даурии и способствовать ведению переговоров с империей Цин, которая начала военные действия на российской территории в Приамурье. В 1688 г. эти ратники отразили вторжение монголов в Забайкалье, а в 1689 г., во время «посольского съезда» у Нерчинска, продемонстрировали военную готовность России бороться за свои интересы на Дальнем Востоке. В 1690 г. они располагались в Удинске и Нерчинске, обеспечивая безопасность восточной границы [1–3; 6–11; 14; 15]. В этот же период сибирские служилые люди обратились к руководству государства с просьбой отставить их от этой четырехлетней службы и вернуть домой к семьям. Тексту этих документов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), и посвящена данная статья.

Основным опубликованным источником о даурском походе 1686–1689 гг. является статейный список Ф. А. Головина [13]. Он основан на черновом дневнике посольства, который велся в походной канцелярии посла на протяжении всего времени пребывания его за Уралом. В этом документе отразились наиболее важные подробности произошедших событий. Челобитные сибирских ратников, которые мы рассмотрим в статье, не несут в себе такого огромного массива информации, однако из них мы можем узнать, как воспринимались события рядовыми участниками похода. Кроме того, в этих документах есть факты, не отмеченные руководством, но очевидно важные для служилых людей.

Челобитные, текст которых приведен в статье¹, написаны от лица представителей нескольких воинских корпораций: 1) входивших в полк Павла Юрьевича Грабова «литвы», «новокрещенов», конных и пеших казаков, стрельцов и их «дети и братья» из Тобольска, Тюмени, Енисейска и Нарыма; 2) казачьих детей Томска и драгунов Исецких слобод из полка Антона Юрьевича фон Смаленберга². Документы почти идентичны и отличаются лишь некоторыми нюансами, которые будут отмечены в статье [12, л. 219–224 об., 225–230, 233–237 об.]. Это говорит о том, что «войско», не смотря на то, что в его состав входили служилые люди из разных городов, принимало единое решение о прощении и определяло ценность тех или иных событий, указанных в документе, выделяя самые важные.

В статье мы приведем выдержки из этих челобитных, разделив их на смысловые блоки и комментируя изложенные в них факты в сравнении с информацией из статейного списка Ф. А. Головина. Формальные обращения к правительству и подписи челобитчиков не рассматриваются. Внутри текстов убраны стандартные формальные обороты (напр. «холопы ваши» и т.п.).

1. *«По вашему великих государей указу взяты мы ... на ... службу в Даурские остроги в полк околничему и воеводе Федору Алексеевичу Головину с товарищи для посольских съездов и служим мы ... с прошлаго 194-го году по нынешней 198-й год. И*

¹ Всего рассмотрены 3 челобитные

² В сибирские ратники в войске Ф. А. Головина были разделены между 2-мя полками. Основная часть была включена в полк полковника П. Ю. Грабова и, около 1/3 в полк полковника А. Ю. Смаленберга.

идучи мы ... в Даурские остроги ис Тоболска¹ ... до Даурских острогов по многим рекам и чрез Байкаловское море на порогах, многую нужду терпели» [12, л. 233].

В прошении путь войска от Тобольска до Удинска, начавшийся 29 мая 1686 года, уложился всего в одну строчку, хотя занял он 1 год и 4 месяца. В это время сибирским ратникам пришлось идти через пороги и шиверы², местами на себе перевозить многочисленные грузы, где только вес пороха и свинца достигал 1900 пудов, не считая 20 пушек с мортирой и запасов хлеба. Корабли разбивались о камни и приходили в негодность, и их приходилось чинить. Кроме того, ратники строили жильё для зимовки на р. Ангаре. Все это подробно освещено в статейном списке. Послу нужно было показать правительству, почему он шел в Даурию с большими задержками. В тоже время, сибирские ратники, видимо, считали все эти события обычными походными буднями, и не детализировали события, просто констатировали «многую нужду терпели» [13, с. 75–191].

2. *«Как пришел окопничей и воевода Федор Алексеевич Головин с нами ... за Байкаловское море в прошлом во 196-м году, и в то ... время, собрався со многими войски³ мунгалского Ачароя хана родной брат Батур Контайша, Селенгинской и Удинской осадили и многие конные табуны и рогатый скот у нас ... отогнали»* [12, л. 233].

Упомянутый отгон полковых лошадей и скота произошел 6 и 7 октября 1687 г., задолго до «осадного времени», в т.ч. из-за халатности табунщиков. Однако, об этом в прошении предпочли не упоминать, списав ущерб на военные действия [13, с. 196–199].

3. *«И по указным ... памятям от окопничего и воеводы Федора Алексеевича Головина с товарищи по приказу полковника Павла Юрьевича Грабова⁴ под Селенгинским и Удинским были у нас ... с теми мунгалскими людьми в степи многие бои, и на тех боях многия наша братья побиты до смерти, а иные переранены. И билися мы ... с ними, мунгалы ... не щадя голов своих и были в осаде от неприятельских мунгалских людей в Селенгинску с окопничим и воеводою Федором Алексеевичем Головиным с товарищи генваря с 6-г числа марта по 26 день»* [12, л. 223].

Этот текст интересен тем, что его писали ратники, которые несколько месяцев действовали врозь. Конная рота (около ста человек) капитана Мартына Камалая, состоявшая преимущественно из тобольских служилых людей «литовского списка», новокрещенов, конных казаков и их «дети и братья», была блокирована в

---

¹ В челобитной томских казачьих детей нет упоминания Тобольска. Это интересный момент, который может указывать на то, что томские ратники присоединились к войску после его выхода из Тобольска [12, л. 225].

² Участки реки с выступающими из воды камнями

³ Войско Батур Контайши по данным статейного списка насчитывало до 8000 чел. (монголов и табунутов). Около 3000 «лучших куяшных» напали войска, бывшие в Удинске, а остальные встали лагерем под Селенгинском. Монголы имели 2 или 3 китайские пушки и ружья (также из Китая и бухарские) [13, с. 250–251, 273–277, 325].

⁴ Или «полковника Антона Юрьевича Фаншмалым Берха» в других челобитных в зависимости от полка, в который служилые люди входили [12, л. 227, 234].

Селенгинске вместе с послом, в то время как остальные служилые (около 830 чел., не считая «новоприборных» иркутян и енисейцев), были в Удинске. В челобитной их действия отмечены без разделения, причем, каждая часть, видимо, последовательно вписывала свои заслуги в обговоренном порядке.

В первом предложении отражено 3-х дневное сражение под Удинском 26 января 1688 г. В нем полки П. Грабова и А. Смаленберга понесли наиболее ощутимые потери за все время боевых действий¹, также как и монголы, потерявшие убитыми несколько десятков человек и ранеными несколько сотен [13, с. 241–247, 250–277].

Следующее предложение написали служилые люди, бывшие с послом в Селенгинске. Интересно, что они отсчитывают время осады с 6-го января 1688 г.² По данным статейного списка первое нападение монголов, окончившееся гибелью и ранением людей, произошло 9 января 1688 г. Через 7 дней стало ясно, что все пути из Селенгинска блокированы монгольским войском, расположившимся в 3–4 км от крепости. Эту дату – 16 января 1688 г. можно брать за точку отсчета начала осады Селенгинска. Дата ее окончания, указанная в челобитных – 26 марта 1688 г., почти совпадает с записями посольской канцелярии – 24 марта полки из Удинска пришли в Селенгинск, 25 марта они произвели разведку на глубину 30 верст от крепости и никого не нашли. За время почти трехмесячной осады осажденные произвели 3 крупные вылазки³ и отразили штурм крепости 29 февраля 1688 г., с выходом из укреплений и атакой монгольских сил. Все остальное время происходило позиционное противостояние. Записей о потерях во время этих боев у Ф. А. Головина нет, также, как и в челобитной [13, с. 241–247, 250–277].

4. *«И в осадное время в Селенгинску и в Удинску от наступления мунгалского делали мы ... среди зимы надолобы и копали ров, и зелейной погреб. И в то время многие топоры, покупая на свои денги дорогою ценою, переломали, да мы же ... зделали в Удинску город со всяким городовым строеньем»* [12, л. 223].

В статейном списке нет данных о том, что сибирские ратники строили укрепления зимой во время боевых действий. Только после приказа 13 июня 1688 г. в Удинске вместо старого «малого и ветхого» острога был построен новый город «деревянный», который имел «4 стены, мерою по 20-ти по 3 сажени стена, вышиною 3-х сажен трехаршинных, в ширину в обламах по полчетверта аршина; 5 башен, шириною по полчетверты сажени трехаршинных, в вышину по 3 сажени, и в том числе один роскат штиугольной, шириною 6 сажен, в вышину 4 сажен». В крепости был выкопан пороховой погреб и «на нем анбар». Вокруг Удинска и слобод возвели «тройные большие надолобы, мерою 310 сажен». В Селенгинске служилые люди полка П. Грабова вместе с местными казаками выкопали вокруг крепости и слобод

¹ Точное количество погибших в полках П. Грабова и А. Смаленберга автору неизвестно. Всего в походе, включая все военные столкновения на протяжении 1686–1690 гг., сибирские ратники потеряли убитыми 29 чел. и еще 25 умерли от ран и «собоя» (т.е. от болезней и т.п.) [12, л. 282].

² В этот день в Селенгинск прибыло мирное посольство от монгольского геген-кутухты.

³ Стычки происходили с караулами монголов (насчитывавших до 300 чел.), стоявших на горах вокруг Селенгинска в 2–3 км.

ров и сделали надолбы. Крепостные башни были усилены обрубками, засыпанными землей. Все это было сделано также после снятия осады [13, с. 291–292, 348]. Таким образом, в челобитной служилые люди некоторым образом пытались усилить эффект от проделанной ими работы перенеся все свои действия по строительству, в т.ч. произведенные летом, в зимний «боевой» период. Впрочем, и зимой, возможно, какие-то работы велись, например, по возведению надолбов, но масштаб их не мог быть большим.

5. *«И будучи мы ... в осадах в Селенгинску и в Удинску многую нестерпимую нужду и голод терпели и по ночам у рогаток и надолоб днем и ночью стояли, и в подьезды еже ночей ездили, и с мунгалскими войски непрестанные бои чинили, и от тех частых посылок многие у нас, холопей ваших, лошадевка померли»* [12, л. 223].

Эта запись в большей мере отражает действия и интересы немногочисленной конной части «посольского войска», стоявшей в Селенгинске. Служилые люди, выполнявшие «конные» службы несли большие расходы на покупку лошадей и их содержание. Поэтому, в первую очередь, обращали внимание на их потерю. А вот следующий за этим текстом фрагмент челобитной написан уже представителями ратников бывших в Удинске.

6. *«А из Удинска, государи, к Селенгинску наймывали мы ... под пушки и под всякие полковые припасы лошади на свои денги дорогою ценою иркуцких новоприборных стрелцов, с пушки давали по двенадцети рублев. И как шли мы ... в Селенгинской, и в то время на Оронгойской степи напали многие мунгалские войска множественными тысячи, и с теми мунгалскими войски билися мы ... не щадя голов своих, и ... мы те мунгалские войска збили и многих мунгалцов на том бою побили»* [12, л. 223].

Упомянутые иркутские стрельцы¹, составляли самую большую часть новобранцев, которых удалось набрать в Сибири в войско Ф. А. Головина [4]. В походе новоприборные иркутские служилые люди входили в авангардные отряды, т.к лучше всех остальных частей войска знали местность. Как видно из текста, они были неплохо обеспечены гужевым транспортом, что позволило им участвовать в походе с коммерческой выгодой. Бой в «Оронгойской степи» произошел в марте 1688 г. в 20 верстах от Селенгинска около урочищ Гусиная и Соляная падь. Монголы бросили против полков все имеющиеся у них силы, применяли пушки и ружья, но потерпели неудачу и отступили, сняв блокаду крепости. У кочевников погибло 20 чел., у русских 6 или 7 чел. [13, с. 276–278]. В боях под Селенгинском большую роль играли и селенгинские казаки, а под Удинском и в Соляной пади-полк московских стрельцов, но в челобитной о них нет упоминаний.

7. *«И в прошлом, государи, во 197-м году были мы, ..., в походе с околничим и воеводою Федором Алексеевичем Головиным с товарищи на табунуцких тайшей и сошли их мунгалцов от Удинска в далних местех. И с теми мунгалскими людьми были у нас, ... бои многие, и на тех боях розбили трех человек мунгалских тайшей со всеми их улусы. И на то, ..., смотря, убоая себе такова разорения, многие*

---

¹ Всего было прибрано около 180 чел.

остальные мунгалские люди вышли под вашу великих государей высоко державную руку в вечное поданство в ясаиной платеж болиши двух тысяч юрт да с пятнатцать человек мунгалских тайшей со своими заисаны и улусными людми, и вам, великим государем, в вечное поданство безоступно шертовали и аманатов с себя дали» [12, л. 234–235].

Служилые люди обращают внимание на то, что сражались с табунутами «в дальних местах». Действительно, в ночь с 30 сентября на 1 октября 1688 г. полки Ф. А. Головина достигли лагеря кочевников больше чем в 200 верстах от Селенгинска. Скрытно подойти им помогли табунуцкие перебежчики. Бой состоял из неожиданного ночного нападения, где большую роль сыграли союзные бурятские и тунгусские конные воины, и отступления под прикрытие лагеря, где стояли пехотные полки. Во время схватки погиб только 1 ратник из сибирских полков. Служилые люди не отметили, что 9 октября 1688 г. войско снова отправилось в аналогичный поход, но он не увенчался успехом, т.к. монголы откочевали вглубь своей территории. Сведения о том, что поход привел к переходу в русское подданство 2000 юрт и 15 тайшей, следует считать несколько преувеличенными. Сразу после боя, по данным Ф. А. Головина, перешли «1 человек лама духовного чину, 6 человек зайсанов, 2 человека даруги, 13 человек шуленег» и около 1000 юрт в т.ч. 1200 чел. улусных людей старше 15 лет, которые могли быть ясачными плательщиками. Позже к ним присоединилось несколько тайшей табунутов и монголов [13, с. 355–359, 427, 444, 617].

8. *«А как, ..., по вашему великих государей указу, пошед для посолских договоров в Нерчинской, околничей и воевода Федор Алексеевич Головин с товарьщи, и мы, ..., для того подъему покупали лошади под хлебные запасы дорогою ценою, рубле по десяти и болиши, оборвав с себя последнее платьишко. И будучи в дороге от Удинска до Нерчинска от многих грязей те лошаденка свои за усталью по дороге розметали, а хлебные запасы, которые даны были нам, ..., в Удинску, волокли на себе и или с превеликою нуждею до плодбища. А как, ..., пришли на плодбище, и под те запасы мы, ..., и под ... полковые казны за оскудением подвод лес на плоты из лесу на себе волочили и, зделав плоты, пошли к Нерчинску» [12, л. 235].*

В статейном списке написано, что в полки поступили лошади от ясачных бурятов, табунутов и монголов, однако они были мало приспособлены для того, чтобы служить гужевым транспортом. Видимо, это обстоятельство вынудило, служилых людей покупать коней на свои средства. Это обстоятельство, а также работа по изготовлению плотов, не отмечены Ф. А. Головиным. Между тем, очевидно, что переход по «грязям» был реально тяжелым и затратным для служилых людей, т.к. до этого они ничего не писали о трудностях во время переходов, не смотря на длинный и непростой путь, проделанный ими от Тобольска до Даурии [13, с. 442, 451, 456, 465, 468, 471, 609–610].

9. *«А как, ..., околничей и воевода пришел в Нерчинской, и были с китайскими послы посолские договоры, и в то, ..., время от множественных сил китайских делали мы, ..., днем и ночью надолобы и построили город, и стояли на караулах*

безпреренно днем и ночью, и лошаденки, ..., у нас, ..., и досталные в то время взаперти от наступления китайскаго померли» [12, л. 235].

Надолбы в три ряда построили буквально за день 21 августа 1689 г., когда китайские войска, перейдя р. Шилку встали на горах вокруг Нерчинска. В это же время был выкопан окоп и сделан «малый город» из бревен плотов, на которых войско прибыло в Нерчинск. Скот и лошади для безопасности были размещены в нерчинских слободах, но так как острог был блокирован со всех сторон, то вскоре от бескормицы начался их падеж [13, с. 536–538, 558].

10. *«Да в то же, ..., время, забыв к себе вашу великих государей премногую милость и шертъ свою, онкоцкие и братцкие люди с полторы тысячи по прелестям китайским ... изменили и, вооружась с китайцы, многожды приходили к Нерчинску. И, видя их измену, околничей и воевода Федор Алексеевич Головин с товарищи посылал нас, ..., за теми изменники с начальными людьми и догнав тех изменников, были бои многие и многих изменников побили, а иных, государи, по прежнему возвратили под вашу великих государей высокосамодержавную руку в вечное подданство и аманатов с них в Нерчинской взяли. Так же, ..., и наша братья и иные по тех боях побиты и ранены» [12, л. 235–236].*

Перешедшие на сторону Китая буряты и онкоты, использовались китайским посольством для обострения ситуации во время переговоров и давления на Ф. А. Головина. «Изменники» собрали до 2000 воинов в кукях и стояли в 1,5 верстах от Нерчинска. Их воины усиливали китайские караулы, блокировавшие дороги из крепости. Первая стычка с ними произошла у Сажикова Яра, когда Ф. А. Головин попытался не дать перейти перебежчикам р. Нерчу. За ней последовал большой бой в 7 верстах от Нерчинска на р. Шилке. В нем с русской стороны участвовали 400 конных воинов. Потери русских составили 26 чел. убитыми и много раненых. Буряты и онкоты оставили погибшими на поле боя около 100 чел. Этот бой по количеству потерь можно сравнить только с 3-дневным сражением в январе 1688 г. под Удинском. После подписания Нерчинского договора, как только китайское посольство ушло от крепости, по «изменникам» был нанесен новый удар. В походе участвовали 600 чел. После схватки одна часть бурятов и онкотов вернулась в русское подданство, а другая откочевала на земли, контролируемые китайцами [13, с. 536–541, 558, 573, 600, 604, 607, 613].

11. *«И будучи мы, ..., по вашей ... далной и промедлительной службе от частых походов и от посылок, и служба ... четыре года конную и пешую службы вконец оскудали и до последние пришли нищеты, и многую пребезмерную нужду в походе холод и голод терпели потому, ..., что бывали нам, ..., за оскудением хлебных запасов в Удинску в мучных кормех и в соли недодачи в зимнее время болише и покупали мы, ..., хлеб дорогою ценою пуд муки по полтине и болиши. А как, ..., посолские договоры в Нерчинску кончились, и вечный мир с китайцы учинился, и в то, ..., время сказал нам, ..., великих государей указ околничей и воевода Федор Алексеевич Головин, что велено нас, ..., по вашему ... указу и по грамоте оставить в Нерчинску и Удинску. И будучи мы, ..., на вашей ... службе четыре года стали нужны и бедны, платишком и обувкой обносилися, и платишко мы, ..., покупали*

самую дорогою ценою, сукна белого аршин покупаем по десяти алтын, а чарки по осми алтын по две денги, а хрящ холста в два гроша¹. И от того мы, ..., будучи на вашей ... такой далной и промедлительной службы от конных отгонов и от дорогие хлебные покупки, платишка и обувика оскудали и одолжали великими неоплатными долгами» [12, л. 229].

В этом фрагменте сибирские ратники резюмировали бедственное положение, к которому из-за недостатка снабжения они пришли в результате 4-х летней службы вдали от своих гарнизонов. Интересны указанные цены на хлеб, одежду и обувь. В статейном списке нужды рядовых участников похода не отражены. Весь этот фрагмент текста был призван в первую очередь, обосновать просьбу служилых людей о возвращении домой.

Также, обращалось внимание на печальную судьбу оставленных ими семей. Здесь есть различия во всех трех рассматриваемых челобитных. Томские служилые люди полка А. Смаленберга написали: *«Также без нас, ..., отцы и матери, женишка и детишка наши помирают томною голодною смертию и скитаютца меж двор, а кормить и поить их бедных некому»* [12, л. 229].

У ратников из Тобольска, Тюмени и Исецких слобод были еще более веские причины. Пожары уничтожили жилье их семей и родных:

Тобояне и тюменцы написали: *«и в прошлых, ..., во 194-м и во 196-м годех волею божью грех ради наших в Тоболску и на Тюмени учинилось пожарное разорение, у многих нашей братьи дворянца наши и статки, и животишки все без остатку згорели. И по нынешней 198-й год отцы наши и матери у нас, ..., женишка наши и детишка скитаютца меж дворы, и негде им и главы приклонити, и некому их поить и кормить. А иные у нас ... отцы ж наши и матери, женишка и детишка от великих долгов стоят на правеже и мучат бес пуску»* [12, л. 219].

Исецкие драгуны, повторяя в целом этот текст, уточняют характер произошедших пожаров: *«И в прошлых, ..., во 194-м и во 195-м годех волею божью грех ради наших учинилося по Исете реке по слободам пожарное разорение от степных пожаров»* [12, л. 237].

В самом конце челобитной служилые еще раз упоминают о своих заслугах и бедствиях (этот фрагмент документа приведен в самом начале статьи) и просят грамоту, которая бы позволила им вернуться домой. Просьбы ратников, оставшихся в Даурии, были рассмотрены самым серьезным образом. Правительство рассчитывало за счет этого военного контингента усилить оборону восточных рубежей, и в тоже время, понимало, что не может без последствий насильно оставить его в Забайкалье. Решение этого вопроса требует отдельного исследования. Здесь лишь отметим, что в итоге, одна часть из сибирских служилых людей вернулась домой, а другая осталась на временную и постоянную службу в Удинске и Селенгинске, приняв участие в формировании вооруженных сил Даурии.

¹ В челобитной служилых людей полка П. Грабова это предложение несколько отличается. Здесь указано, что одежда и обувь дороги по сравнению с «русской ценой», отличается стоимость чарок: *«покупаем платишко и обувь против рускаго дорогою ценою, сукна сермяжного аршин по десяти алтын, хрящу в два гроша аршин, чарки по десяти алтын»* [12, л. 219].

Таким образом, в челобитных сибирских ратников с просьбой о возвращении их домой из Забайкалья, довольно точно отражены все основные этапы даурского похода 1686–1689 гг. Представленная в них информация соотносится с данными статейного списка Ф. А. Головина. Служилые люди из Тобольска, Тюмени, Томска, Енисейска, Илимска, Верхоленска и Нарыма в т.ч., состоявшие в разных служилых категориях, сумели создать единый текст документов, в которых они изложили свои заслуги и просьбы, приведенные к общему знаменателю. В некоторых случаях они замалчивают или приукрашивают некоторые факты, стремясь усилить эффект от совершенных ими деяний. Однако, очевидно, что эти челобитные являются одним из самых информативных источников о тяготах, выпавших на долю сибирских ратников в Даурии.

Список использованных источников и литературы

1. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. – 272 с. Aleksandrov V. A. Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.). – Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. – 272 s.
2. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток: Дальнаука, 1999. – 336 с.
Artem'ev A. R. Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII–XVIII vv. – Vladivostok: Dal'nauka, 1999. – 336 s.
3. Багрин Е. А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 288 с.
Bagrin E. A. Voennoe delo russkikh na vostochnom pogranič'ie Rossii v XVII v.: Taktika i vooruzhenie sluzhilykh lyudei v Pribaikal'e, Zabaikal'e i Priamur'e. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2013. – 288 s.
4. Багрин Е. А. Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16, № 1. – С. 161–175.
Bagrin E. A. Irkutskie novopribornye sluzhilye lyudi na zashchite dal'nevostochnykh rubezhei v 1686–1692 gg. (s poimennym spiskom) // Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii. – 2020. – T. 16, № 1. – S. 161–175.
5. Багрин Е. А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 90–119.
Bagrin E. A. Sibirskie «vybornye» sluzhilye lyudi v polku F. Golovina v 1686–1690 gg.: chislennost' i sostav (s poimennym spiskom) // Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii. – 2020. – T. 16, № 2. – S. 90–119.
6. Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII–середина XIX в. – М.: Наука, 1983. – 206 с.
Besprozvannykh E.L. Priamur'e v sisteme russko-kitaiskikh otnoshenii, XVII–seredina XIX v. – M.: Nauka, 1983. – 206 s.
7. Гольман М. И. Русско-монгольские отношения во второй половине XVII в. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2020. – № 1. – С. 54–67.
Gol'man M. I. Russko-mongol'skie otnosheniya vo vtoroi polovine XVII v. // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. – 2020. – № 1. – S. 54–67.
8. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). – М., 2012. – 321 с.

- Leont'eva G. A. Sluzhilye lyudi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII v. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov). – М., 2012. – 321 s.
9. Мелихов Г. В. Маньчжуры на северо-востоке Китая (XVII в.). – Москва: Наука, 1974. – 246 с.
- Melikhov G. V. Man'chzhury na severo-vostoke Kitaya (XVII v.). – Moskva: Nauka, 1974. – 246 с.
10. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. – 514 с.
- Myasnikov V. S. Imperiya Tsin i Russkoe gosudarstvo v XVII v. – Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. – 514 s.
11. Пузанов В. Д. Гарнизон Тобольска и присоединение Восточной Сибири к Русскому государству // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 5. – С. 43–47.
- Puzanov V. D. Garnizon Tobol'ska i prisoedinenie Vostochnoi Sibiri k Russkomu gosudarstvu // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2014. – № 5. – S. 43–47.
12. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059.
- RGADA. F. 214. Op. 3. S. 1059.
13. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1686-1691 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. – М.: Наука, 1972. – Т. 2. – 835 с.
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII veke: Materialy i dokumenty. 1686-1691 / sost. N. F. Demidova, V. S. Myasnikov. – М.: Nauka, 1972. – Т. 2. – 835 с.
14. Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – 182 с.
- Shastina N. P. Russko-mongol'skie posol'skie otnosheniya XVII veka. – М.: Izd-vo vost. lit., 1958. – 182 с.
15. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 213 с.
- Yakovleva P. T. Pervyi russko-kitaiskii dogovor 1689 goda. – М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. – 213 с.

Bagrin E. A. Siberian warriors' petitions as a historical source of F. Golovin regiments campaign to Dauria (1686–1689)

The article examines unpublished petitions of Siberian warriors who participated campaign of Ambassador F. A. Golovin to Dauria in 1686–1689. The campaign ended with the signing of the first treaty between Russia and China concerning the border. Petitions contains requests of warriors to return them home, warriors' merits and deprivations. These documents allow to compare the information of original participants of campaign with the data reflected in the chancellery of the embassy. This comparison not only confirmed the reliability of the description of campaign to Dauria in the sources, but also made it possible to reveal some facts not mentioned in the embassy documents. These petitions describe the common interests and needs of warriors of various categories from different towns of Siberia. In some cases, the petitioners embellish or conceal some facts. These documents emphasize most clearly the emergency situation with provision of food and material needs of warriors as a result of hardships during transitions and military operations.

Keywords: warriors, Cossacks, history, Siberia, Dauria, F. A. Golovin, XVII century

УДК 908(292.471):332.1

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-24-36

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЯЛТЫ В 1944 ГОДУ

Борщик Н. Д.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
e-mail: arktur4@rambler.ru*

Рассмотрены малоизученные в отечественной историографии сюжеты о послевоенном состоянии Ялты – одной из самых известных здравниц Советского Союза, «жемчужине» Южного берега Крыма. На основе анализа архивных источников проанализированы важнейшие мероприятия органов партийного и советского руководства, глав гарнизонов сразу после снятия фашистского оккупационного режима. Установлено, что властные структуры уделяли первоочередное внимание не только разрушенному хозяйству, но и скорейшему введению в действие всесоюзных и ведомственных санаториев и домов отдыха, других объектов оздоровительного типа. В результате их слаженных действий в регионе удалось в короткие сроки ввести в эксплуатацию здравницы, предприятия пищевой промышленности, коллективные хозяйства и кооперативные артели, объекты культурного наследия и социально-бытовой сферы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, Крымский полуостров, Ялта, восстановление инфраструктуры.

Чем дальше от нас по времени отстоит 1945 год, принесший освобождение народам от фашизма, тем сильнее ощущается величие Победы как события всемирно-исторического масштаба. В этом году в нашей стране отмечается 75-летие этого знаменательного события, но в силу ограничительных мер и борьбы с коронавирусной инфекцией не в полной мере удалось отдать дань уважения и памяти героям: менее торжественно прошли парады и митинги, были перенесены или отменены праздничные мероприятия. Но в народной памяти 9 мая 1945 года навсегда останется как светлый день Великой Победы и день памяти всех погибших в те страшные годы.

За прошедшие годы написаны и опубликованы сотни фундаментальных трудов, монографий, научных статей, учебных пособий и т.д., так или иначе затрагивающих тематику Великой Отечественной войны. Несмотря на такое разнообразие, в отечественной историографии до сих пор остаются неизученными отдельные аспекты. Не избежал подобной участи и Крымский полуостров, вновь вошедший в состав России в 2014 г. Можно отметить, что «крымская» военная тематика довольно часто становилась предметом специального изучения. Еще в советское время вышел ряд сочинений обобщающего характера [1; 13; 14; 17; 27]. В постсоветский период основное внимание уделялось ходу военных действий, героической обороне Керчи, Севастополя и др. [2; 10–12; 15; 23]. Есть более современные исследования по проблемам коллаборационизма, национальных отношений в оккупированном Крыму, геноцида отдельных народов и т.д. [19; 20;

24]. Появилось множество электронных публикаций, где в самом общем виде рассмотрены периоды отступления Красной Армии из Крыма, а также наступательная операция 1944 г. [16; 18; 21]. Можно отметить попытки переосмысления уже известных фактов и событий периода Великой Отечественной войны [26].

Но заключительный период военных действий 1944–1945 гг., когда на территории тогдашней Крымской АССР началось интенсивное восстановление разрушенного хозяйства, изучен менее подробно. Такую же ситуацию можно наблюдать и в отношении Южного берега Крыма, где не было крупных военных действий. Подобная тематика пока стала лишь предметом изысканий местных краеведов [9; 22]. На наш взгляд, такая избирательность не дает возможность в полной мере сопоставить масштаб действий органов управления по восстановлению инфраструктуры населенных пунктов, дать оценку эффективности их деятельности. Цель настоящей статьи – изучение советского опыта восстановления разрушенной фашистскими оккупантами Ялты как санаторно-курортного объекта всесоюзного значения, введения в строй объектов городского хозяйства и социальной сферы.

Источниками стали архивные документы из Государственного архива Республики Крым (ГАРК), Управления по архивным делам города Ялты [3–8, 25]. Иллюстрациями к статье стали материалы отдела фондов Историко-литературного музея города Ялты (фото и репродукции).

Известно, что с 8 апреля по 12 мая 1944 года длилась военная операция по изгнанию фашистских захватчиков с территории Крымского полуострова. А Ялта была освобождена войсками Красной Армии 16 апреля 1944 г. [20, с. 55]. 20 апреля 1944 г. до сведения населения Большой Ялты был доведен Приказ № 1 начальника гарнизона по городам Алушта, Ялта, Гурзуф, Алупка гвардии генерал-майора Колдубова: «§ 1. С сего числа вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона. Моими заместителями назначаю: по г. Алушта – гвардии полковника Денисенко, по г. Гурзуф – гвардии полковника Наджабова, по г. Алупка – гвардии майора Костина. § 2. Комендантами гарнизонов назначаю: г. Алушта – гвардии подполковник Бабаян, г. Гурзуф – гвардии подполковника Осипчук, г. Ялта – гвардии капитана Петрова, г. Алупка – гвардии майора Кузменко».

В обязанности комендантов городов и заместителей начальника гарнизона входило: собрать «в определенных местах силами местного населения» все трофейное оружие и военное имущество, установить круглосуточное патрулирование «для поддержания общественного порядка», регистрировать все прибывающие в пределы гарнизона воинские части, следить за соблюдением светомаскировки. Всему гражданскому населению, в том числе и бывшим партизанам, «имеющих оружие, боеприпасы, автотранспорт (машины, мотоциклы, велосипеды), военное снаряжение, обмундирование и другое военное имущество» предлагалось сдать все вышеперечисленное комендантам городов [8, л. 53].

В первые дни в освобожденном городе были восстановлены советские и партийные органы власти. В Ялте обязанности ио председателя горисполкома исполнял Федор Федорович Спицын, позже, в мае 1944 г., на эту должность был

назначен Михаил Андреевич Македонский – один из лидеров крымского партизанского движения. Его заместителем стал Рачков Евгений Дмитриевич, ответственным секретарем – Кулинич Василий Моисеевич. В документах того времени упоминается имя Минько Александры Михайловны – ответственного секретаря общего отдела. Председателем Ялтинского районного совета депутатов трудящихся стал Б. Чолах. Ялтинский горком ВКП(б) возглавил Кузнецов Василий Антонович [3, л.2]. На них были возложены задачи восстановления разрушенного города и округа, скорейший ввод в эксплуатацию курортной инфраструктуры.

Рис. 1. Фото ч/б. М. А. Македонский, председатель Ялтинского горисполкома. 1944 г. Из материалов отдела фондов МБУК «Ялтинский историко-литературный музей», Нв 9657.

Эти задачи были озвучены в листовке от 19 апреля 1944 г. и передовице первого выпуска ялтинской газеты «Сталинское знамя» от 26 апреля 1944 г.: «К населению города Ялты. Дорогие товарищи! <...> Ялта – всесоюзная здравница снова стала советской, в Севастополе уничтожаются остатки немецко-румынских банд, врагам не видать больше солнечного Крыма.<...>Своему освобождению от фашистского рабства, своей свободой мы обязаны героической Красной Армии, нашим храбрым партизанам и партизанкам <...> Отблагодарим же достойно наших бойцов <...> выразим свою признательность Красной армии <...> дружно

возьмемся за восстановление разрушенной и разграбленной немецко-фашистскими варварами нашей красавицы Ялты. Мобилизуем все свои силы, свою волю, свою энергию, чтобы в самый короткий срок полностью восстановить нашу промышленность, курортное хозяйство» [3, л. 64; 25, л. 112].

Рис. 2. Фото ч/б. В. М. Кулич, отв. секретарь Ялтинского горисполкома. 1944 г. Из материалов отдела фондов МБУК «Ялтинский историко-литературный музей», № 2233.

В первую очередь, городские власти Ялты провели учет сохранившихся материалов и ресурсов. Из справочника 1940 г. известно, что в Ялте накануне войны проживало около 35 тыс. чел., к июлю 1944 г. осталось чуть более 8 тыс. В черте города находилось 39 санаториев и домов отдыха, половина из которых была разрушена, взорвана, сожжена. Предстояло проделать колоссальный объем работ за достаточно короткий срок.

Уже 27 апреля 1944 г. Ялтинский райисполком в порядке информации «о проделанной работе по учету состояния народного хозяйства района» сообщал, что «всего за 10 дней произведен учет в 10-ти сельских советах с количеством зарегистрированного населения 11582 человека. Подразделения на мужчин и женщин не имеется. <...> Всего учтено специалистов сельского хозяйства:

агрономов 11, вет. врачей 2, трактористов 3, слесарей 4, плотников 9». Также известно, что к этому времени «восстановлены и начали работать 19 колхозов» [6, л. 8–9 об.].

Рис. 3. Фото ч/б. Ялта. Пехота на Набережной. 16 апреля 1944 г. Из материалов отдела фондов МБУК «Ялтинский историко-литературный музей», Кн 1655, Ф 430.

Информация о состоянии посевного фонда на конец апреля 1944 г. по колхозам и артелям Большой Ялты имеется в материалах фонда исполнительного комитета Ялтинского районного совета депутатов трудящихся, гор. Ялта Крымской АССР. 1944–1948 гг. [подсчитано автором по: 6, л. 2].

Название Колхоза / артели	Общ. площадь	Откопка		Перекопка		Заготовка	
		План выполнен	Недовыполнен	План выполнен	Недовыполнен	План выполнен	Недовыполнен
Им. Кагановича	25, 60	22	3,60	17	8,60	-	-
Им. Кирова	69,82	57	12,82	56	13,82	-	-
Им. Молотова	34,82	17	17,82	16	18,82	-	-
Им. XVI Партсъезда	44,99	44,99	-	38	6,99	-	-
Им. VII съезда Советов	115	96,3	18,7	79,2	35,8	40	27,8

Артель Осоавиахим	111,02	111,02	-	100	11,02	15	6
Им. XVII Партсъезда	68,79	68,79	-	37	31,79	15	10,5
Им. Сталина	22,16	18	4,16	16	6,16	-	-
Им. Тельмана	37,65	37,65	-	29	7,65	-	-
Им. Калинина (Аутка)	36,25	36,25	-	27	9,25	-	-
Красная заря	34,43	28,92	5,51	18,2	16,23	-	-
Им. Куйбышева	26,37	26,37	-	19,5	6,87	12	8
Им. Буденного	кол	33,97	-	26	7,97	2	2
Им. 25-летия Октября	53,30	45,6	7,7	37	16,30	45	10
Им. Калинина (Симеиз)	41,40	-	31,40	10	-	-	-
Иллери	18,44	18,44	-	17	1,44	-	-
Им. III Интернационала	53,39	50,2	3,19	26,5	26,79	36	23
Им. Красных партизан	15,26	15,26	-	8	7,26	-	-
Ленинский путь	13,25	13,25	-	9,75	3,75	-	-

Судя по табличным данным, практически во всех колхозах наблюдалось невыполнение плановых показателей вследствие отсутствия инвентаря и сельхозтехники. Согласно докладной из Ялтинского райисполкома председателю совета народных комиссаров Крымской АССР от 27 апреля 1944 г. в регионе «очень сильно пострадало конское поголовье. Пока всего учтено лошадей 67, коров 54, волов 1, свиней нет, коз и овец 424. Сельхозинвентарь: тракторов 1, плугов конных 14, борон 25, телег и бричек 23. Автомашин нет» [6, л. 8].

Еще более удручающая картина состояния сельского хозяйства освобожденной Ялты и ее окрестности видна из докладной записки Ялтинского райземотдела заместителю наркома земледелия Крымской АССР тов. Османову: «По неуточненным еще данным выяснено, что из общей площади виноградников 818 га, бывших до оккупации осталось 726 га, из которых 605 га плодоносят. Из 437,71 га садов осталось 214,76 га, из которых 207,46 га плодоносят. Перекопано земли под табак 269 га против 350 га, которые мы имели до оккупации. Из 7 га ягодников (клубники) осталось всего лишь 0,5 га». Сильно пострадало и животноводство: «Крупный рогатый скот из 126 голов до оккупации остались 2. Из 149 лошадей (2 жеребца-производителя, 62 конематки, 68 рабочих лошадей, 4 жеребенка до 1 года), не осталось ни одной» [7, л. 10].

21 апреля 1944 г. было обнародовано письмо члена военного совета 4-го Украинского фронта генерал-майора тов. Субботина о категорическом запрещении всем воинским частям изымать у колхозов тракторы, моторы, комбайны, прочее оборудование МТС и совхозов, а также оборудование других предприятий.

Гражданские власти в это время издали серию нормативов, предписывающих гражданам добровольно сдать имеющееся по домам имущество предприятий, медицинское оборудование, оружие, мебель из санаториев и домов отдыха, продукты питания и пр. Одновременно запрещалось самовольно занимать пустующие жилые помещения, дома и квартиры.

Среди первоочередных задач было крайне необходимо наладить деятельность медицинских объектов, не допустить всплеска в городе инфекционных заболеваний. Из докладной С. Грищука, начальника группы восстановления народного хозяйства Ялтинского горисполкома следует, что «после оккупации материальная часть лечебно-профилактических учреждений города в основном сохранена за исключением детских лечучреждений, которые были полностью уничтожены. За это время была произведена очистка учреждений от грязи и мусора, открыта детская поликлиника с 9-ю кабинетами, открыты детские ясли с круглосуточной работой на 60 коек, родильный дом на 80 коек. Проведены работы по проверке населения на эпид. заболеваемость: учтены все ранее болевшие вензаболеваниями и туберкулезом с целью лечения, произведено санобследование города» [3, л. 23].

9 мая 1944 г. в Ялте состоялся общегородской митинг, посвященный освобождению Севастополя и «полному очищению Крыма от гитлеровских мерзавцев». В заметке «Ялта ликует» в местной газете «Сталинское знамя» сообщалось, что «он настал, этот радостный день, когда радио сообщило об освобождении Севастополя и полном очищении жемчужины советской земли – Крыма от подлых немецко-румынских оккупантов. <...> Около трех тысяч человек заполнили городской сад <...> Морякам и бойцам, пришедшим на митинг, преподносят букеты цветов <...> Ялта ликует – Севастополь наш, и Крым полностью очищен от гитлеровских людоедов. Сокрушительный удар Красной Армии отодвинул линию фронта от Крыма на несколько сот километров» [25, л. 99].

Уже к июню 1944 г. в Ялте была создана комиссия по установлению и расследованию разрушений, произведенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками по городу Ялте. В нее вошли представители городских властей, общественности, чиновники, священнослужители, например, среди членов комиссии были: «секретарь Ялтинского горкома ВКП(б) Кузнецов Василий Антонович; учительница ялтинской средней школы Зинаида Григорьевна Волоткевич; заведующая домом-музеем А.П. Чехова в Ялте Мария Павловна Чехова, председатель Ялтинского горкома Алексей Федорович Белоус, священник – настоятель Александро-Невского собора Алексей Артемьевич Муисеенко» и др. [4, л. 86]. Благодаря их усилиям удалось оперативно описать и подсчитать ущерб, нанесенный городскому хозяйству Ялты при оккупационном режиме. Эти документы совсем недавно стали доступны исследователям [5].

Естественно, что основное внимание власти уделяли скорейшему вводу в эксплуатацию санаторно-курортных объектов. Известно, что этой сфере в Ялте был нанесен колоссальный ущерб: «На всех курортах и во всех санаториях немецкие бандиты вывезли все ценное имущество: картины, ковры, посуду, шифоньеры, гарнитуры мягкой мебели, стулья, кровати <...> Все санатории остались без какого-

либо оборудования. Полное отсутствие мягкого инвентаря, медицинского оборудования и медикаментов». Сильно пострадали парки, цветники, оранжереи. Тем не менее, было решено, что «при наличии мелкого ремонта (главным образом, вставка стекол и др.) можно сравнительно быстро восстановить и пустить в эксплуатацию» около 20 санаториев на 6 тыс. койко-мест. Власти сообщали, что «в настоящее время развернуты на всех курортах работы по приведению в порядок сохранившихся зданий. Приводятся в порядок территории и служебные помещения. Виноградники и огороды в значительной части разработаны. Также начался сбор имущества от населения» [7, л. 17].

Среди материалов фонда Ялтинского городского исполнительного комитета трудящихся сохранились сведения о состоянии социальных объектов сразу после освобождения Ялты: «Состояние школ. Всего учтено школ 15. Из них разрушено 2. Работают 14 школ. Учтено учителей 62 человека. Медицинские и лечебные учреждения. Всего учтено 2 больницы, 7 амбулаторий и 1 родильный дом. Приступило работать 4 амбулатории и 1 больница. Учтено врачей 12, которые уже направлены для работы. Клубы. Всего учтено 10 клубов, из них разрушено 5, приступили к работе 4». Сообщалось, что «государственный историко-бытовой дворец-музей в гор. Алушке в основном сохранен. Большая часть ценностей дворца-музея также сохранилась. Музей работает. Уже пропустил до 3000 экскурсантов, главным образом бойцов и командиров Красной Армии».

Из информационно-докладной записки директора Государственного Никитского ботанического сада им. В. М. Молотова А. Коверга известно, что «все лабораторные здания и научные лаборатории сохранены. Сохранился и жилой фонд, дом специалистов, общежитие рабочих». Озабоченность директора вызывал кадровый состав: «в настоящее время наличный состав работников сада составляет 135 чел., из них научных работников 16 чел., научно-технических 18 чел., садовников 11 чел., квалифицированных рабочих 45 чел., чернорабочих 27 чел. <...> Положение с рабочей силой крайне трудное, т.к. для восстановительных работ требуется не менее 150 – 200 рабочих и садовников. <...> очень тяжелое положение с транспортом и питанием» [7, л. 9].

На этом фоне достаточно оптимистично выглядят сообщения о начале работы довоенных городских объектов: аптеки, музея, библиотеки, рынка и т.д. Подобные объявления размещались на страницах городской газеты «Сталинское знамя» и вызывали большой энтузиазм у населения. Например, на 27 апреля 1944 г. известно: «Список сотрудников Центрального музея (бывш. Методическая учительская библиотека и музей при ней, ул. Садовая, 2): Моисеев Лаврентий Алексеевич – научный сотрудник (в настоящее время болен после апоплексического удара); Феннингер Наталия Владимировна – научный сотрудник (работала под руководством т. Моисеева как его помощница); Феннингер Владимир Владимирович – хранитель имущества; Ковалевская Валерия Ивановна – сторож-уборщица»; или «список сотрудников гораптеки гор. Ялты: Романовский Александр Викторович – заваптекой, Бабиян Семеон Аракелович – контролер, Максименко Наталия Яковлевна – бухгалтер, Сафонова Мария Андреевна – оптик, Копытина

София Дмитриевна, Султанова Зулейка Шейховна, Бассак Елена Алексеевна, Евстафиади Евтихия Триандофиловна – рецепторы. Всего 12 человек. Включая 2-х уборщиц» [25; 3, л. 58, 68].

Из «Записки о работе предприятий и учреждений гор. Ялты на 25 мая 1944 г.» следует, что «всего по городу Ялта на 25 мая с.г. приступило к работе 35 предприятий с числом рабочих и служащих 1171 чел. и 99 учреждений и организаций с числом служащих 2038 чел. Всего имеется 134 предприятий, учреждений и организаций с общим числом работников 3200 чел. <...> Они приступили к работе по восстановлению разрушенного немецко-фашистскими оккупантами хозяйства, однако часть уже наладили работу и выполняют производственную программу» [4, л. 28].

За лето 1944 г. в городе были восстановлены и «уже работают 4 начальные школы с числом учащихся 413 чел. Учителей в них 10 чел. Имеются 2 неполные средние школы с числом учащихся 432 чел. и 38 учителей. Открыт детский сад на 62 места и детский дом на 60 мест. Действует городская библиотека, число абонентов 798, книг – 83910». Оперативно была восстановлена телеграфная и телефонная связь с Симферополем, Гурзуфом, Никитой, Алушкой, Симеизом и другими населенными пунктами ЮБК. Был даже открыт киоск Союзпечати.

Рис. 4. Почтовая открытка. Общий вид довоенной Ялты со стороны Ливадии. Этюд А. В. Мартынова. Из материалов отдела фондов МБУК «Ялтинский историко-литературный музей», Кн 43649, Откр. 2423.

Но, несмотря на очевидные успехи, далеко не все получалось. Можно отметить, что на фоне всеобщей радости освобождения от фашизма Ялту, как и весь Крым, захватила волна депортации. В мае 1944 года сотни граждан разных национальностей (татар, болгар, греков, немцев и пр.) были принудительно выселены с полуострова в республики Средней Азии, Алтайский край, Оренбуржье и др. Длительное время эти сюжеты замалчивались, да и сейчас являются достаточно болезненными. О масштабах депортации на ЮБК можно судить по сохранившейся докладной записке Ялтинского районного отдела народного образования от 24 мая 1944 г.: «На 1 мая числилось школ 27, учеников 3244, учителей 117. Ликвидировано татарских школ 17, учеников 1904, учителей 59. Осталось в наличии 10 школ, 1340 учеников, 58 учителей». Крупнейшими из ликвидированных татарских школ были: Ай-Васильевская – 252 ученика и 5 учителей), Дегенмеркойская (современное с. Запрудное. - Н.Б.) – 230 ученика и 4 учителя, Гурзуфская – 176 ученика и 3 учителя, Алупкинская – 167 ученика и 8 учителей [7, л. 27].

Проблема была и в кадрах, которых катастрофически не хватало: «На 10 июля 1944 г. все руководящие организации города уже функционируют. Но некоторые из них своей работы по тем или иным причинам в надлежащей степени еще не развернули, а многие не укомплектовали утвержденно для них штата сотрудников. Например, в пожарную охрану нужно 47 чел., набрано 17, в гортоп 11 – набрано 0, сберкасса – нужно 22, набрано 9. Всего требовалось 760 сотрудников, пока набрали 372» [5, л. 54]. Не удавалось сразу запустить и значимые городские объекты, в том числе, Ялтинский порт: «В порту произведены большие разрушения. Несмотря на то, что в штат зачислено 98 человек рабочих и служащих, <...> работы по восстановлению порта ведутся крайне медленно. До настоящего времени не только не произведено каких-либо значительных работ, но по настоящему даже не убрана от грязи территория порта» [3, л. 28].

Эти и другие проблемы широко обсуждались в местной прессе, на страницах газеты «Сталинское знамя», стали дискуссионными на общегородском совещании советско-хозяйственного и профсоюзного актива 22 августа 1944 г. В Постановлении этого собрания говорилось, что «немецко-фашистские оккупанты за два с половиной года своего разбоничьего хозяйничания опустошили наш цветущий солнечный город Ялту, разрушили городское хозяйство, всю промышленность города, средства связи, культурно-бытовые предприятия – электростанцию, водопровод, канализацию, все банно-прачечное хозяйство, школы, больницы, жилые дома, санатории, превратили лучшие здания и сооружения нашей всесоюзной здравницы в груды развалин». В целях «быстрейшего восстановления городского хозяйства» и «ликвидации последствий оккупационного режима» общее собрание считало «необходимым провести первоочередные работы по восстановлению мясокомбината, молочного завода, завода безалкогольных напитков, а также «открыть в 1944 г. 18 магазинов, 7 ларьков и 8 столовых, в т.ч. одну детскую, один склад». Было решено «до конца года восстановить и организовать пять артелей промысловой кооперации, две мастерские по ремонту

обуви и одну по ремонту предметов домашнего обихода», «организовать ремонтно-пошивочные мастерские и одну швейную» [3, л. 88–90].

Большое внимание предполагалось уделить «агитмассовой» работе. Было необходимо «добиться 100% охвата всех рабочих и служащих и привлечению всего трудоспособного населения на восстановление городского хозяйства», «потребовать от всех руководителей предприятий и организаций вести решительную борьбу со всеми элементами тунеядства и разгильдяйства» и т.п. Городские власти считали, что «трудящиеся города Ялты все как один под лозунгом “Ни одного ялтинца вне восстановления народного хозяйства” должны принять активное участие в возрождении нашего города и превращения его в цветущий город-курорт» [3, л. 88–90].

Таким образом, краткий обзор деятельности партийных и советских органов в Ялте на протяжении апреля-августа 1944 г. позволяет прийти к выводу о достаточно успешном опыте быстрого восстановления городского хозяйства и инфраструктуры Южного берега Крыма. В самых общих чертах была решена важнейшая для города проблема продовольственной безопасности, медицинского обслуживания, в результате чего удалось избежать массовых жертв среди населения от голода и болезней.

Список использованных источников и литературы

1. Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. – М.: Наука, 1987. – 336 с.
Basov A. V. Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945. – М.: Nauka, 1987. – 336 s.
2. Ванеев Г. И. Севастополь, 1941–1942. Хроника героической обороны: В 2-х кн. Кн. 1. – К.: Украина, 1995. – 253 с.
Vaneev G. I. Sevastopol', 1941–1942. Hronika geroicheskoj oborony: V 2-h kn. Kn. 1. – K.: Ukraina, 1995. – 253 s.
3. Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК). – Ф. Р-1030. – Оп. 6. – Д. 3.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (dalee GARK). – F. R-1030. – Op. 6. – D. 3.
4. ГАРК. – Ф. Р-1030. – Оп. 6. – Д. 5.
GARK. – F. R-1030. – Op. 6. – D. 5.
5. ГАРК. – Ф. Р-1289. – Оп. 1. – Д. 4.
GARK. – F. R-1289. – Op. 1. – D. 4.
6. ГАРК. – Ф. Р-2058. – Оп. 6. – Д. 1.
GARK. – F. R-2058. – Op. 6. – D. 1.
7. ГАРК. – Ф. Р-2058. – Оп. 6. – Д. 5.
GARK. – F. R-2058. – Op. 6. – D. 5.
8. ГАРК. – Ф. Р-3405. – Оп. 2. – Д. 2.
GARK. – F. R-3405. – Op. 2. – D. 2.
9. Гурьянова Н. М. Ялта в годы Великой Отечественной войны. В кн.: Памятники Большой Ялты. Справочник-путеводитель. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. – 144 с.
Gur'yanova N. M. Yalta v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. V kn.: Pamyatniki Bol'shoj Yalty. Spravochnik-putevoditel'. – Simferopol': Biznes-Inform, 2008. – 144 s.
10. Дельнов А. А. Крым в годы Великой Отечественной войны. – URL: <https://svastour.ru/articles/puteshestviya/rossiya/krym/krym-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-.html>
11. Дельнов А. А. Крым в годы Великой Отечественной войны. – URL: <https://svastour.ru/articles/puteshestviya/rossiya/krym/krym-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-.html>
11. Исаев А. В. Оборона Крыма осенью 1941 г. Отступление к Севастополю. В кн.: Битва за Крым 1941–1944 гг. – URL: <https://arsenal-info.ru/b/book/916905488/2>

- Isaev A. V. Oborona Kryma osen'yu 1941 g. Otstuplenie k Sevastopolyu. V kn.: Bitva za Krym 1941–1944 gg. – URL: <https://arsenal-info.ru/b/book/916905488/2>
12. Крым 1944. Весна освобождения. Авт.-сост. Ткаченко С. Н. – М.: Вече, 2014. – 512 с.
Krym 1944. Vesna osvobozhdeniya. Avt.-sost. Tkachenko S. N. – M.: Veche, 2014. – 512 s.
13. Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. / [Ред. коллегия: И. С. Чирва (отв. ред.) и др.]. – Симферополь: Крымиздат, 1963. – 342 с.
Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. / [Red. kollegiya: I. S. Chirva (otv. red.) i dr.]. – Simferopol': Krymizdat, 1963. – 342 s.
14. Крым в период Великой Отечественной войны, 1941–1945: сборник документов и материалов / [сост. И. П. Кондранов, А. А. Степанова]. – Симферополь: Таврия, 1973. – 487 с.
Krym v period Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945: sbornik dokumentov i materialov / [sost. I. P. Kondranov, A. A. Stepanova]. – Simferopol': Tavriya, 1973. – 487 s.
15. Крым, 1944: документы и материалы / под общ. ред. С. Н. Ткаченко. – Феодосия: РИО НИЦ, 2017. – 330 с.
Krym, 1944: dokumenty i materialy / pod obshch. red. S. N. Tkachenko. – Feodosiya: RIO NIC, 2017. – 330 s.
16. Минеев А. Крым в годы Великой Отечественной войны. URL:<https://ok-crimea.ru/krym/stati/2019/3785/kryim-v-godyi-velikoy-otechestvennoy-voynyi/>
Mineev A. Krym v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. URL:<https://ok-crimea.ru/krym/stati/2019/3785/kryim-v-godyi-velikoy-otechestvennoy-voynyi/>
17. Моргунов П. П. Героический Севастополь / Отв. ред. В. И. Ачкасов. – М.: Наука, 1979. – 520 с.
Morgunov P. P. Geroicheskij Sevastopol' / Otv. red. V. I. Achkasov. – M.: Nauka, 1979. – 520 s.
18. Остинов С. Крым в Великой Отечественной войне: Знаковые даты и малоизвестные факты. – URL:<https://www.crimea.kp.ru/daily/26826/3865671/>
Ostinov S. Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne: Znakovye daty i maloizvestnye fakty. – URL:<https://www.crimea.kp.ru/daily/26826/3865671/>
19. Непомнящий А. А., Ломакин Д. А. «Преодолевая нечеловеческие трудности»: Крымский государственный медицинский институт имени И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны (по документам Государственного архива Российской Федерации) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – Волгоград, 2020. – Т. 25, № 2. – С. 103–127.
Nepomnyashchij A. A., Lomakin D. A. «Preodolevaya nechelovecheskie trudnosti»: Krymskij gosudarstvennyj medicinskij institut imeni I. V. Stalina v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (po dokumentam Gosudarstvennogo arhiva Rossijskoj Federacii) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. – Volgograd, 2020. – T. 25, № 2. – S. 103–127.
20. Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014. – 414 с.
Roman'ko O. V. Krym v period nemeckoj okkupacii. Nacional'nye otnosheniya, kollaboracionizm i partizanskoe dvizhenie. 1941–1944. M.: Centrpoligraf, 2014. – 414 s.
21. Рунов В., Зайцев Л. Битва за Крым 1941–1944 гг. От разгрома до триумфа. – URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/bitva-za-krim-1941-1944-ot-razgroma-do-triumfa.html> (дата обращения 22.08.2020 г.)
- Runov V., Zajcev L. Bitva za Krym 1941–1944 gg. Ot razgroma do triumfa. – URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/bitva-za-krim-1941-1944-ot-razgroma-do-triumfa.html> (data obrashcheniya 22.08.2020 g.)
22. Славич С. К. Три ялтинские зимы. – Симферополь, 2005. – 268 с. Slavich S. K. Tri yaltinskie zimy. – Simferopol', 2005. – 268 s.
23. Ткаченко С. Н. Ак-Монайский узел. Боевые действия в Юго-Восточном Крыму в годы Великой Отечественной войны: монография / С. Н. Ткаченко, В. В. Соцкий, А. Ю. Бутовский. – Симферополь: Бровка А. А., 2019. – 468 с.

Tkachenko S. N. Ak-Monajskij uzel. Bovieye dejstviya v Yugo-Vostochnom Krymu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: monografiya / S. N. Tkachenko, V. V. Sockij, A. Yu. Butovskij. – Simferopol': Brovko A. A., 2019. – 468 s.

24. Тяглый М.И. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова, 1941–1944. Справочник. – Симферополь: БЕЦ «Хесед Шимон», 2005. – 106 с.

Tyaglyj M. I. Mesta massovogo unichtozheniya evreev Kryma v period nacistskoj okkupacii poluoostrova, 1941–1944. Spravochnik. – Simferopol': BEC «Hesed Shimon», 2005. – 106 s.

25. Управление по архивным делам Администрации города Ялта. – Ф 339. – Оп. 1. –Д. 1.

Upravlenie po arhivnym delam Administracii goroda YAlta. – F 339. – Op. 1. –D. 1.

26. Филимонов С. Б. У истоков разработки темы «Крым в период Великой Отечественной войны» // Актуальные вопросы истории, историографии и источниковедения Юга России: к 75-летию освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков: Материалы региональной научно-практической конференции. Под ред. С.Б. Филимонова. – Симферополь, 2019. – С. 92–97. Filimonov S.B. U istokov razrabotki temu «Krym v period Velikoj Otechestvennoj vojny» // Aktual'nye voprosy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya Yuga Rossii: k 75-letiyu osvobozhdeniya Kryma ot nemecko-fashistskih zahvatchikov: Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod red. S. B. Filimonova. – Simferopol', 2019. – S. 92–97.

27. Шамко Е. Н. Партизанское движение в Крыму. – Симферополь: Крымиздат, 1959. – 160 с.

Schamko E. N. Partizanskoe dvizhenie v Krymu. – Simferopol': Krymizdat, 1959. – 160 s.

Borshchik N. D. Restoration of the infrastructure of Yalta in 1944

The article considers little-studied stories in Russian historiography about the post-war state of Yalta - one of the most famous health resorts of the Soviet Union, the "pearl" of the southern coast of Crimea. Based on the analysis of mainly archival sources, the most important measures of the party and Soviet leadership bodies, the heads of garrisons immediately after the withdrawal of the fascist occupation regime were analyzed. It was established that the authorities paid priority attention not only to the destroyed economy and infrastructure, but also to the speedy introduction of all-Union and departmental sanatoriums and recreation houses, other recreational facilities. As a result of their coordinated actions in the region, food industry enterprises, collective farms and cooperative artels, objects of cultural heritage and the social and everyday sphere were put into operation in a short time.

Keywords: Great Patriotic War, occupation, Crimean peninsula, Yalta, infrastructure restoration.

УДК 904.5. (477.75) 638

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-37-44

ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНОВ-КОЛЕСНИЧИХ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Колтухов С. Г.

*ФГБУН Институт археологии Крыма РАН,
г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: Kolyukhov@mail.ru*

Охарактеризованы материалы двух комплексов находок, происходящих из захоронений киммерийских воинов. Одно – из погребений, расположенное на границе степного и Предгорного Крыма, обнаружено и раскопано археологами при строительстве трассы Таврида в 2017 г., часть материалов опубликована в 2018–2019 г. Второе погребение, локализуемое в Степном Крыму, было разрушено грабителями, а сохранившийся материал, был приобретен коллекционером и опубликован в 2017 г. Комплексы, безусловно, яркие. По материалу они определяются, как захоронения воинов – всадников новочеркасской группы погребений предскифского времени. Однако самым интересным стало то, что в обоих комплексах присутствовали разнообразные предметы характерные как для узды верховых коней, так и для деталей и упряжи колесниц VIII в. до н.э. Подобные находки нечасты, хотя и известны и на Кавказе, еще реже они встречаются Северном Причерноморье. Сами же колесницы появились в бронзовом веке на востоке Евразийской степи, однако в европейской части степного коридора они появились позднее, очевидно не ранее начала железного века.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Крым, предскифское время, киммерийцы, памятники новочеркасской группы, конское снаряжение, наконечники стрел, кинжал.

Погребение 16 в кургане Льговское 2, [12; 13], датировано исследователями кургана VIII в. до н.э.¹ Впускное погребение обнаружено в центральной части шестиметрового кургана Льговское 2 в Кировском районе при строительстве трассы «Таврида». Погребальное сооружение представляло собой большую прямоугольную яму, ориентированную сторонами по странам света. Деревянное перекрытие, укрепленное камнями, рухнуло вниз. Яма имела деревянную столбовую конструкцию, внутри могла находиться еще одна малая деревянная конструкция. Аналогичные по форме и размерам прямоугольные гробницы с деревянными конструкциями обнаружены в Александровских курганах 1 и 6 в Степном Приднестровье [11, с. 313–314].

Захоронение мужчины было совершено на спине головой на запад. Подогнутые ноги распались ромбом². На уровне пояса найден каменный оселок, железная проколка, слева железный кинжал, очевидно, предметы связаны с поясом. У ног

---

¹ Благодарю исследователей кургана за возможность ознакомиться с материалами раскопок.

² Положение и ориентация усопшего, скорее всего новочеркасская, то же относится к инвентарю, однако, скорченность – признак более характерный для черногоровцев.

обнаружены бронзовые удила со псалями и костная пронизь. В углах гробницы были поставлены две корчаги с резным орнаментом.

Погребальный инвентарь достаточно показателен. Металлические части конской упряжи относятся к изделиям новочеркасского облика. Бронзовые стержневидные двухчастные двухдырчатые удила с навесными распределителями и с ребристым декором на стержнях (рис. 1,6). В комплекте с ними обнаружены трехпестельчатые бронзовые псалии (рис. 1,6) с концом в виде изогнутой лопасти, относящиеся к классическому типу древностей второй половины VIII в. до н.э. [4, с. 94]. Аналогии фрагментированной костяной пронизи с резным циркульным орнаментом автору неизвестны¹.

Железный кинжал, без выделенного перекрестия, сужающийся к накладной рукояти (рис. 1,5), скорее всего, центрально-европейского происхождения².

Лепные чернолощенные сосуды высотой более 30 см относятся к корчагам с узким высоким и средневысоким коническим горлом, и резным декором. Как тип известны и в кизил-кобинской культуре, и в киммерийских древностях Причерноморья [5; 9; 10; 11]. Они характеризуются небольшим уступом в основании горла, широким туловом с покатыми плечиками, (рис. 1, 1,2). Особенностью сосудов являются небольшие профилированные ручки на плечиках, в древностях кизил-кобинской культуры до сих пор неизвестные, но известные на корчагах гальштатского облика.

Резной орнамент одной из корчаг (рис.1, 2) в виде пояса косых линий сгруппированных симметрично может быть отнесен к группе 10 по С. Н. Сенаторову [14, с. 21], типу 18 г по И. В. Бруяко [3, с. 22, рис. 2], к типу 1а-УБ по Э. А. Кравченко [10, с. 236, рис. 196]. Близкий декор известен на таком кизил-кобинском поселении как Дружное 1, [9, с. 131, рис. 31, 5, с. 33, рис. 33, 27], отнесенном В. А. Колотухиным к первому этапу кизил-кобинской культуры или же к младшему дотаврскому и первому таврскому периоду по Э. А. Кравченко [10, с. 94]. На керамике поселения Карагач он присутствует, но уже в сочетании с пояском наколов [9, с. 135, рис. 35,1, с. 136, рис. 36, 1]. Карагач отнесен В. А. Колотухиным к началу второго этапа этой культуры, а Э. А. Кравченко к первой фазе таврского периода [10, с. 96], в любом случае, сосуды относятся ко времени не ранее VIII в. до н.э.

Вторая корчага (рис. 1,1) отличается сложным декором, в котором сочетается поясок крупных округлых отпечатков (штампа?), свисающие прочерченные шевроны на плечиках и расположенные на горле и плечиках ромбические фигуры из пролощенных линий. Разнообразные фестоны, рельефные и прочерченные, подобные гальштатским, можно видеть в немировской керамике [7]. Сочетание орнаментов в виде прочерченных фестонов и круглых вдавлений известно на сосудах Жаботина, в целом же, в жаботинских древностях круглые штампы и

---

¹ Подождем более детальной публикации этой находки. Сам же орнамент такого типа хорошо представлен на костяных украшениях из Зольненского кургана.

² Очевидно, авторы раскопок вскоре представят полную характеристику этого изделия.

фестоны не являются редкостью. Геометрические же орнаменты на горле и плечиках корчаг в предскифское время известны в Предкавказье [11, рис. 73, 45], в Лесостепи, и в степной части Северо-Западного Причерноморья [3, с. 29, рис. 3]. Однако близкие аналогии декору этого сосуда автору неизвестны.

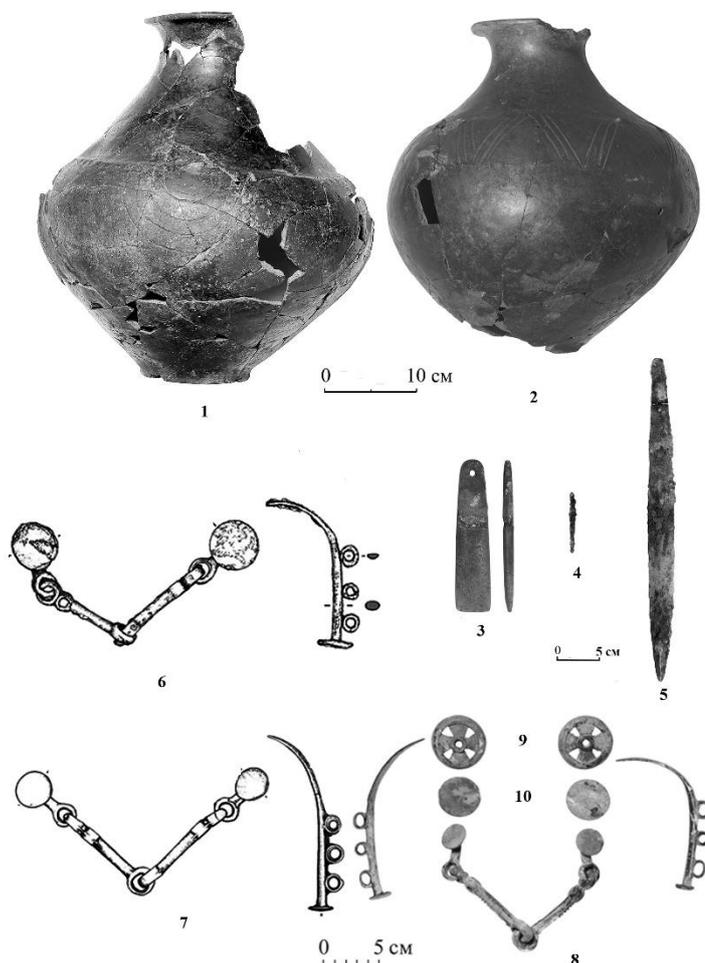

Рис. 1. Львовское 2. 1-6 – Находки из погребения. 1 – Лощеная корчага со сложным декором. 2 – Лощеная корчага с простым декором. 3 – Песчаниковый оселок. 4 – Железная проколка. 5 – Железный кинжал. 6 – Удила и псалий из погребения. 7 – Удила и псалий из внутреннего рва. 8 – Удила и псалии из тризны. 9 – Прорезные бронзовые бляхи из тризны в виде колес колесницы. 10 – Круглые бронзовые бляхи из тризны.

Следовательно, керамика из погребения Льговское к.2, п.16, близкая кизил-кобинской, все же относится к близкой культурной традиции, наблюдаемой в Северо-Западном Причерноморье и Правобережной Украинской Лесостепи. Видимо распространение таких образцов посуды в VIII в. до н.э. шло из степи и стало одной из причин интенсивного развития резной орнаментации в кизил-кобинской культуре. Интересно, что сосуд с резным декором, аналогичный по форме и по расположению орнаментальных полей второй льговской корчаге присутствует и среди находок VIII – первой половины VI в. до н.э. на кизил-кобинском поселении Сахарная Головка [10, рис. 57, 58].

Поскольку в особенностях позы погребенного сочетаются признаки характерные для новочеркасской¹ и черноговорской группы захоронений, наиболее оптимальной представляется его атрибуция в качестве захоронения, относящегося к черноговорского-новочеркасскому горизонту всаднических погребений [3, с. 87]. Время совершения захоронения можно соотнести либо с VIII в. до н.э., как это сделали исследователи кургана [12,13], либо со второй половиной VIII – началом VII в. до н.э. [ср. 11, с. 272, 273], то есть со временем распространения воинских всаднических погребений с поздней уздой новочеркасского типа.

Однако, находки предметов конского убора, синхронные обнаруженным в могиле, найдены и на периферии кургана. В заполнении в северо-восточном секторе курганного ровика [13, с. 50] обнаружен уздечный комплект, аналогичный найденному в погребении (рис. 1,7) и несколько наконечников стрел новочеркасского типа.

С этой же стороны от кургана в поле обнаружены остатки конского снаряжения, в том числе и широкая круглая обойма, типичная для колесниц², несколько экземпляров новочеркасских удил с навесными распределителями и трехпестельчатые псалии новочеркасского типа (рис. 1,8). Здесь же были найдены бронзовые бляхи от конского снаряжения, как прорезные в виде колес колесницы³, что подчеркивается круглым отверстием в центре некоторых изделий (рис. 1, 9), так и круглые (рис. 1, 10) и многочисленные наконечники бронзовых стрел, преимущественно новочеркасского типа [13, с. 50]⁴. Для нас же важно то, что помимо узды нескольких коней в комплексе присутствовали детали колесницы, элементы колесничной упряжи и многочисленные наконечники бронзовых стрел. Очевидно, то собрание находок, которое исследователи кургана называют кладом, представляет собой остатки конского убора погребального кортежа, в котором,

---

¹ Ориентация и положение на спине характерны для новочеркасцев, а скорченность для черноговорцев, инвентарь, бесспорно, новочеркасский, хотя, по мнению ряда исследователей, это хронологический признак, связанный с широким распространением в степи и лесостепи кобанских бронз.

Находка еще не издана исследователями, в силу этого автор не приводит ее изображение.

³ Колеса боевых колесниц на аттических расписных сосудах позднего геометрического стиля группы Attic LGIb b LGIIb середины – конца VIII в. до н.э. изображены таким же образом [1, fig. 45, 59, 70], что, вероятно уточняет дату комплекса. Близки, но все же отличные элементы декора в вазописи исполвались еще в протогеометрическом стиле от 900 г. до н.э. и позднее [1, p. 13].

⁴ Безусловно, исследователи детально охарактеризуют этот объект, названный ими кладом.

помимо верховых коней, присутствовала боевая колесница с луком и колчаном, видимо использованная как погребальная повозка. находка уникальная для Степного Причерноморья и Крыма.

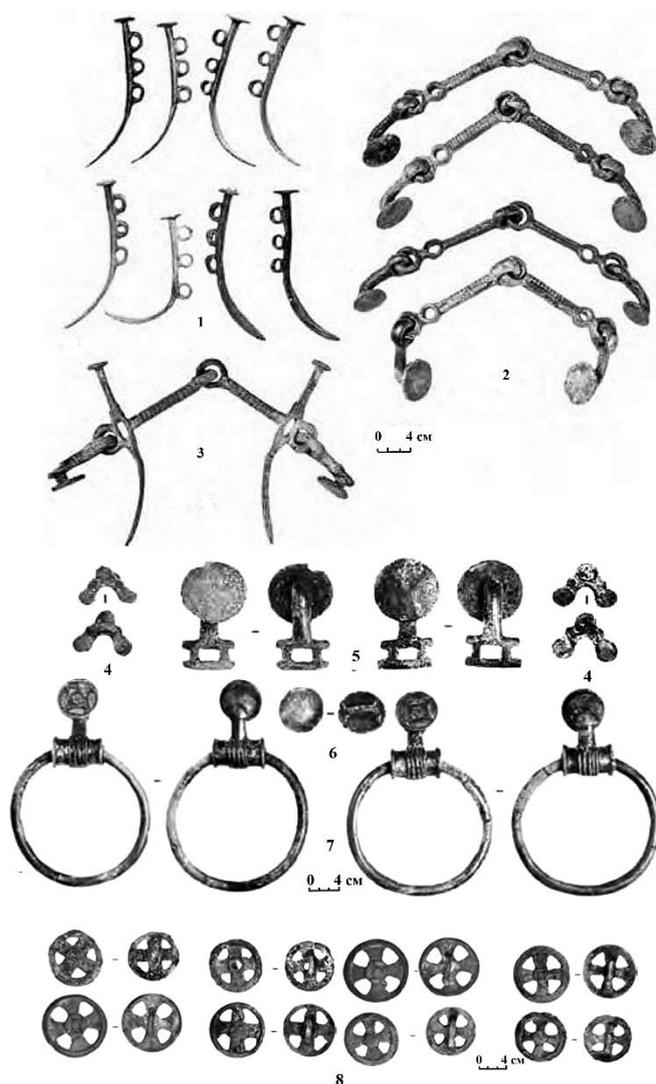

Рис. 2. Инвентарь погребения из Степного Крыма. 1 – Бронзовые псаши. 2 – Бронзовые удила. 3 – Бронзовые удила с прилитыми псалями. 4 – Бронзовые бляхи – лунницы. 5 – Литые бляхи с креплениями для ремней. 6 – Круглые бронзовые бляхи. 7 – Бронзовые кольца распределители поводьев с дополнительными звеньями. 8 – Прорезные бронзовые бляхи в виде колес колесницы.

Помимо комплексов, зафиксированных археологами в кургане Льговское 2, существует уникальная серия изделий, добытых мародерами, приобретенная коллекционером А.В. Козыменко и атрибутированная украинским исследователем В. И. Клочко [8, с. 241–242, илл. 2]. Комплекс локализован в широких пределах степной части Крымского полуострова¹. Он состоит из 4 бронзовых удила новочеркасского типа с рельефной насечкой и дополнительными звеньями (рис. 2,2), 8 трехпетельчатых псалиев новочеркасского типа с изогнутой лопастью (рис. 2,1), очевидно связанных с этими же удилами. Следовательно, можно предполагать весьма сложную в управлении колесницу. К ней должны относиться и 2 кольца распределителя с литыми привесками с рельефным декором (рис. 2,7). Впрочем, тип колесницы понять сложно, это может быть и квадрига, весьма сложная в управлении и бига с заводными лошадьми. Один экземпляр удила с прилитыми псалиями (рис. 2,3) мог принадлежать верховому коню.

В этот же комплекс входили: 8 круглых прорезных бронзовых блях с дужками на оборотной стороне (рис. 2,8). Их декор аналогичен декору блях из Льговского. В том же комплекте присутствуют 2 круглые бляхи с рамочными креплениями для ремней (рис. 2,5) В этот же комплекте 2 небольшие бронзовые лунницы (рис. 2,4) и круглая бляха (рис. 2,6). Комплект или комплекс неполный, но выглядит он достоверным. Судя по подбору находок, это остатки конского снаряжения погребального кортежа, в который входила и погребальная повозка – колесница. Этот памятник с новочеркасской уздой, находившийся на территории Степного Крыма и относился к тому же времени, что и комплексы кургана Льговское 2.

Вероятно, это еще одно погребение всаднического горизонта причерноморских древностей, принципиально отличающегося от рядовых погребений предскифского времени [3, с. 107]. В обоих случаях, присутствие деталей колесничного устройства или упряжи указывает на VIII в. до н.э.

Появление колесниц в киммерийской культуре Северного Причерноморья, по мнению С.А. Скорого, происходит в финале предскифского периода [15, с. 64]. В это время у степной верхушки колесницы становятся и статусным признаком, и средством ведения военных действий, именно так можно рассматривать сочетание колесницы и большого колчанного набора в тризне погребения из кургана Льговское 2.

Не меньший интерес представляют собой корчаги из Льговского, близкие кизил-кобинским, но имеющие особенности не характерные для этой культуры. Корчаги сходной формы с рельефным и резным декором в IX – VIII вв. известны в кизил-кобинской культуре [10, рис. 57, 1; 112; 140,5]. К младшему дотаврскому периоду (вторая половина IX – первая половина VIII в. до н.э.) Э. А. Кравченко относит единичные фрагменты кизил-кобинских сосудов с шевронами [10, с. 236, рис. 196, IV-УБ]. Однако развитой резной орнамент позволяет отнести

---

¹ Более точная локализация не приведена. время разрушения памятника неизвестно, ясно лишь то, что грабеж случился в последние десятилетия.

сосуды из Львовского к более позднему ТП-1, т.е. ко времени не ранее второй половины VIII в. до н.э.

Несомненно, В. А. Колотухин был прав том, что влияние степной киммерийской культуры на кизил-кобинскую было преимущественно односторонним, проявившимся, в первую очередь, в инфильтрации в Горный Крым образцов импортной керамики, находившей новое развитие в близкой культурной среде. Последние исследования кизил-кобинской керамики [10] показывают устойчивость культурных связей легендарных киммерийцев Причерноморской Степи и кизил-кобинского (таврского) населения Горного Крыма.

Список использованных источников и литературы

1. Boardman J. Early Greek Vase Painting. 11-6 th centuries B.C./ J. Boardman. London: Thames and Hadson Ltd. 1998. – 287 p.
2. Боковенко Н. А. Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии / Н. А. Боковенко // Мир Большого Алтая: международный научный журнал / Гл. ред. А. С. Жанбосинова. 2018. – 4(1). – С. 8–42.
Bokovenko N. A. Formirovanie konskogo snaryazheniya rannih kochevnikov Tsentralnoy Azii / N. A. Bokovenko // Mir Bolshogo Altaya: mezhduнародnyy nauchnyy zhurnal / Gl. red. A. S. Zhanbosinova. 4 (1) 2018. – S. 8–42.
3. Бруяко И. В. Ранние кочевники в Европе (X – V вв. до Р.Х.) / И. В. Бруяко. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2005. – 358 с.
Bruyako I. V. Rannie kochevniki v Evrope (X – V vv. do R.H.) / I. V. Bruyako. Kishinev: Vysshaya antropologicheskaya shkola, 2005. – 358 s.
4. Вальчак С. Б. Конское снаряжение в первой трети 1-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы / С. Б. Вальчак. М.: ТАУС, 2009. – 292 с.
Valchak S.B. Konskoe snaryazhenie v pervoy treti 1-go tyis. do n.e. na yuge Vostochnoy Evropy / S. B. Valchak. M.: TAUS, 2009. – 292 s.
5. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика ранних кочевников Северного Причерноморья (IX – первая половина VII в. до н.э.) / Н. А. Гаврилюк. Киев: Олег Филук, 2017. – 338 с.
Gavrilyuk N. A. Lepnaya keramika rannih kochevnikov Severnogo Prichernomor'ya (IX – pervaya polovina VII v. do n.e.) / N. A. Gavrilyuk. K.: Oleg Filyuk, 2017. – 338 s.
6. Избицер Е. В. Колесница с тормозом или реконструкции без тормозов / Е. В. Избицер // Stratum plus № 2. 2010. – С. 187–194.
Izbitser E. V. Kolesnitsa s tormozom ili rekonstruktsii bez tormozov / E. V. Izbitser // Stratum plus. – 2010. – № 2. – S. 187–194.
7. Kasuba M., Smirnova G., Vakhtina M. Un secol de la inceputul investigațiilor arheologice la cetatea nemirov de pe bugul de sud (scurte bilanțuri și noi obiective) / M. Kasuba, G. Smirnova, M. Vakhtina // Revista Arheologică serie nouă, vol. VI, nr. 2. 2010. – S. 24–43.
8. Клочко В. И., Козыменко А. В. Древний металл Украины / В. И. Клочко, А. В. Козыменко. К.: 2017. – 366 с.
Klochko V. I., Kozyimenko A. V. Drevniy metall Ukrainyi / V. I. Klochko, A. V. Kozyimenko. K.: 2017. – 366 s.
9. Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века / В. А. Колотухин-К.: Южногородские ведомости, 1996. – 160 с.
Kolotuhin V. A. Gorniy Kryim v epohu pozdney bronzy – nachale zheleznogo veka / V. A. Kolotuhin-K.: Yuzhnogorodskie vedomosti, 1996. – 160 s.

**ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНОВ-КОЛЕСНИЧИХ ПРЕДСКИФСКОГО
ВРЕМЕНИ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ**

---

10. Кравченко С. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму / С. А. Кравченко.– Киев; Луцьк: Волинські старожитності, 2011. – 272 с.
Kravchenko E. A. Kizil-kobinska kultura u ZahIdnomu Krimu / E. A. Kravchenko.– K.; Lutsk:Volinski starozhitnostI, 2011.– 272 s.
11. Махортых С. В. Киммерийцы Северного Причерноморья / С. В. Махортых.– Киев: Шлях, 2005.– 380 с.
Mahortyih S.V. Kimmeriytsyi Severnogo Prichernomor'ya / S. V. Mahortyih.– K.: Shlyah, 2005.– 380 s.
12. Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Зайцев Ю. П. Исследования кургана у.с. Львовское / И. В. Рукавишникова, Д. В. Бейлин, Ю. П. Зайцев // КСИА. Вып. 253, 2018. С. 42–53.
Rukavishnikova I. V., Beylin D. V., Zaytsev Yu. P. Issledovaniya kurgana u.s. Lgovskoe / I. V. Rukavishnikova, D. V. Beylin, Yu. P. Zaytsev // KSIA. Vyip. 253, 2018. S. 42–53.
13. Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Зайцев Ю. П. Исследования кургана № 2 у с. Львовское / И. В. Рукавишникова, Д. В. Бейлин, Ю. П. Зайцев // Крым–Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. Т.2 / Отв. ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 29–56.
Rukavishnikova I. V., Beylin D. V., Zaytsev Yu. P. Issledovaniya kurgana № 2 u s. Lgovskoe / I. V. Rukavishnikova, D. V. Beylin, Yu. P. Zaytsev // Kryim–Tavrida. Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg. T.2 / Otv. red. S. Yu. Vnukov, O. V. Sharov. M.: IA RAN, 2019. S. 29–56.
14. Сенаторов С. Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология. Автореф. Дисс. Канд. Ист. Наук / С. Н. Сенаторов.– СПб, 2002.– 23 с.
Senatorov S. N. Lepnaya keramika kizil-kobinskoy kulturyi: tipologiya i hronologiya. Avtoref. Diss. Kand. Ist. Nauk / S. N. Senatorov.– SPb, 2002.– 23 s.
15. Скорый С. А. Киммерийцы в Украинской Лесостепи / С. А. Скорый.– Киев; Полтава: Археология, 1999.– 136 с.
Skoryiy S. A. Kimmeriytsyi v Ukrainskoy Lesostepi / S. A. Skoryiy.– Kiev-Poltava: Arheologiya, 1999.– 136 s.
16. Эрлих В. Р. К дискуссии о месте и времени появления предскифских колесниц / В. Р. Эрлих // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / Под ред. В. И. Гуляева – М.: Институт археологии РАН, 2005.– С. 167–182.
Erlih V. R. K diskussii o meste i vremeni poyavleniya predskifskikh kolesnits / V. R. Erlih // Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzyi do rannego srednevekov'ya. Pamyati V. S. Olhovskogo /Pod red. V. I. Gulyaeva – M.: Institut arheologii RAN, 2005.– S. 167–182.
17. Эрлих В. Р. Северо-западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников / В. Р. Эрлих – М.: Наука, 2007. – 430 с.
Erlih V. R. Severo-zapadnyiy Kavkaz v nachale zhelezного века: protomeotskaya gruppa pamyatnikov / V. R. Erlih – M.: Nauka, 2007. – 430 s.

Koltukhov S. G. Burials of warriors-chariots of pre-Scythian time on Crimean peninsula

This note is sanctified to a short description of materials of two complexes of finds which are descended from burial places of Cimmerians warriors. One of the burials is located on the border of steppe and Foothill Crimea. It was discovered and dug out by archaeologists during the building of Taurida's route in 2017, part of materials are published in 2018 - 2019. The second burial, which is localized in Steppe Crimea, was destroyed by robbers, and the saved material was purchased by a collector and published in 2017, Complexes are undoubtedly, bright. They are determined as burial places of warriors - riders of the Novocherkassk group of burials of pre-Scythian time. However, it is curious that there were various objects which are typical for the bridle of saddle-horses and for details and harnesses of chariots of VIII century B.C. in both complexes. Similar finds are infrequent, though they are known on Caucasus, rarely they can be found in North Black Sea Region. Chariots appeared in bronze century on the East of Eurasian steppe, however in European part of steppe corridor they appeared later, obviously not earlier than the beginning of iron age.

Keywords: North Black Sea Region, Crimea, pre-Scythian time, Cimmerians, monuments of the Novocherkassk group, equipping of horses, arrowheads, dagger.

УДК 94(470)"17"

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-45-52

КРЕМЕНЧУГСКИЕ «МАНЕВРЫ» А. В. СУВОРОВА

Коротун С. Н.

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора
Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)
E-mail: korotun83n@mail.ru*

Рассмотрены маневры войск, проведенные под руководством А. В. Суворова в Кременчуге в 1787 г. Анализируется достоверность фактов связанных с изложением данного события в биографических исследованиях посвященных великому полководцу. Описание маневров в Кременчуге, с последующей беседой Суворова с императрицей, сложилось в XIX веке, в работах Е. Б. Фукса, Ф. Смита, Н. А. Полевого, А. Ф. Петрушевского. Присутствует данный сюжет и в биографиях полководца созданных в XX веке. Реконструкцию данного события осуществляют на основе исторического анекдота, изложенного в работах Е. Б. Фукса и упоминания маневров в Кременчуге в мемуарах французского дипломата Л. Сегюра. Однако анализ других источников позволяет поставить данную историю под сомнение. Ни один источник не упоминает маневров в Кременчуге, описывая события как смотр или парад. Войска, расположенные в Кременчуге, находились в подчинении не А. В. Суворова, а Ю. В. Долгорукова. Беседа Суворова с императрицей после маневров, так же не находит подтверждения в источниках.

Ключевые слова: Биография А. В. Суворова, путешествие Екатерины II в Крым

Кременчугские «маневры» являются устойчивым сюжетом в биографии Суворова. На фоне бедности документов, отражающих период жизни полководца в 1786–1787 гг., это, по сути, единственный сюжет, ярко иллюстрирующий военную деятельность Суворова и, вместе с тем, позволявший биографам внести дополнительные черты в его психологический портрет.

Вместе с тем, необходимо очень взвешенно относиться к данной истории. Ведь на фоне практического отсутствия письменных документов, этот сюжет построен на небольшом количестве источников, принятых на вооружение без должного критического анализа.

Прежде чем анализировать историю, приведем ее в том виде, в котором она сложилась к концу XIX века. Вот как этот сюжет изложен в биографии А. В. Суворова, созданной А. Ф. Петрушевским. В октябре 1786 г., получив звание генерал-аншефа, Суворов был переведен Г. А. Потемкиным из Петербурга на юг России для командования Кременчугской дивизией. Этот перевод был связан с предстоящим путешествием в Крым Екатерины II. Суворов должен был заняться обучением кременчугской дивизии для того, чтобы во время путешествия императрицы представить ей ее армию во всем блеске. В течении двух месяцев Суворов активно готовил кременчугскую дивизию к смотру. 30 апреля 1787 в Кременчуг прибыла императрица, здесь Потемкин предложил ей и ее

многочисленной свите осмотреть войска. Петрушевский пишет, что о содержании смотра ему ничего не известно, но он предполагает, что «вероятно, это было обыкновенное строевое учение на суворовской ноге». Екатерина, её окружение и иностранные дипломаты, среди которых было много военных специалистов, были поражены «щегольским снаряжением солдат, их видом и особенно – небывалой точностью и живостью движений и действий... эффект был полный». По окончании маневров Суворов отличился очередной своей причудливой выходкой. Благосклонная императрица поинтересовалась, чем может отблагодарить его. На что Суворов попросил ее заплатить долг за квартиру [12, с. 250–251].

Фактически исследователи XIX века строили этот сюжет на двух источниках. Это – исторический анекдот, изложенный Е. Б. Фуксом в двух вариантах 1811 г. и 1827 г., а также мемуары французского дипломата графа Луи Филиппа Сегюра, сопровождавшего Екатерину II в ее путешествии в Крым.

В биографии Суворова 1811 года Е. Б. Фукс указывает, что получивший в командование Кременчугскую дивизию Суворов встретил «здесь свою Государыню и восхитил ее своими новоизобретенными маневрами, предоставлявшими атаку с разительными военными хитростями. Когда она, с царскою щедротою наградив всех Ее окружавших, обратилась к нему и спросила, чем бы наградить и его, то чудный оригинал просил о заплате трех рублей за свою квартиру» [20, с. 90–91].

В собрании исторических анекдотов о Суворове этого же автора 1827 г. сюжет маневров отсутствует, Фукс сообщает лишь что Екатерина, будучи проездом в Кременчуге, поинтересовалась у Суворова, «не имеет ли он какой просьбы. Он бросился к Ее ногам и просил о заплате за нанятую им в Кременчуге квартиру. В тот же день выдано ему из казны, по его показанию, двадцать пять рублей с причитающимися копейками» [19, с. 177].

И наконец, Луи Сегюр сообщает: «в Кременчуге Потемкин доставил нам зрелище больших маневров, в которых участвовали 45 эскадронов конницы и многочисленная пехота. Я редко видывал такое блестящее и прекрасное войско ...» Как сообщает французский дипломат, после блистательного смотра, императрица в порыве искренней радости сказала Потемкину: «От Петербурга до Киева мне казалось, что пружины моей империи ослабли от употребления: здесь они в полной силе и действии» [16, с. 192–194].

К сообщениям Е. Б. Фукса, биографы Суворова традиционно относились критически. Несмотря на то, что Фукс сопровождал великого полководца в Итальянском походе, попытка написания его биографии окончилась полным провалом. Фукс стал восприниматься как собиратель «небывальщины». Вот как его труд характеризует А. Ф. Петрушевский: «Истории тут вовсе нет, а есть ряд статей, литературно-исторический винегрет». Однако отметить все написанное Фуксом не верно даже по мнению Петрушевского, ведь о некоторых исторических анекдотах он пишет как об услышанных лично из уст Суворова. И все же данный сюжет не может не вызвать вопроса из-за разных трактовок в издании 1811 и 1827 гг.

Историк Ф. Смит, при реконструкции событий сослался на Сегюра, указав, что в Кременчуге были произведены маневры войск состоявших под началом Суворова.

Исторический анекдот он так же упоминает, но переносит место его действия в Киев. Работа Смита была опубликована в 1833 г. в Вильно на немецком языке, на русском работа увидела свет только в 1860-е гг. Редактор русского издания Н. С. Голицын, в примечаниях указал, что диалог о трех рублях происходил именно в Кременчуге [17, с. 169, 175].

Н. А. Полевой, создавший биографию великого полководца в 1843 г., также указал на то, что в Кременчуге Екатерина II любовалась маневрами, однако диалог о долге за квартиру он переместил на другие маневры – в Полтаву, которые действительно имели место 8 июня 1787 г.

Причем у Н. А. Полевого разговор с императрицей приобретает новые подробности. От предложения награды Суворов якобы сначала отказался, заявив: «Давай тем, кто просит: ведь у тебя и таких попрошайек, чай, много?». И только после того, как императрица настояла, попросил оплатить его долг за квартиру. Анекдот Полевого содержит и еще одну подробность, после этой беседы Суворов рассказывал: «Промотался! Хорошо, что матушка за меня платит, а то беда бы!» [13, с. 110, 112].

В уже изложенной ранее реконструкции событий А. Ф. Петрушевского история кременчугских маневров приобретает заверченный вид. Как видим, именно он «вернул» диалог от «трех рублей» в Кременчуг. В его изложении так же сделан упор на то, что речь шла именно о демонстрации результатов суворовских методов подготовки войск, что так же согласуется с указанием Фукса на суворовские «новоизобретенные маневры». Его изложение как видим максимально близко соответствует истории Е. Б. Фукса в ее варианте 1811 г. Не принял Петрушевский и дерзкого диалога о попрошайках, который отсутствовал у Е. Б. Фукса и появился у Н. А. Полевого.

Авторитет работы А. Ф. Петрушевского был очень велик. Советские биографы О. Н. Михайлов и К. М. Осипов, практически полностью повторяли его изложение. Однако классовый подход заставляет Осипова акцентировать внимание на социальном содержании истории и вернуть дерзкие слова Суворова в диалог с императрицей: Суворову не по себе, он ощущает, что из его блестящих маневров извлечет прибыль только «Потемкин и облепывшая его туча прихлебателей», вот и сообщает императрице о множестве окружающих ее попрошайек [9, с. 225–227; 10, с. 117–121]. В таком же виде присутствует сюжет кременчугских «маневров» и в работе современного исследователя А. В. Шишова [22, с. 147]

Однако уже в работе советского исследователя И. И. Ростунова акценты расставлены иначе. Суворов назначается на южное направление не ради подготовки к маневрам, а в связи с обострением отношений России с Турцией. Характеризуя мероприятия в Кременчуге, И. И. Ростунов употребляет принципиально иной термин «парад», где войска продемонстрировали хорошую строевую подготовку [15, с. 259]. Не использует исследователь, предпочитающий вообще не опираться на сюжеты, построенные на основе исторических анекдотов, и истории о беседе с императрицей с Суворовым о награде за «маневры».

Аргументированной критике подверг историю о Кременчугских «маневрах» современный исследователь В. С. Лопатин [7; 8]. Он обращает внимание на то, что камер-фурьерский журнал, скрупулезно фиксировавший все мероприятия, в которых императрица приняла участие, описывает лишь смотр войск в Кременчуге, и не упоминает маневров. Вполне справедливо сомневается Лопатин и в возможности дерзкого разговора Суворова с Екатериной II [7, с. 126–129].

Однако здесь Лопатин несправедливо обвиняет в создании истории о маневрах Н. А. Полевого, поверившего мемуарам Сегюра. Как мы уже увидели, до Н. А. Полевого, о «маневрах» в Кременчуге заявил еще Е. Б. Фукс. Верил сообщениям Сегюра и Ф. Смит, работа которого вышла раньше Н. А. Полевого. Несправедливым видится и утверждение, что Петрушевский «опустил сказки Полевого, а советские биографы повторяют их без всякого сомнения» [7, с. 128]. На наш взгляд, именно у Петрушевского история о маневрах вместе с диалогом о награде Суворова впервые присутствует в стройном виде, исследователь лишь привел анекдот о «трех рублях» в смягченном варианте, без дерзких высказываний Суворова о попрошайках, окружавших Екатерину.

Камер-фурьерский церемониальный журнал действительно скрупулезно фиксирует все мероприятия в которых участвовала Екатерина II в Кременчуге. Ее приезд в Кременчуг 30 апреля 1787 г. исходя из данного документа выглядит следующим образом. Прибыв в город водным путем, 30 апреля императрица сходит с галеры и пересаживается в 2-местную карету. В ней она следует в дом генерал-губернатора. «От триумфальных ворот по обе стороны высочайшего пути стояли полки легкоконные: Сумской, Ахтырский, Изюмский и Харьковский, батальон Екатеринославский гренадерский, Бугский егерский корпус в четырех батальонах, легкоконные же Павлоградский и Мариупольский, к самому дому главнокомандующего замыкал Екатеринославский кирасирский. Во время высочайшего шествия ее императорского величества, от всех полков в параде стоящих отдана честь с уклонением знамен и штандартов и играла музыка, били литавры и барабаны...

По прибытии к дому главнокомандующего из поставленных близь оного артиллерийских пушек произведена пушечная пальба, а когда Ея императорское величество изволили прибыть во двор, что было пред полуднем в половине 12 часа, тогда от стоящего караула отдана фронтом честь с музыкой и барабанным боем» [5, с. 354–356].

Императрица пробыла в Кременчуге до 3 мая. Но более камер-фурьерский журнал никаких мероприятий с участием полков русской армии не зафиксировал. Не зафиксировано других подобных мероприятий и в другом официальном документе составленном статс-секретарем Екатерины II А. В. Храповицким – журнале путешествия императрицы «в полуденные страны». Однако журнал позволяет дополнить картину смотра императрицей войск 30 апреля: «Когда уже Ея императорское величество изволило войти в комнаты, то по некоторому времени бывшие в параде полки проходили в лагерь мимо дома следующим порядком: кирасирский Екатеринославский; легкоконные Мариупольский, Павлоградский,

Полтавский, Бугский егерский корпус в четырех батальонах, батальон Екатеринославской гренадерской, легкоконный Харьковский, Изюмский, Ахтырский и Сумской» [21, с. 55].

Как видим, официальные документы очень подробно описывают смотр войск по приезду Екатерины в Кременчуг и ничего не говорят о маневрах А. В. Суворова. По горячим следам императрица написала генерал-аншефам Еропкину П. Д., Салтыкову Н. И. и Брюсу Я. А. письма, содержание которых примерно одинаково: императрица сообщает, что 30 апреля любовалась конными полками. Они реально существуют вопреки слухам, распускаемым недоброжелателями Г. А. Потемкина, что эти подразделения существуют «только на бумаге» [7, с. 122; 14, с. 21]

Уже отплывая из Кременчуга, в письме барону Ф. Гриму Екатерина поделилась впечатлениями: «мы нашли здесь 15 тысяч отборного войска, стоявшего лагерем» [3, с. 424].

Ф. Смит использовал письмо Екатерины генералу Еропкину, как подтверждение происходивших в Кременчуге маневров. Однако, как мы видим, в письмах Екатерина говорила лишь об увиденных войсках и никак не упоминала маневры или учения.

Отсутствие упоминания о маневрах в Кременчуге особенно поразительно в сравнении с проведением маневров в Полтаве под руководством Ю. В. Долгорукова. Так, камер-фурьерский журнал описывает полтавские маневры следующим образом: «под предводительством Аншефа и кавалера, князя Юрия Владимировича Долгорукова, все конные полки маршировали мимо ставки Ея Величества, а напоследок в присутствии Ея императорского величества все войско, имея 40 орудий полевой артиллерии, атаковало неприятеля перед собою представленного, при чем во всех движениях доказало совершенное устройство и похвальную расторопность» [5, с. 532–533]. Описаны маневры в Полтаве и в журнале А. В. Храповицкого: «70 эскадронов кавалерии, 4 батальона гренадер и 4 батальона егерский корпус, имея 40 орудий полевой артиллерии, атаковали неприятеля пред собою представленного» [21, с. 92]. Упоминает А. В. Храповицкий маневры в Полтаве даже в своих дневниковых записях: «8 июня 1787 г. Был маневр. Князю прибавлено именованье Таврического. Князь Юрий Владимирович Долгоруков пожалован в подполковники Преображенские» [11, с. 32].

В. С. Лопатин объясняет описание маневров в Кременчуге единственным их свидетелем, графом Сегюром, тем, что мемуары писались тридцать лет спустя и «за давностью лет впечатления от тамошнего смотра войск слились с впечатлением от полтавских маневров» [7, с. 126]. На наш взгляд принять такое объяснение нельзя. Проблема заключается в том, что Сегюр описывает маневры в Кременчуге и в Полтаве как два абсолютно разных события. В Полтаве маневры, были своего рода реконструкцией исторической победы Петра I над шведской армией Карла XII. Как сообщает Сегюр, одна часть армии заняла шведские позиции, а другая русские, войска показали «одушевленную картину близкую к действительности» [16, с. 231]. В Кременчуге же Сегюр описывает современную тактику русских войск «страшную для турок». Русские войска двигались четырьмя колоннами и при приближении

неприятеля перестраивались в каре [16, с. 193–194]. Речь, очевидно, ведется о двух абсолютно разных маневрах.

Полностью отвергать версию о том, что маневры в Кременчуге имели место нельзя. Вместе с тем, очевидно, что не имела места реконструкция событий, предложенная Ф. Смитом и А. Ф. Петрушевским. Суворов не мог два месяца обучать войска в Кременчуге. Г. А. Потемкин только 24 марта 1787 г. отдал распоряжение всем упомянутым ранее в описании смотра полкам выдвинуться со своих зимних квартир в Кременчуг, куда они должны были прибыть только к середине апреля [2, с. 135–136]. Самым важным фактом, опровергающим на наш взгляд теорию руководства Суворовым маневрами, является то что, в соответствии с этим же документом все войска, описанные в кременчугском смотре, находились в подчинении у генерал-аншефа Ю. В. Долгорукова [2, с. 137]. Войска Суворова, как он сам сообщает, стояли лагерем между Херсоном и Кременчугом при станции Блакитной. Суворов демонстрировал свои полки императрице 2 июня 1787 г., уже при возвращении её из Крыма. Сам Суворов в своей автобиографии, описывая путешествие Екатерины, в контексте руководства войсками упоминал лишь формирование лагеря у Блакитной [18, с. 46]. Прижизненный биограф Суворова И.-Ф. Антинг, первый том труда которого, вычитывал сам полководец, тоже упомянул лишь смотр войск у Блакитной [1, с.12]. Была «отдана честь Ея императорскому величеству с уклонением штандартов, при игрании на трубах, с литаврами» [5, с. 511]. Таким образом, если маневры и имели место, то руководил ими не Суворов, а Екатерина II на них не присутствовала. Маловероятным событием следует признать и беседу Суворова с Екатериной о долге за квартиру. Приложение камер-фурьерского журнала очень подробно фиксирует все траты Императрицы в ее Крымском путешествии. Конечно, суммы, как правило, куда более крупные, чем анекдотическая просьба Суворова от трех рублей с полтиной. Но встречаются и подобные траты: например в Киеве при посещении церкви Святой Великомученицы Варвары было оплачено за молебен 3 рубля [6, с. 92]. Об оплате долгов Суворова данный документ не упоминает. Зато сообщается, что после маневров в Полтаве была выдана «генерал-аншефу Суворову табакерка овальная перловая с бриллиантами и вензелем в 3000 рублей» [6, с. 72]

Можно выдвинуть гипотезу, что Ю. В. Долгоруков все же воспользовался концентрацией войск у Кременчуга, для проведения маневров. Так, например, поступил сам А. В. Суворов летом 1779 г., воспользовавшись выводом русского корпуса, которым он тогда командовал, из Крыма. Описание данных маневров сохранилось [4, с. 156]. Сегюр в мемуарах жалуется, что во время путешествия императрица устраивает балы и приемы, а ему бы хотелось, увидеть происходящее в стране [16, с. 154]. Возможно, в Кременчуге он поступил именно таким образом, покинув протокольные мероприятия, фиксируемые камер-фурьерским журналом и побывав на маневрах войск.

Подводя итог, следует признать, кременчугские «маневры» Суворова являются реконструкцией событий, которая базируется на сомнительной истории Е. Б. Фукса

и односторонней трактовке мемуаров Сегюра. Данная реконструкция не только не подтверждается, но порою и прямо противоречит другим имеющимся источникам.

Список использованных источников и литературы

1. Антинг И. Ф. Жизнь и военные деяния генералиссимуса, князя Итальянского графа Суворова-Рымникского. Т.2. / И. Ф. Антинг – СПб.: государственная медицинская коллегия, 1800. – 192 с.
Anting I. F. Zhizn' i voennye deyaniya generalissimusa, knyazya Italiiskogo grafa Suvorova-Rymnikskogo. T.2. / I. F. Anting – SPb.: gosudarstvennaya meditsinskaya kollegiya, 1800. – 192 s.
2. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического 1774-1788 гг. / [ред. Н. Ф. Дубровин] – СПб.: военная типография, 1893. – XVI с., 378 с.
Bumagi knyazya Grigoriya Aleksandrovicha Potemkina-Tavrisheskogo 1774-1788 gg. / [red. N. F. Dubrovin] – SPb.: voennaya tipografiya, 1893. – XVI s., 378 s.
3. Грот Я. К. Екатерина II в переписке с Грммом / Я. К. Грот. – СПб.: типография императорской академии наук, 1879. – 786 с.
Grot Ya. K. Ekaterina II v perepiske s Grmmom / Ya. K. Grot. – SPb.: tipografiya imperatorskoj akademii nauk, 1879. – 786 s.
4. Дубровин Н. Ф. А. В. Суворов среди преобразователей екатерининской армии / Н. Ф. Дубровин. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1886. – VI с., 196 с.
Dubrovin N. F. A. V. Suvorov sredi preobrazovatelei ekaterininskoj armii / N. F. Dubrovin. SPb.: Tip. Imp. Akad. Nauk, 1886. – VI s., 196 s.
5. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 г. СПб: б/и, 1886. – 1012 с.,
Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1787 g. SPb: b/i, 1886. – 1012 s.
6. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 г. Приложения. СПб: б/и, 1886. – 114 с.
Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1787 g. Prilozheniya. SPb: b/i, 1886. – 114 s.
7. Лопатин В. С. Суворов / В. С. Лопатин. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 447 с.
Lopatin V. S. Suvorov / V. S. Lopatin. – M.: Molodaya gvardiya, 2012. – 447 s.
8. Лопатин В. С. Суворов и Потемкин / В. С. Лопатин. – М.: Наука, 1992. – 288 с.
Lopatin V. S. Suvorov i Potemkin / V. S. Lopatin. – M.: Nauka, 1992. – 288 s.
9. Михайлов О. Н. Суворов / О. Н. Михайлов. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 496 с.
Mikhailov O. N. Suvorov / O. N. Mikhailov. – M.: Molodaya gvardiya, 1973. – 496 s.
10. Осипов К. М. Суворов / К. М. Осипов. – М.: Молодая гвардия, 1938. – 387 с.
Osipov K. M. Suvorov / K. M. Osipov. – M.: Molodaya gvardiya, 1938. – 387 s.
11. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. – М.: Университетская типография, 1862. – 317 с.
Pamyatnye zapiski A. V. Khrapovitskago, stats-sekretarya imperatritsy Ekateriny Vtoroi. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1862. – 317 s.
12. Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов / А. Ф. Петрушевский. – М.: тип. М. М. Стасюлевича, 1884. Т.1. – VIII с., 486 с.
Petrushevskii A. F. Generalissimus knyaz' Suvorov / A. F. Petrushevskii. – M.: tip. M. M. Stasyulevicha, 1884. T.1. – VIII s., 486 s.
13. Полевой Н. А. История князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск / Н. А. Полевой. – СПб.: Типография Journal de St.-Petersbourg, 1843. – 336 с.
Polevoi N. A. Istoriya knyazya Italiiskogo, grafa Suvorova-Rymnikskogo, generalissimusa rossiiskikh voisk / N. A. Polevoi. – SPb.: Tipografiya Journal de St.-Petersbourg, 1843. – 336 s.
14. Приложение к камер-фурьерскому журналу 1787 г. СПб: типография уделов, 1889. 33с.
Prilozhenie k kamer-fur'erskomu zhurnalu 1787 g. SPb: tipografiya udelov, 1889. 33s.
15. Ростунов И. И. Генералиссимус Александр Васильевич Суворов: жизнь и полководческая деятельность / И. И. Ростунов. М.: Воениздат, 1989. – 496 с.
Rostunov I. I. Generalissimus Aleksandr Vasil'evich Suvorov: zhizn' i polkovodcheskaya deyatel'nost' / I. I. Rostunov. M.: Voenizdat, 1989. – 496 s.

16. Сегюр Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785-1789) / Л. Ф. Сегюр. – СПб.: типография В. Н. Майкова, 1865. – 386 с., III с.
 Segyur L. F. Zapiski grafa Segyura o prebyvanii ego v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II (1785-1789) / L. F. Segyur. – SPb.: tipografiya V. N. Maikova, 1865. – 386 s., III s.
17. Смит Ф. Суворов и падение Польши / Ф. Смит. – СПб.: типография Эдуарда Веймара, 1866. Ч. 1. Суворов. – XXXVIII с, 364 с.
 Smit F. Suvorov i padenie Pol'shi / F. Smit. – SPb.: tipografiya Eduarda Veimara, 1866. Ch. 1. Suvorov. – XXXVIII s, 364 s.
18. Суворов А. В. Документы. Т. I. (1791-1798) / [ред. Г. П. Мещеряков] – М.: Воениздат, 1952. – 782 с.
 Suvorov A. V. Dokumenty. T. I (1791-1798). / [red. G. P. Meshcheryakov] – M.: Voenizdat, 1952. – 782 s.
19. Фукс Е. Б. Анекдоты князя Италийского, графа Суворова-Рымнического / Е. Б. Фукс. – СПб.: типография Александра Смирдина, 1827. – 193 с.
 Fuks E. B. Anekdoty knyazyu Italiiskogo, grafa Suvorova-Rymnikskogo / E. B. Fuks. – SPb.: tipografiya Aleksandra Smirdina, 1827. – 193 s.
20. Фукс Е. Б. История генералиссимуса, князя Италийского, графа Суворова-Рымнического / Фукс Е. Б. – М.: тип. В.С. Всевожского 1811. – 172 с.
 Fuks E. B. Istoriya generalissimusa, knyazyu Italiiskogo, grafa Suvorova-Rymnikskogo / Fuks E. B. – M.: tip. V.S. Vsevolzhskogo 1811. – 172 s.
21. Храповицкий А. В. Журнал высочайшего путешествия ея величества государыни императрицы Екатерины II. самодержицы всероссийской в полуденные страны России, в 1787 году / А. В. Храповицкий. – Москва: В Университетской типографии, у Н. Новикова, 1787. – 137 с.
 Khrapovitskii A. V. Zhurnal vysochaishago puteshestviya eya velichstva gosudaryni imperatritsy Ekateriny II. samoderzhitsy vserossiiskoi v poludennyu strany Rossii, v 1787 godu / A. V. Khrapovitskii. – Moskva: V Universitetskoj tipografii, u N. Novikova, 1787. – 137 s.
22. Шишов А. В. Генералиссимус Суворов: новое прочтение биографии / А. В. Шишов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 478 с.
 Shishov A. V. Generalissimus Suvorov: novoe prochtenie biografii / A. V. Shishov. – M.: OLMA-PRESS, 2005. – 478 s.

Korotun S. N. «Maneuvers» A.V. Suvorov in Kremenchug

The article is devoted to the consideration of such a historical event as “maneuvers” conducted under the guidance of A. V. Suvorov in Kremenchug in 1787. The reliability of the facts related to the presentation of this event in biographical studies dedicated to the great commander is analyzed. A description of the maneuvers in Kremenchug, followed by a conversation between Suvorov and the empress, took shape in the 19th century, in the works of E. B. Fuchs, F. Smith, N. A. Polevoy, A. F. Petrushevsky. This story is present in the biographies of the commander created in the XX century. The reconstruction of this event is carried out on the basis of a historical anecdote outlined in the works of E. B. Fuchs and references to maneuvers in Kremenchug in the memoirs of the French diplomat L. Segur. However, an analysis of other sources makes it possible to question this story. No source mentions the maneuvers in Kremenchug, describing the events as a show or a parade. The troops located in Kremenchug were not subordinate to A. V. Suvorov, and Yu. V. Dolgorukova. The conversation between Suvorov and the Empress after the maneuvers, also does not find confirmation in the sources.

Keywords: Biography A. V. Suvorov, the journey of Catherine II to the Crimea.

УДК: 378(47)КРЫМ.ГУРКОВИЧ

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-53-85

ВЛАДИМИРУ НИКОЛАЕВИЧУ ГУРКОВИЧУ – 75!¹

Манаев А. Ю., Дружинина Н. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: manaev_1977@mail.ru, nadya_1995@mail.ru*

Публикация подготовлена к 75-летию со дня рождения крымского историка и краеведа Владимира Николаевича Гурковича. Учёный на протяжении многих лет занимается изучением прошлого Крымского полуострова. Им подняты важные вопросы, связанные с охраной памятников истории и культуры Крыма, в том числе связанных с событиями Великой Отечественной войны. Значительное место в исследованиях историка занимают мемориальные объекты, посвящённые героическому прошлому. Его труды имели большое значение при проведении ремонтно-реставрационных работ, результаты его исследований отражены в многочисленных научных и научно-популярных публикациях. В. Н. Гурковичу принадлежит большая роль в популяризации культурного наследия Крымского полуострова. За деятельность, связанную с изучением, охраной и реставрацией памятников истории и культуры краевед отмечен многочисленными наградами.

Ключевые слова: Владимир Николаевич Гуркович, охрана культурного наследия Крыма, историческое краеведение, историческая память, популяризация объектов культурного наследия, Великая Отечественная война, биоисториография.

---

¹ Авторы искренне благодарят за помощь в подготовке публикации Елену Федоровну Гуркович, Ирину Владимировну Черныш, Александра Германовича Герцена, Александра Витальевича Хливнюка. Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-09-00576.

В 2020 году исполнилось 75 лет одному из старейших и авторитетных краеведов Крыма – Владимиру Николаевичу Гурковичу. На протяжении длительного периода его деятельность связана с изучением истории Крымского полуострова и охраной объектов культурного наследия. Личность учёного занимает значительное место в историческом краеведении. Широкая сфера его научных интересов отражена в публикациях, которые составляют обширную библиографию. Биоисториография сегодня является одним из перспективных направлений исторической науки и в этой связи изучение и систематизация творческого наследия юбиляра, в контексте событий эпохи и выявления межличностных научных коммуникаций, представляется важной научной задачей [12].

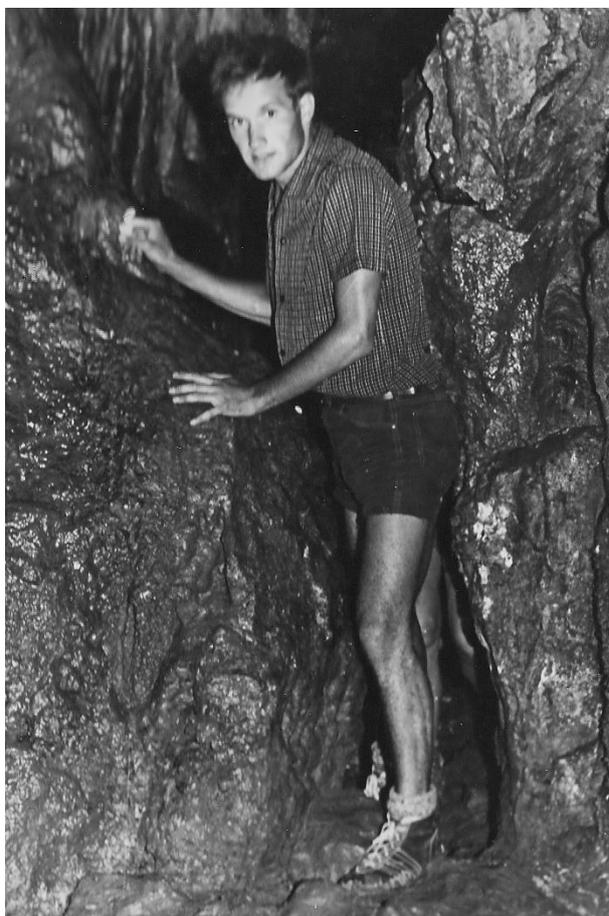
Сегодня для понимания специфики развития исторической науки в Крыму, и в частности проблем охраны культурного наследия, мы обращаемся к опыту ученых, которые играли активную роль в крымоведческих исследованиях и процессах в 60-х – 80-х годов прошлого века [11; 13; 14]. В этой связи особое значение для объективной реконструкции прошлого играют личные оценки происходящего непосредственными свидетелями событий. Одним из таких участников, которые определяли формат памятникоохранных исследований в Крыму, является и основной герой настоящей публикации.

Владимир Николаевич Гуркович родился 2 января 1945 г. в г. Куйбышев (Самара) в семье военного. Его отец Николай Артемович (родился в 1901 г. в Могилевской губернии) в 1919 г. был призван в Красную Армию, в рядах которой участвовал в Советско-польской войне, а также в наступлении Южного фронта против войск П. Н. Врангеля в Крыму. В 1944 г. Н. А. Гурковичу было присвоено звание генерал-майора инженерно-авиационной службой. В 1949–1956 гг. он занимал должность главного инженера ВВС Таврического военного округа, штаб которого располагался в Симферополе. Мать – Антонина Сергеевна, родилась в 1906 г. в Киеве [10].

С 1949 г. его семья переехала в Симферополь, так как отец был переведён по службе в ВВС Таврического военного округа. После окончания в 1963 г. 14-й средней школы он поступил на историко-филологический факультет Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе, обучение в котором завершил в 1967 г. Сам Владимир Николаевич любит подчеркивать, что в формировании интереса к Истории, к Крыму, большую роль играли его детские воспоминания: отец частенько брал маленького Владимира с собой в инспекционные полеты, и он из самолета видел Крым: такой маленький и такой разный. Кроме того, место жительства – по ул. Крылова, 9 – также стимулировало интерес к прошлому: квартал жилых домов, как и школа № 14, построены на территории старого Симферопольского некрополя, который был разрушен в межвоенный период.

Вся многолетняя трудовая деятельность Владимира Николаевича связана с Крымом. После окончания пединститута с 1967 по 1968 г. работал учителем истории и обществоведения в школе-интернате в с. Чеботарка Сакского района, откуда перешел в Бахчисарайский историко-археологический музей, где в 1968 по 1969 гг. занимал должность научного сотрудника. В Бахчисарае В. Н. Гуркович

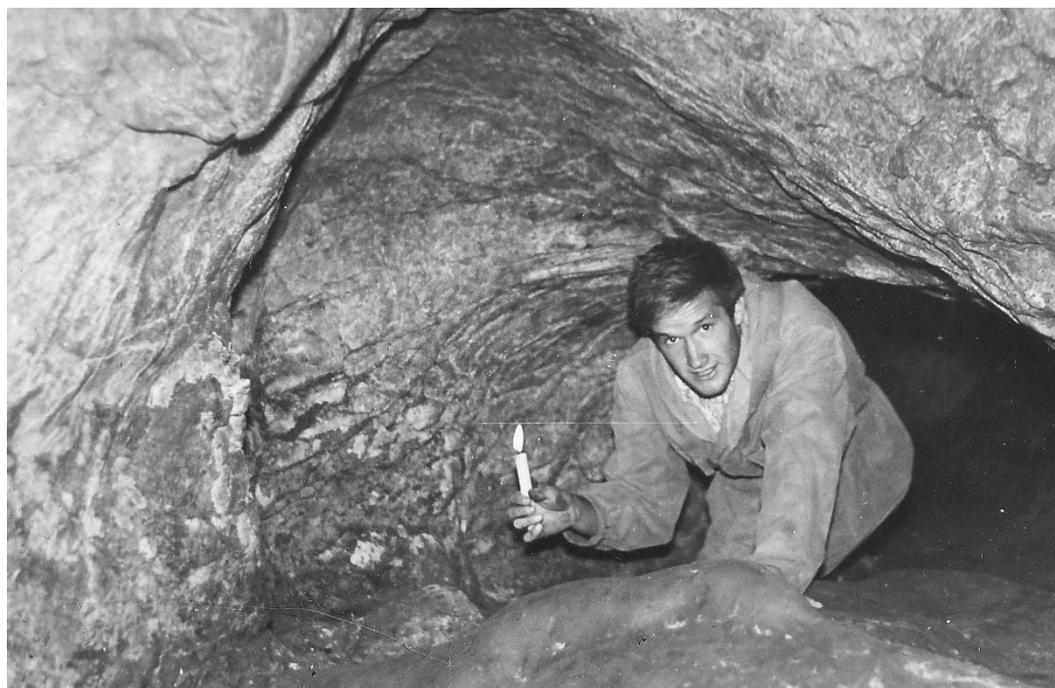
работает вместе с Е. В. Веймарном, здесь на долгие годы завязываются дружеские отношения с А. Г. Герценым. После ухода из Бахчисарайского музея начинается его сотрудничество в качестве консультанта с Крымской областной организацией Украинского общества охраны памятников истории и культуры. На протяжении 1970–1975 гг. он занимал должность научного сотрудника в Крымском краеведческом музее.

Рис. 1. В. Н. Гуркович – инструктор пешеходного туризма. Чатыр-Даг. Тысячаголовая пещера. 1968 г.

С 1982 г. до 1985 г. Владимир Николаевич работал в научно-исследовательском секторе Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе, после этого был заведующим историческим музеем СГУ. В стенах университета продолжается давняя дружба и сотрудничество с А. Г. Герценым, В. Н. Даниленко,

С. Б. Филимоновым, А. Г. Кожекиным. С теплом и благодарностью отзывается В. Н. Гуркович о работе в 1987–1996 гг. в Крымской архитектурно-реставрационной мастерской института «Укрпроектреставрация», где он трудился в качестве искусствоведа. Также в эти годы его деятельность связана с профессиями учителя истории и обществоведения, руководителя кружка краеведения при Дворце пионеров, методиста Крымской областной станции юного туриста, водителя.

Рис. 2. В. Н. Гуркович – инструктор пешеходного туризма. Чатыр-Даг. Тысячаголовая пещера. 1968 г.

Следующим этапом в профессиональной биографии В. Н. Гурковича и кульминацией его творческой деятельности, стала работа в Республиканском комитете Автономной Республики Крым по охране культурного наследия: с 2005 г. – в Научном центре историко-краеведческих исследований и Свода памятников Украины по АР Крыма (с 2014 г. – Научно-исследовательском центре крымоведения и охраны культурного наследия Республики Крым).

Библиографический анализ творчества В. Н. Гурковича показывает широкий спектр его интересов в изучении истории Крыма. Первая его статья была опубликована 3 июля 1970 года в газете «Крымская правда». Она называлась «Обелиск на перевале» и посвящена забытому в силу различных обстоятельств, в том числе и идеологических, монументу в честь строительства в 1824–26-х годах

дороги из Симферополя через Ангарский перевал в Алушту [1]. Публикация имела резонанс: Александровский обелиск был «реабилитирован», взят на государственный учет как исторический памятник и отреставрирован, а потом о нём упоминали уже во всех путеводителях...

Одним из приоритетных направлений исследований краеведа является изучение памятников Крымской войны. Посещение в 1968 г. заброшенного поля Альминского сражения способствовало появлению научного интереса к событиям 1853–1856 гг. Владимир Николаевич одним из первых поднял вопрос о состоянии памятных объектов этого периода. Краеведом проводилось их обследование, написаны исторические записки, составлены государственные паспорта на объекты Альминского комплекса. Неоценимую помощь и поддержку на этом этапе оказали В. Н. Гурковичу его коллеги-единомышленники Ю. С. Воронин и И. И. Лобода. Результатом многолетних исследований этой темы стала работа «Памятники и памятные места Крымской войны: Альма» (2004 г.). При подготовке к публикации учёным разрабатывались рекомендации по реставрации и музеефикации, однако эта часть была значительно сокращена без ведома автора [8].

Рис. 3. В. Н. Гуркович – инструктор пешеходного туризма. Крымский природный заповедник. 22 Всесоюзный пешеходный маршрут. 1967 г.

Рис. 4. В. Н. Гуркович – инструктор пешеходного туризма. Крымский природный заповедник. 22 Всесоюзный пешеходный маршрут. 1967 г.

В. Н. Гурковичем неоднократно поднималась проблема охраны братских кладбищ времён Крымской войны. Для привлечения общественности к данному вопросу он обращался во многие инстанции. Итогом его исследований по Французскому военному кладбищу стало составление исторической записки и предложений по его восстановлению в нескольких вариантах, а в 2000 г. была издана книга «Французское военное кладбище в Севастополе» [5]. Также краевед сыграл значительную роль в восстановлении Симферопольского братского кладбища на Петровской балке.

Отдельное внимание Владимиром Николаевичем уделялось непростой судьбе памятника на месте гибели русских воинов при штурме Евпатории, расположенного на территории города. В 2000 г. он принимал участие в экспедиции по выявлению местонахождения братской могилы. Деятельность автора по восстановлению исторической справедливости по отношению к памятнику отражена в нескольких статьях в научных и периодических изданиях, а также в монографии «Бурьян над прахом героев...», вышедшей в 2002 г. [7].

Рис. 5. Автолюбитель В. Г. Гуркович на своем любимом мотоцикле «Ява». 1972 г.

Научный интерес к дореволюционной эпохе не ограничивался только периодом Крымской войны. Краеведом исследовались многие памятные объекты Таврической губернии от годов правления Екатерины II до завершения Гражданской войны. Им изучались обстоятельства появления памятников, их история, описание внешнего вида. Учёным были собраны сведения о некоторых объектах, которые не сохранились до настоящего времени. В.Н. Гуркович также занимался исследованием религиозных памятников крымскотатарской и еврейской культур. Отдельно следует остановиться на изучении историком прошлого крымской столицы. Он является автором текста в «Симферопольском альбоме» (1996 г.) [4], альбомах «Симферополь» (2007 г., 2018 г.). Помимо памятников, в них уделено внимание истории улиц города, зданиям и достопримечательностям, находившимся на них.

Одной из значимых тем для В. Н. Гурковича является изучение памяти о Великой Отечественной войне. Он одним из первых занимался исследованием газеты «Голос Крыма», выходившей в период оккупации, в качестве исторического источника. Историком было проанализировано содержание её номеров, структура и тематика. Им также составлен обзор литературно-политического журнала «Современник».

Рис. 6. Центральный музей Тавриды. 2012 г.

Результатом изучения деятельности оккупационных властей стало появление сборника документов «Окупационный режим в Крыму (1941–1944 гг.): за материалами прессы оккупационных властей», где впервые публиковались многие распоряжения, постановления и приказы этого периода [3]. В примечаниях составителем указаны обстоятельства появления некоторых документов, их особенности, фактические ошибки. Развивая эту тему, он проследил изменения в топонимике, которые происходили в период оккупации. Им были представлены сведения о переименовании улиц и переулков, колхозов и совхозов населённых пунктов Крыма. Историк входил в состав редколлегии «Книги памяти Республики Крым» и авторского коллектива издания «Лагерь смерти: совхоз «Красный».

В. Н. Гурковичем уделено большое внимание мемориальным объектам, посвящённым Великой Отечественной войне. Владимир Николаевич занимался изучением истории создания памятника «Партизанская шапка», анализом текстов мемориальных досок, по итогам которого был высказан ряд критических замечаний, а также составлены рекомендации по их усовершенствованию и установлению новых.

Ещё одним проявлением научного интереса стало изучение такого важного международного события как Ялтинская конференция. В нескольких публикациях по этой теме нашли отражение история проведения самого события, некоторые действия лидеров «большой тройки», краткие исторические очерки, а также

состояние на момент 1945 года памятных мест и достопримечательностей, посещённых участниками [2].

Рис. 7. Центральный музей Тавриды. 2012 г.

В. Н. Гуркович в годы перестройки был одним из инициаторов создания Крымского отделения Всесоюзного добровольного историко-правозащитного общества «Мемориал», в котором принимал участие в создании Фонда памяти жертв политических репрессий. Он вошёл в состав редакционной коллегии крымского тома серии «Реабилитированные историей», которая начала свою работу в 1993 г.

Помимо отдельных изданий, результаты его исследований опубликованы в «Историческом наследии Крыма», литературно-художественном журнале «Берега Тавриды», сборниках конференций «Альминские чтения», «Вестник чтений И. Л. Сельвинского», «Мир усадебной культуры», «Симферополь на перекрёстках истории», «Таврические научные чтения». С целью распространения и популяризации знаний, привлечения внимания к вопросам и проблемам охраны памятников среди общественности он публиковал свои работы на страницах

периодических изданиях. Большое количество его статей напечатано в «Крымской газете», «Крымской правде», «Крымском времени», «Крымском комсомольце», «Славе Севастополя», «Южной столице».

Одним из важных направлений краеведческой деятельности Владимира Николаевича был туризм. Ещё в годы обучения в институте он окончил курсы инструкторов туризма. Им было проведено множество экскурсий по разным маршрутам полуострова. Из них можно отметить маршруты № 110 «По вершинам Крымских гор», № 111 «По партизанским тропам», который пролегал в горно-лесной местности по территории Симферопольского, Белогорского района и городского округа Алушта. Также он водил экскурсии по «пещерным городам» полуострова.

За деятельность, связанную с изучением, охраной, реставрацией и популяризацией памятников истории и культуры, Владимиру Николаевичу присвоены звания лауреата Международного открытого Рейтинга популярности и качества «Золотая Фортуна» (2001 г.), заслуженного работника культуры Автономной Республики Крым (2005 г.). За участие в работе над «Симферопольским альбомом» – звание лауреата Государственной премии Республики Крым (1997 г.), за книгу о Французском военном кладбище – звание лауреата премии им. А. Л. Бертье-Делагарда Крымского республиканского Фонда культуры (2000 г.). В 2016 г. он был награждён медалью «За защиту Республики Крым» [10].

Благодаря многолетней профессиональной деятельности В. Н. Гурковича были подняты многие вопросы охраны памятников истории и культуры Крыма. Краевед принимал непосредственное участие в судьбе некоторых мемориальных объектов. Также важной является его роль в популяризации культурного наследия полуострова. Неотъемлемой чертой характера, оказавшей значительное влияние и на творческий путь ученого, является его страстное увлечение различной техникой. Многими коллегами Владимир Николаевич вспоминается с неизменным фотоаппаратом на шее, либо за рулем автомобиля или мотоцикла.

Личное знакомство одного из авторов настоящей публикации (А. Ю. Манаева) с В. Н. Гурковичем состоялось в 2000 г., когда на родительское собрание 5-б класса гимназии № 1 г. Симферополя, в котором автор этих строк был классным руководителем, пришел представитель станции Юного туриста (В. Н. Гуркович), с предложением организовать на базе класса кружок туризма-краеведения. В дальнейшем это привело к серии ярких походов в любую погоду с пятиклассниками: на Баклу, на Чатыр-Даг, в Евпаторию на поиск места памятника воинам Крымской войны, и всегда В. Н. Гуркович увлекательно и обстоятельно зажигал у детей интерес к истории родного полуострова.

С 2002 по 2012 гг. мы вместе с Владимиром Николаевичем работали в стенах Республиканского комитета по охране культурного наследия, и наше знакомство переросло в дружеское общение (конечно, насколько позволяла почти 30-ти летняя разница в возрасте, что в прочем не мешало ему обращаться ко мне: «Старик, ты представляешь..!» И шел рассказ о каком-то важном событии). Этот период является

для юбиляра самым плодотворным в его творческой деятельности, его знания и любовь к истории Крыма, наконец-то в полном объеме были востребованы временем и Владимир Николаевич в прямом смысле «горел» работой. К его мнению прислушивались коллеги-историки А. В. Хливнюк, А. А. Непомнящий, В. Г. Зарубин и другие, он выступал с докладами на научных конференциях, в средствах массовой информации регулярно публиковались его статьи. Владимир Николаевич умел создать вокруг себя совершенно уникальный научный микроклимат. Одним из неизменных атрибутов его научной коммуникации с коллегами являлись его авторские книги, и газетные вырезки собственных статей, которые он с нескрываемым удовольствием дарил с неповторимыми дарственными надписями.

Рис. 8. Монографии В.Н. Гурковича

Иногда Владимир Николаевич обращался с просьбой прочитать и отредактировать какие-то его тексты и в эти моменты обсуждения статьи или главы книги видно было, как автор трепетно относится к каждой детали, кропотливо выверенной по архивным материалам и публикациям, как важен ему каждый поворот сюжета. Завершенная, опубликованная статья приносила автору творческую радость и окрыляла, хотя часто его работы сильно редактировались при публикации и это уже приводило к возмущению и негодованию. Его научная

бескомпромиссность, уважение к историческому факту и нетерпение к фальсификации и лжи, приводила и к судебным разбирательствам, к слову все они закончились признанием правоты В. Н. Гурковича, однако, отнимали силы, здоровье, драгоценное время.

Рис. 9. В. Н. Гуркович – руководитель туристического кружка Станции юных туристов (г. Симферополь). Ученики 5-б класса гимназии № 1 г. Симферополя. Чатыр-Даг. 2000 г. На фото справа от В. Н. Гурковича А. Ю. Манаев.

В эти же годы В. Н. Гуркович активно путешествует. За несколько лет он посетил Венгрию, Чехию, Словению, Польшу, Германию, Нидерланды, Бельгию, Люксембург, Францию, Испанию, Италию, Турцию. За рубежом он интересуется спецификой охраны памятников в этих странах, сохранностью объектов культурного наследия, сравнивает с происходящим в Крыму.

С особой радостью Владимир Николаевич воспринял перемены 2014 года, когда Крым вошел в состав России. Это стало для ученого настоящим праздником и торжеством исторической справедливости, однако, реализовать свои творческие планы на современном этапе не удалось в силу ухудшившегося состояния здоровья, в первую очередь зрения. Сегодня Владимир Николаевич дома, в окружении

любимой семьи – жены Елены Федоровны, дочери Ирины Владимировны Черныш, сына Алексея Владимировича, внуков.

В октябре 2019 г., накануне юбилейной даты, Владимир Николаевич Гуркович согласился дать интервью, текст которого будет интересным историческим источником и дополнит портрет основного героя нашей публикации.

Уважаемый Владимир Николаевич! Искренне желаем Вам, здоровья, долгих лет жизни, оптимизма и удачи!

Список использованных источников и литературы

1. Гуркович В. Н. Обелиск на перевале // Крымская правда. – 1970. – 3 июля. – С. 4.
Gurkovich V. N. Obelisk na perevale // Krymskaya pravda. – 1970. – 3 iyulya. – S. 4.
2. Гуркович В. Н. Крымская конференция 1945 года: памятные места. – Симферополь: Таврия, 1995. – 48 с.
Gurkovich V. N. Krymskaya konferenciya 1945 goda: pamyatnye mesta. – Simferopol': Tavriya, 1995. – 48 s.
3. Окупационный режим в Крыму (1941–1944 гг.): за материалами прессы оккупационных властей / уряд. В. М. Гуркович. – Симферополь: Таврия, 1996. – 120 с.
Okupatsiiniy rezhim v Krimu (1941–1944 rr.): za materialami presi okupatsiinih vlastei / uporyad. V. M. Gurkovich. – Simferopol': Tavriya, 1996. – 120 s.
4. Симферопольский альбом / Ред.-сост. А. Е. Тархов; авт. текста В. Н. Гуркович, А. Е. Тархов. – Симферополь: Таврия, 1996. – 396 с.
Simferopol'skiy al'bom / Red.-sost. A. E. Tarhov; avt. teksta V. N. Gurkovich, A. E. Tarhov. – Simferopol': Tavriya, 1996. – 396 s.
5. Гуркович В. Н. Французское военное кладбище в Севастополе. – Симферополь: изд. центр КГМУ им. С. И. Георгиевского, 2000. – 52 с.
Gurkovich V. N. Francuzskoe voennoe kladbishche v Sevastopole. – Simferopol': izd. centr KGMU im. S. I. Georgievskogo, 2000. – 52 s.
6. Гуркович В. Н. Рассказ жителя Симферополя любознательным читателям о своем городе, его улицах и переулках, домах и монументах, памятных и любимых автором уголках столицы Крыма // Столица Крыма Симферополь / под ред. С. Б. Филимонова. – Симферополь, 2001. – С. 4–77.
Gurkovich V. N. Rasskaz zhitelya Simferopolya lyuboznatel'nym chitatel'nyam o svoem gorode, ego ulicah i pereulkah, domah i monumentah, pamyatnyh i lyubimyh avtorom ugotkah stolicy Kryma // Stolica Kryma Simferopol' / pod red. S. B. Filimonova. – Simferopol', 2001. – S. 4–77.
7. Гуркович В. Н. Бурьян над прахом героев. Повествование о драматической судьбе могилы русских воинов, павших в бою с интервентами под Евпаторией в 1855 году. – Симферополь: Универсум, 2002. – 100 с.
Gurkovich V. N. Bur'yan nad prahom geroev. Povestvovanie o dramaticheskoy sud'be mogily russkih voinov, pavshih v boyu s interventami pod Evpatoriej v 1855 godu. – Simferopol': Universum, 2002. – 100 s.
8. Гуркович В. Н. Памятники и памятные места Крымской войны: Альма: к 150-летию сражения. – Симферополь, 2004. – 208 с.
Gurkovich V. N. Pamyatniki i pamyatnye mesta Krymskoj vojny: Al'ma: k 150-letiyu srazheniya. – Simferopol', 2004. – 208 s.
9. Гуркович В. Н. «Долой стыд!»: как Владимир Маяковский прогуливался с обнаженными дамами и поэтом Бурлюком по улицам Симферополя. – Симферополь: Универсум, 2010. – 240 с.
Gurkovich V. N. «Doloy styd!»: kak Vladimir Mayakovskij progulivalsya s obnazhennymi damami i poetom Burluukom po ulicam Simferopolya. – Simferopol': Universum, 2010. – 240 s.
10. Гуркович Владимир Николаевич // Белорусы / Авт.-сост. Б. С. Балаян, М. П. Чухольский, А. А. Шамрук. – Симферополь, 2018. – С. 111–112. – (Всемирная серия: Народы и времена. Российская Федерация. Крым).

Gurkovich Vladimir Nikolaevich // *Belorusy / Avt.-sost.* B. S. Balayan, M. P. Chukhol'skii, A. A. Shamruk. – Simferopol', 2018. – S. 111–112. – (Vsemirnaya seriya: Narody i vremena. Rossijskaya Federaciya. Krym).

11. Науменко В. Е. К 70-летию Александра Германовича Герцена и 50-летию Мангупской археологической экспедиции // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Отв. ред. А. И. Айбабин; ред.-сост. В. Е. Науменко.* – Симферополь: ООО Антикава, 2017. – Вып. XXII. – С. 4–11.

Naumenko V. E. K 70-letiyu Aleksandra Germanovicha Gertsena i 50-letiyu Mangupskoi arkeologicheskoi ekspeditsii // *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii / Отв. ред. А. И. Айбабин; ред.-сост. В. Е. Науменко.* – Симферополь: ООО Антикава, 2017. – Вып. XXII. – С. 4–11.

12. Непомнящий А. А. Развитие биоисториографии в современном крымоведении: основные тенденции и перспективы // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки».* – Симферополь, 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 3–19.

Непомнящий А. А. Razvitie bioistoriografii v sovremennom krymovedenii: osnovnyye tendencii i perspektivy // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki».* – Simferopol', 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 3–19.

13. Непомнящий А. А. Памяти профессора Дмитрия Павловича Урсу // *Крымское историческое обозрение.* – Казань – Бахчисарай, 2017. – 2017. – №2. – С. 206–220.

Непомнящий А. А. Pamyati professora Dmitriya Pavlovicha Ursu // *Krymskoe istoricheskoe obozrenie.* – Kazan' – Bakhchisarai, 2017. – 2017. – №2. – С. 206–220.

14. Хайрединова Э. А. К 70-летию Александра Ильича Айбабина // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* – Симферополь: Соло-Рич, 2018. – Вып. XXIII. – С. 5–41.

Khairedinova E. A. K 70-letiyu Aleksandra Il'icha Aibabina // *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii.* – Simferopol': Solo-Rich, 2018. – Вып. XXIII. – С. 5–41.

Manaev A. Yu., Druzhunina N. S. Vladimir Nikolaevich Gurkovich – 75!

Publication for the 75th birth anniversary of the Crimean historian and specialist in local history Vladimir Nikolaevich Gurkovich. The scientist's professional activity for many years has been devoted to the study of the Crimean peninsula past. He raised important issues related to the protection of monuments of history and culture of Crimea, including monuments related to the events of the Great Patriotic War. A significant place in the historian's research is occupied by memorial objects dedicated to the heroic past. His works were of great importance in carrying out repair and restoration work at memorial sites. The results of his research are reflected in numerous scientific and popular science publications. V. N. Gurkovich plays a considerable role in popularizing the cultural heritage of the Crimean peninsula. For his activities related to the study, protection, restoration and popularization of historical and cultural monuments, the local historian was awarded with awards and titles.

Keywords: Vladimir Nikolaevich Gurkovich, protection of the cultural heritage of Crimea, local history, historical memory, popularization of cultural heritage objects, Great Patriotic War, biohistoriography

**«...ЕСЛИ ДАЖЕ В ДЕЛЕ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ЗА РЕШЕНИЕ
КАКОГО-ТО ВОПРОСА БЕРУТСЯ НЕ СПЕЦИАЛИСТЫ,
НИЧЕГО ПУТНОГО ОТ ЭТОГО НЕ ВЫХОДИТ»:**

*Интервью В. Н. Гурковича от 30. 10. 2019 г.
Подг. текста – А. Ю. Манаев, Н. С. Дружинина*

Владимир Николаевич, расскажите немного о себе, где учились, работали, так сказать вехи большого пути.

Начну кратко о своей жизни и отвечу на вопрос, почему я стал историком. Я родился в 1945 году. И где-то уже с 4-5 лет помню отзвуки этой войны. Большое количество людей тогда ещё ходили в военных мундирах. Без погон, без регалий, но с орденами и медалями. Ребята, с которыми я учился в школе, всегда гордились, если у них была отцовская пилотка. А самое шикарное, если отец был танкистом или авиатором. И носили танковый или авиационный шлем в школу.

Мы читали книги о войне, видели фильмы. В начале 50-х годов было не очень много военных фильмов. И я тогда заметил, что ветераны войны, в частности и мой отец, не ахти как восторженно встречают эти фильмы: «А, – махали многие ветераны, – это как в кино». Это и любимое выражение моего отца было.

Я сразу сделаю ставку, что мой отец сыграл большую роль в формировании меня как историка, несмотря на то, что никакого отношения к истории не имел. Он родился в 1901 году в Белоруссии. В 1919 году был призван в Красную армию и всю жизнь прослужил в авиации. Начал он с моториста и шофёра, а закончил генерал-майором инженерно-авиационной службы в ВВС Таврического военного округа.

Таврический военный округ, организованный после войны, повторял полностью границы Таврической губернии до 1920 года. Поэтому некоторые аэродромы располагались за пределами Крыма, на территории нынешней Херсонской области. Я любил ездить с отцом по этим аэродромам. Потому что каждый раз, если была возможность, и был облёт самолётов, отец меня приглашал, брал с собой для того, чтобы посмотреть на Крым сверху. И я уже где-то в 6–7 лет, как раз на рубеже, когда пошёл в школу, помню эти первые полёты. И сверху видел Крым, даже значительную часть Крыма, то есть летел где-то над Симферополем, видел море в районе, допустим, Евпатории. Это я познал сверху Крым. И увидел, что он не такой уж большой.

А потом получилось так, что жил я в этом доме (по ул. Крылова, 9, кв. 2 – Прим. авт.). Большая часть жизни с 1951 года прошла здесь. И это тоже памятное место, которое сформировало моё отношение к будущей профессии и к жизни. Мы вот находимся сейчас на территории старого симферопольского кладбища. Это знаменитое кладбище, описанное в ИТУАКе, в 55-м номере за 1918 год, в статье Арсения Маркевича «Старое христианское кладбище в Симферополе» и во второй статье Чеха «Опыт исследования старого Симферопольского кладбища». Они

танDEMом великолепно сделали обработку. Тем более, что кладбище было разрушено в советский период, в 30-е годы, полностью. И кроме этого описания по существу ничего нет. Надо отметить, что кладбище не повезло с фотографической точки зрения. Я, например, не видел ни одной фотографии аллеи кладбища, наиболее выдающихся памятников и той церкви, которая была буквально в 25-ти метрах от нашего дома.

Здесь были похоронены очень интересные люди. В частности Елена Шидянская, «амазонка», которая встречала императрицу Екатерину II под Балаклавой. Я об этом слышал, мне рассказывали об этом. Все это вместе давало толчок: и Великая Отечественная война, и шлемы, и каски, и раритеты военные, и так далее. Вот почему я стал историком.

Тематика Ваших исследований достаточно широкая. И что в принципе подтолкнуло к изучению охраны культурного наследия в этот период?

В 1963 году я окончил 14-ю среднюю школу, которая буквально за забором находится. И поступил на исторический факультет нашего университета. Он тогда назывался историко-филологический факультет. Первые два года мы занимались по совместной программе. Мы учили и исторические дисциплины, и вспомогательные дисциплины, и литературу, и русский язык одновременно.

Учась в институте, я окончил курсы инструкторов туризма. И профессионально водил туристов, которые приезжали со всего Советского Союза по горам Крыма. Это были места, связанные и с партизанским движением, и просто очень красивые места Крыма. Это дало мне толчок изучать исторические памятники.

Потом Вы стали профессиональным историком-краеведом. Вы работали в «Укрпроектреставрации»?

После окончания института непродолжительное время я работал в школе. Но большую часть времени – в краеведческом музее и потом в институте «Укрпроектреставрация». Этот институт – это научно-практическое заведение, которое разрабатывало планы реставрации, восстановления, ремонта различных архитектурных, исторических, археологических памятников. Эта организация имела большие контакты с нашими археологами, с Крымским отделением института археологии и с нашим университетом.

Ваша роль в чём заключалась, Вы всё-таки не реставратор, не архитектор?

Моя роль была очень интересной. Для того, чтобы провести какую-то реставрацию, нужны серьёзные обоснования, надо составить обстоятельный паспорт на данное здание. К примеру, когда это здание построено, при каких обстоятельствах, в чём характерные особенности, кто был в нём, какие негативные последствия, человеческие и исторические, произошли, которые изменили здание, что надо сделать для того, чтобы оно было в первоначальном виде. Поэтому мне приходилось работать в архиве, в фонде «Главного губернского правления

губернского архитектора», в котором отложилось огромное количество материалов о наиболее значимых постройках российского периода Тавриды.

А какой самый запоминающийся или к которому «душа лежала» проект, над которым Вы работали?

Это, безусловно, проект восстановления братского воинского кладбища на Петровской балке. Это кладбище, где захоронено огромное количество людей, по различным данным, 36–37 тысяч. И кладбище это, к сожалению, в период национального беспамяатства было разрушено полностью. Не сохранилось ничего, в конечном итоге уже в послевоенный период там был мотодром ДОСААФ. И это кладбище дало большой толчок мне для изучения нашей истории и всех её составляющих, позитивных и негативных. Мне пришлось работать тогда в нашем архиве, в архивах Москвы и Ленинграда.

Если можно, мы к братскому кладбищу вернёмся чуть позже. Если характеризовать эту эпоху, то в литературе в целом 50–80-е годы чаще даются с негативной окраской, что разрушались храмы, увлекались «ленинианой» и так далее. Но, с другой стороны, мы понимаем, что жизнь не стояла на месте, объекты реставрировались. На Ваш взгляд, в этот период, 50–80-е годы, что можно назвать для Крыма какими-то реальными достижениями, а что являлось ошибкой и провалом?

И опять отталкиваясь от рубежа Великой Отечественной войны, которая в некоторой степени подтолкнула наши правящие группы, руководство коммунистической партии, советское правительство к определённому пересмотру прошлого своей страны. Изменилось отношение к материальным памятникам, которые остались после войны. Поэтому здесь немного надо отличать период, допустим, 20–30-х годов от послевоенного периода.

Какие достижения в этот период были, либо проекты, либо направления деятельности?

Впервые было организовано Общество охраны памятников. Организация была сделана по смешанному принципу. В каждой области была структура постоянно действующих оплачиваемых государством чиновников, в составе городских и районных государственных структур, которые занимались вопросами охраны, сбережения уже на территории своего города или района. При этом широко использовались труд и знания добровольцев. Это были ветераны, пенсионеры и интеллигенция в первую очередь наших вузов, работники музеев, архивов.

У меня всегда по Украинскому обществу вопрос такой возникал. Может, Вы мне сейчас как человек, погружённый в эту тему, проясните. Откуда вдруг появилось такое количество равнодушных людей к проблеме охраны памятников?

Вы знаете, вероятно, здесь сыграло несколько обстоятельств. Первое, всё-таки рубеж Великой Отечественной войны в значительной степени окончил период

нашего национального беспамятства. Наши люди воевали за свою отчизну. С другой стороны, перешагнув границу Советского Союза, они видели, как живут люди в Чехословакии, в Польше, в других странах. Это тоже, мне кажется, был большим толчком для нас. И сама война, она, многое разрушила. Поэтому пришлось восстанавливать иногда с нуля. И при том, не имея какой-то национальной школы, методики восстановления исторических зданий в большом масштабе. Иногда это срабатывало великолепно. И восстанавливали те объекты, которые были разрушены, один к одному. А иногда был большой новострой, который, к сожалению, менял первоначальную структуру того или иного населённого пункта. Это можно сказать частично о Севастополе и о Керчи. Изменялся первоначальный, исторически сложившийся облик города.

У вас есть опыт работы и в Комитете по охране культурного наследия, в структурах, связанных с ним. То есть Вы представляете, как примерно работает или работала машина государственных органов в современный период. На Ваш взгляд, как работали государственные органы в тот момент?

Вы знаете, по-моему, весьма толковое взаимодействие было, если о хорошем говорить. Общественные организации делали то, что было интересно людям – членам этих общественных организаций. Именно на этом интересе, на их равнодушном отношении к историческим, археологическим, архитектурным памятникам и построено всё было.

А какой была роль государственных органов? Выполнение нормативных документов?

Это понятно, выполнение нормативных документов. И, конечно, была определённая помощь транспортом, допустим, или по телевидению передачи делали.

Партийные организации в этот момент как-то помогли?

Они параллельно действовали. Где-то подталкивали, где-то журили. Допустим, на территории какого-то совхоза или колхоза находится памятник, который не в идеальном состоянии. И ты из общества охраны памятников пишешь своему начальнику, сообщая: «Я был там-то, там-то, уже предупреждал этого председателя колхоза или директора совхоза, что надо привести в божееский вид памятник. Уже два месяца прошло». И этого достаточно было. Барбук тогда поднимал трубку телефона, звонил.

Барбук – это глава общества охраны памятников?

Да, это профессионал. Бывший офицер, по-моему, он был полковником или подполковником в отставке. Он в этом отношении как штабист хороший был организатор. И достаточно по телефону позвонить в обком партии лицу, которое курировало вопросы культуры. И всё это решалось. В этом отношении, я бы сказал, гораздо быстрее, чем сейчас.

Вам принадлежит некая пионерская, первопроходческая деятельность в плане защиты наших памятников. Что-то Вы куда-то написали, в какой-то центральный орган, на который был серьёзный отклик. Можете немного поведать?

Без ложной скромности могу сказать, что я был первый. В своё время на меня произвело очень сильное впечатление стихотворение Константина Симонова, которое называлось довольно пространно «Английское военное кладбище в Севастополе». Я поехал туда. И когда приехал, ужаснулся в полном смысле слова: кладбища не было, оно было полностью снесено. Я впоследствии начал заниматься историей его крушения, и выяснил, что оно снесено не только немецкими бомбами и снарядами, поскольку там проходила линия фронта в 1941–1942 годах, но и нашими партийцами. Когда началась холодная войны, поступило указание снести всё, что там осталось.

Я поднял этот вопрос здесь, мне дали знать: «Владимир Николаевич, не лезьте, это не наше дело». Я поступил очень просто, написал письмо Константину Симонову. Сказал, что я такой-то, такой-то, работаю и должен Вас, к сожалению, опечалить, что то кладбище, о котором Вы написали стихотворение перед началом Второй мировой войны, в 1939 году, к сожалению, разрушено, и кратко описал.

А в каком году письмо было?

70-й год, по-моему, это был. И надо отметить, что спустя какое-то время я получил бандероль от Симонова с книжечкой стихов и дарственной надписью: «Владимиру Гурковичу от Константина Симонова на добрую память». А спустя какое-то время, уже месяца, наверное, полтора-два звонок домой. Меня соединили с Симоновым. Он картавил немножко и тем более, видимо, сам волновался. И говорит: «Владимир Николаевич, Вы знаете, я в несколько очень важных инстанций ломился в двери, думаю, что что-то изменится, но меня поражает равнодушие некоторых наших чиновников». Приблизительно так он сказал.

Потом уже впоследствии лёд тронулся. Но тронулся, как говорится, не в то время, не в то место. Но это уже отдельный разговор. Почему? Потому что не кладбище решили восстановить в исторических границах, хотя элементарно могли сделать. Только надо было переселить несколько дачников, компенсировать им строительство новых домов, новых участков. И на историческом месте, там, где кости англичан, появилось бы возрождённое кладбище на Каткартовом холме. Вместо этого поставили памятник в совершенно другом месте, за его пределами, условно, в ста метрах. И привозили туда англичан, показывали, что вот это английское кладбище.

Потом уже после этого пошли ещё по пути глупому. Сделали у дороги Севастополь–Симферополь, при въезде в Севастополь, монумент в честь павших англичан. Но это лишний раз говорит, что если даже в деле охраны памятников за решение какого-то вопроса берутся не специалисты, ничего путного от этого не выходит. Это, слава Богу, я говорю, что эти люди не занимаются в хирургии или в атомной промышленности. Там бы вреда они сделали гораздо больше.

А ещё о статье, которую я написал. Это было в газете «Московские новости». И она была на английском, на французском и других языках, даже на арабском.

Вы написали письмо Симонову и статью в «Московские новости»?

Да.

Вопрос по персоналиям. Кого из архитекторов, археологов, с которыми Вы работали и которые внесли свой вклад в дело охраны памятников, можете назвать? На кого обратить внимание?

Стержню исторических знаний, исторических понятий, исторических подходов, методики самой истории, конечно, больше всего я обязан Сергею Анатольевичу Секиринскому, который тогда был заведующим кафедрой истории Древнего мира и Средних веков. И получилось так, что он сыграл, мне кажется, выдающуюся роль в моём формировании специалиста по изучению памятников Крыма.

Потом, естественно, Веймарн Евгений Владимирович. Он у нас читал историю и методику археологических исследований. И небольшая археологическая практика у меня была, когда учился в институте, которую тоже он возглавлял. И самое главное, что я работал в Бахчисарайском музее, где почти ежедневно сталкивался с Веймарном. Мы говорили на разные вопросы, в том числе о своём, как говорится, наболевшем, о музеях, о памятниках и так далее.

Вы с Александром Германовичем Герценым в одно время работали?

В музее я работал по существу в одно и то же время с Герценым. С ним мне было просто-напросто легко работать. Мы понимали прекрасно друг друга. Я у него работал в институте. Была хоздоговорная тема по исследованию памятников археологии. Это был и Мангуп, и в общем пещерные города Крыма. У нас был экспедиционный мотоцикл, выдавали бензин. Я с Герценым очень много объездил как раз в этот период. И мы ездили по всем пещерным городам, по всем стоянкам, где только можно. Естественно, я фотографировал это. Много фотографий этих объектов есть.

А отметить ещё надо Юрия Сергеевича Воронина. Он бил себя в грудь: «Я – чиновник». И был начальником отдела памятников архитектуры. И, несмотря на то, что некоторые вопросы его не касались, например памятники истории, Воронин занимался и ими. Он сделал очень много. Мы его с Герценым вывезли на кладбище Альминского поле боя, которое разрушено было. Эти памятники не стояли в реестре его департамента. Когда это он всё увидел сразу поехали в колхоз «22-го съезда». Председатель колхоза, по-моему, был из Дагестана. Воронин ему это поведал. И он: «Хорошо, – говорит. – Я всё, что можно в своих полномочиях сделаю». Потом, я точно помню, были какие-то разговоры между Ворониным и людьми, которые приезжали из Бахчисарая. И в конечном итоге проложили туда асфальтированную дорогу, которая идёт от кольца шоссе Евпатория – Севастополь. Сделали стоянку для автобусов, спуск к кладбищу, починили ограду. Она наполовину была разобрана для частного строительства не немецко-фашистскими захватчиками. Здесь я не могу

точно сказать, где заканчивалось финансирование, колхоз финансировал только часть.

Может, Украинское общество тоже?

И Общество там финансировало, и, по-моему, ещё какое-то государственное было финансирование. Это пример, когда совместными усилиями государственных служащих, общественности, партийной организации восстановили. Я горжусь, что это одно из тех немногих дел, которое сделал.

Я знаю, как байку о том, что Вы на мотоцикле объезжали, устанавливали стелы охранные к памятникам в разных местах, которые в некоторых случаях до сих пор сохранились. Как это вам удавалось?

Я даю объяснение. По-моему, идея как-то возникла одновременно: Веймарн, Герцен, Воронин там были. Я не могу сейчас точно сказать, кто первый сказал, что надо сделать такие столбики с аннотационными предупреждающими надписям. Одним словом, была хозрасчётная ремонтно-реставрационная мастерская № 6 Украинского общества охраны памятником истории и культуры. И там разработали проекты этих памятных охранных знаков. Это была приблизительно двух метровой высоты, может, немножко меньше, 1.8 м, стела. В верхней части, на уровне глаз, – металлическая алюминиевая доска, на которой рельефно было написано: «Украинская ССР». Потом была вариация «памятник археологии», «курган», по-моему, вариация ещё «стоянка». А внизу: «Памятник археологии охраняется государством, повреждение карается законом». И мы установили много их, где-то около ста штук.

На чём Вы их возили?

Выдавали транспорт, машину грузовую. И было много таких выездов.

Это Вы как сотрудник реставрационных мастерских делали?

Нет, я тогда уже был не как сотрудник реставрационных мастерских, а как представитель музея.

Давайте к другой немного теме. Наверное, большинство Ваших работ связаны были с памятниками Крымской войны. Это и английское кладбище, и Ваша известная книга по французскому кладбищу, вместе в какой-то степени участвовали в судьбе памятника Евпатории, который Вы долго изучали. В чём интерес был? Почему именно памятники Крымской войны вызывали такой интерес и оживление?

Вы знаете, наверное, здесь опять повторю, я формировался в те годы, когда очень жива была память о Великой Отечественной войне. И жесткость этой войны была мне известна, поскольку все знали, что такое совхоз «Красный». Эти разговоры были ещё задолго до того, когда на 2-м км Николаевского шоссе обнаружили массовые захоронения.

Были живые люди, которые это видели. И люди, которые были в плену, мне рассказывали об ужасах этой войны. О далеко не всегда корректном и рыцарском

отношении противников к нашим воинам. И я начал читать материалы о Крымской войне. Их публиковали ветераны войны, историки, архивисты, которые работали с нашими и иностранными материалами. Я увидел, как отличались эти две войны. Что тогда действительно тоже людей побили видимо-невидимо. Были случаи безобразные где-то, и обирали убитых. Но в целом все солдаты, военнослужащие, военные противоборствующих сил старались придерживаться неписанных человеческих правил ведения войны. Поскольку знали, что если они сегодня начнут скотствовать по отношению врагу, даже мёртвому, завтра это будет производить враг по отношению к нашим воинам. И вот этот, мне кажется, баланс человечности, христианских соображений, христианских добродетелей из простого расчёта, здравого мужского расчёта: «Я не буду делать скотства по отношению к вашим воинам в надежде, что и ваши воины в тяжёлый момент не будут издеваться надо мной». Я так думаю.

Вы много сделали для восстановления братского кладбища в Симферополе. На Ваш взгляд, какие были основные этапы? В 90-е годы его активно восстанавливали, но понятно, что предыстория идёт ещё из 80-х годов. Кто вам помогал в этом движении? С чего возникла идея восстановить это кладбище?

Идея восстановить кладбище возникла у меня, когда увидел, что оно полностью разрушено. И впоследствии, когда я узнал, что разрушено кладбище не мерзкими немецко-фашистскими захватчиками, а нашим народом – строителем коммунизма, мне, конечно, было очень досадно. Я не помню особых каких-то трудностей в восстановлении этого кладбища. По большому счёту не такие были затратные работы: небольшая по размеру, по объёмам часовенка и домик смотрителя. Остальные работы, можно сказать, садово-паркового характера.

Вы стали катализатором этих всех мероприятий или у вас просто возникла идея?

Идея была у меня. Я это сказал Сергею Анатольевичу Секиринскому, другим из общества охраны памятников. В нашем обществе, вернее в отделе учёта охраны памятников работал Тимченко, который был завотделом учёта охраны памятников Крымского краеведческого музея. Этот отдел в начале состоял из двух человек: Столбунов, который курировал археологические памятники, и я – Гуркович, который курировал все исторические памятники. Потом уже – Лачугин, Диму Секиринского пригласили, ещё Чебаненко там работала. А в начале два человека было. И вот эти два человека – это предтеча всего нашего комитета.

Тимченко был участником Великой Отечественной войны, ранен во время боёв на Северном Кавказе, впоследствии служил в Германии в группе советских войск. И это тоже сыграло свою роль: и Великая Отечественная война, и его видение западноевропейской цивилизации. Он видел, как к памятникам архитектурным и историческим относятся в Германии. И где-то вот это экстраполировал и на нашу крымскую землю. Конечно, он не был борец, он такой был, что...

В Вашем понимании, как изменилось отношение к охране памятников сейчас по сравнению с тем, что было 40–50-е? Произошли какие-то изменения в лучшую или худшую сторону, по Вашим ощущениям?

Поскольку я отошёл немножко уже от непосредственной работы, даже в общественном плане, не имею возможность так выезжать на объекты, имею меньше возможность общаться непосредственно с людьми, которые имеют отношение к этому миру.

Но в 90-е годы Вы же активно работали, в 2000-е.

Но я могу сказать, что прогресс есть. И у старых людей обычно такое мнение: «О, в наше время там было лучше. Сейчас не тот народ, и, как говорится, кость не та, и хилые они, и так далее». Я в целом считаю, что сделано и делается, если говорить о Крыме и о Российской Федерации, достаточно много хорошего. Я так считаю.

Вы в своих работах упоминали о таком общественном деятеле и краеведе Льве Кая, какова была его роль в деле охраны памятников?

Вы знаете, он интересный был человек. Он был крымчаком. Сам по специальности инженер, но интересовался историей крымчакского народа, их материальными памятниками, литературой. Будучи пенсионером, неоднократно ездил в Москву работать в архивах, в Ленинград, и, по-моему, ещё в Вильнюс. И он выступал всегда как активист общества охраны памятников не только за сбережение, охрану и изучение памятников своей родной национальности, но и общечеловеческих памятников. Он жертва сталинских репрессий, остался инвалидом, ему тяжело было передвигаться. У него был небольшой мотороллер, на котором он ездил. Только хорошее могу вспомнить об этом человеке.

30.10.2019 г., Симферополь.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ГУРКОВИЧА

(сост. Н. С. Дружинина)

1970

1. «Атака лёгкой бригады» // Крымская правда. – 1970. – 18 октября. – С. 3.
2. «Как четвёртого числа...» // Крымская правда. – 1970. – 9 сентября. – С. 4.
3. Обелиск на перевале // Крымская правда. – 1970. – 3 июля. – С. 4.
4. Полк идёт в штyki... // Слава Севастополя. – 1970. – 20 сентября. – С. 4.

1971

5. Страницы славы русской // Крымская правда. – 1971. – 20 апреля. – С. 4.

1989

6. [О состоянии памятников Крымской войны // Московские новости. – 1989. – 27 августа].
7. Чего не знал автор письма, или некоторые размышления о наших памятниках // Крымская правда. – 1989. – 20 января. – С. 3.

1990

8. Горькая правда о войне... // Крымский комсомолец. – 1990. – 11 августа. – С. 9.
9. «Мы никогда не мстили мертвецам» // Слава Севастополя. – 1990. – 7 июля. – С. 4.

1991

10. 18 мая в Симферополе состоялось открытие мемориального знака... // Крымский комсомолец. – 1991. – 25 мая. – С. 2.
11. ...И милость к падшим призывал: ещё раз об одном богослужении, а также о некоторых аспектах нашего прошлого // Крымский комсомолец. – 1990. – 6 сентября. – С. 9.
12. [Историко-архивные исследования памятников крымских татар // Проектные проработки Крымской мастерской института Укрпроектреставрация по реставрации памятников крымскотатарской архитектуры. – Симферополь, 1991 (машинопись)].
13. Прошлись по Кирхенштрассе, свернули на Румынскую... // Крымский комсомолец. – 1991. – 8 июня. – С. 5.

1992

14. [Аджи-бей – мечеть под Судаком // Авдет. – 1992. – 23 июля. – С. 4].
15. Да не покинет мудрость... // Южный курьер. – 1992. – 14 марта. – С. 3–4.
16. И всё ж такой газеты не было (ответ на публикацию Л. Буджуровой в газете «Авдет» (№ 11, 1992 г.) // Республика Крым. – 1992. – № 16. – С. 3.
17. Короткая история «Валиде шериф» // Таврические ведомости. – 1993. – 11 июня. – С. 4.
18. [Нельзя веселиться по команде // Республика Крым. – 1992. – № 26].
19. [Новая эра Тавриды? // Республика Крым. – 1992. – № 6. – С. 2].

1994

20. Книга памяти Республики Крым: в 8 т. / пред. ред. кол. И. В. Иванченко. – Симферополь: Таврида, 1994–1998 (в составе редкол.).
21. Смерть и воскресение графа Тотлебена // Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура: мат. респ. науч.-общ. конф. – Симферополь, 1994. – С. 26–28.

1995

22. 1945 год: свидетельство мирового события // Крымская правда. – 1995. – 7 февраля. – С. 3.
23. Автодорога: знакомство с полуостровом // Крымские известия. – 1995. – 28 января. – С. 2.
24. Англо-американцы в Сакском санатории РККА // Крымские известия. – 1995. – 27 января. – С. 2.
25. «Великое переселение» на военный аэродром «Саки» // Крымские известия. – 1995. – 26 января. – С. 2.
26. Заключение: «памятные места» письменных источников // Крымские известия. – 1995. – 9 февраля. – С. 2.
27. И. Сталин в Юсуповском дворце // Крымские известия. – 1995. – 4 февраля. – С. 2.
28. Иосиф Сталин побрился в Алуште, в доме, где Николай Романов завтракал со своей невестой Алисой // Крымские известия. – 1995. – 1 февраля. – С. 2.
29. Крымская конференция 1945 года: памятные места. – Симферополь: Таврия, 1995. – 48 с.
30. На земле севастопольской // Крымские известия. – 1995. – 8 февраля. – С. 2.
31. «Певцы свободы» доктора Геббельса // Горькая память войны: Крым в Великой Отечественной: сб. ст. / КРКМ. – Симферополь, 1995. – С. 48–56.
32. Размышления у фонтана // Свободный Крым – 1995. – 16 сентября. – С. 3.
33. Рузвельт говорит, что он чувствует в Ливадии себя очень хорошо // Крымские известия. – 1995. – 2 февраля. – С. 2.
34. Смерть и воскресение графа Тотлебена // Южная столица. – 1995. – 6 января. – С. 5.
35. Улица имени президента США // Крымские известия. – 1995. – 3 февраля. – С. 2.

1996

36. Екатерининский монумент в Симферополе // Новый град. – 1996. – С. 5–21.
37. [Крым в первом российском путеводителе 1786 года // Крымское время. – 1996].
38. Окупационный режим в Крыму (1941–1944 гг.): за материалами прессы оккупационных властей / упоряд. В. М. Гуркович. – Симферополь: Таврия, 1996. – 120 с.
39. Симферопольский альбом / ред.-сост. А. Е. Тархов; авт. текста В. Н. Гуркович, А. Е. Тархов. – Симферополь: Таврия, 1996. – 396 с.
40. Смерть и воскресение героя Плевны: размышления по поводу «некруглого» юбилея // Крымские известия. – 1996. – 24 декабря. – С. 3.
41. «Современник» 1943 года // Крымское время. – 1996. – 2 октября. – С. 12.
42. Шмелёв в журнале «Современник» 1943 года // Русская литература и российское зарубежье: параллели и пересечения: тез. док. науч. конф. «V Крымские Международ. чтения». – Алушта, 1996. – С. 59–62.

1997

43. [Екатерининские мили // Русский Мир. – 1997. – № 1. – С. 5].
44. «За веру, царя и отечество...» // Евпаторийская здравница. – 1997. – 7 октября. – С. 3.
45. История «Неугасимой свечи» // Крымское время. – 1997. – 13 мая. – С. 15.
46. [«Перед монументом Екатерины II»: повествования и размышления о памятнике, который не будет восстановлен... // Русский Мир. – 1997. – № 1].
47. Размышление о грустном: события // Сурб Хач. – 1997. – № 2. – С. 29–34.
48. Симферопольское братское кладбище русских воинов, погибших в годы Крымской войны (1854–1856). – Симферополь: Таврия-Плюс, 1997. – 12 с.
49. Синагога «Нер-Томид» в Симферополе // Евреи Крыма: очерки истории / сост. Э. И. Соломоник; ред. Д. Лунев. – Симферополь; Иерусалим: Мосты, 1997. – С. 55–64.
50. «Храбрым защитникам Веры, Царя и Отечества»: День памяти воинов, павших в годы Крымской войны // Крымское время. – 1997. – 8 октября. – С. 15.

1998

51. «... В. Поляков, благодарный гражданин Украины» // Крымское время. – 1998. – 22 декабря. – С. 5.
52. [Прошлое Тавриды: мечеть защитников отечества // Крымский контекст. – 1998. – № 6. – С. 11–13].
53. «Солнце свободы взошло на Западе...» // Крымское время. – 1998. – 17 апреля. – С. 6.
54. Угол падения равен углу отражения // Крымское время. – 1998. – 17 апреля. – С. 5.

1999

55. Американский «Освободитель» в Крыму // Крымское время. – 1999. – 29 мая. – С. 6.
56. Единственный в мире караимско-греческий монумент: памятник русским воинам, погибшим при штурме Евпатории в 1855 году, в период Крымской войны // Крымская газета. – 1999. – 2 декабря. – С. 3.
57. «За Веру, Царя и Отечество» // Крымская газета. – 1999. – 31 августа. – С. 3.
58. Открытое письмо на «Украинку» дядюшке Ахмету // Голос Крыма. – 1999. – 2 апреля. – С. 5.
59. Открытое письмо на Украинку дядюшке Ахмету // Крымское время. – 1999. – 21 апреля. – С. 6.
60. «Таврида», которой позавидовал бы и Йозеф Геббельс // Крымское время. – Симферополь, 1999. – 21 декабря. – С. 6.

2000

61. Памятник на перекрёстке улицы Сельвинского // И. Л. Сельвинский и литературный процесс XX века: Междунар. науч. конф., посвящ. И. Л. Сельвинскому: мат. / гл. ред. В. П. Казарин. – Симферополь: Крымский архив. – С. 125–130.
62. Участие греков в Крымской войне / В. Н. Гуркович, А. Г. Кожекин // Греки в истории Крыма: краткий биограф. справ. / ред.-сост. В. В. Харабуга. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – С. 46–48.
63. Французское военное кладбище в Севастополе. – Симферополь: изд. центр КГМУ им. С. И. Георгиевского, 2000. – 52 с.

2001

64. В списках не значился (о могиле погибшего в годы Крымской войны капитана британской армии Горация Каста – с. Вилино Бахчисарайский район) // Бахчисарайский историко-археологический сб. / ред.-сост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. – Вып. 2. – С. 471–474.
65. Варварство или недомыслие? // Крымская газета. – 2001. – 11 января. – С. 2
66. «Образ врага»: профашистская газета «Голос Крыма» о Великобритании и США, союзниках СССР в годы Второй мировой войны: преступные действия вооружённых сил США и Великобритании против гражданского населения и военнослужащих // Ялта 1945–2000: проблемы международной безопасности на пороге нового столетия: мат. / гл. ред. В. П. Казарин. – Симферополь: Крымский архив, 2001. – С. 80–87.
67. Повествование крымского историка читателям отечественным и германским // 16.03.1944. Один день из жизни Йозефа Б. / Й. Герольд. – Симферополь, 2001. – С. 82–85.
68. Рассказ жителя Симферополя любознательным читателям о своем городе, его улицах и переулках, домах и монументах, памятных и любимых автором уголках столицы Крыма // Столица Крыма Симферополь / под ред. С. Б. Филимонова. – Симферополь, 2001. – С. 4–77.
69. Сталин спас во время войны 34.000 евреев: эвакуация евреев и других национальностей из Крыма в 1941 году // Крымское время. – 2001. – 18 декабря. – С. 6.

2002

70. Бурьян над прахом героев. Повествование о драматической судьбе могилы русских воинов, павших в бою с интервентами под Евпаторией в 1855 году. – Симферополь: Универсум, 2002. – 100 с.
71. Духовно-патриотическое противостояние // Крымская правда. – 2002. – 15 февраля – С. 5.

72. Единственный в мире караимско-греческий монумент (памятник русским воинам, погибшим при штурме Евпатории в 1855 году, в период Крымской войны) // Греция и славянский мир: сб. науч. ст. / гл. ред. В. П. Казарин. – Симферополь: Крымский архив, 2002. – Вып. 1. – С. 83–90.

73. Ильичи из Екатерининской бронзы... // II Таврические научные чтения, посв. 80-летию Центрального музея Тавриды: сб. мат. / ред.-сост. Е. Б. Вишневская; Министерство культуры АРК, КРКМ. – Симферополь, 2002. – С. 70–76.

74. По главной улице в бессмертье // Крымская правда. – 2002. – 22 февраля. – С. 5.

75. Церковно-красноармейский комплекс? // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 28. – С. 193–197.

2003

76. Американский «Освободитель» в Крыму / В. Н. Гуркович, И. В. Черныш // Историческое наследие Крыма. – 2003. – № 3. – С. 75–91.

77. Исторический комментарий к стихотворению И. Л. Сельвинского «Я это видел!» // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского: сб. науч. ст. / гл. ред. В. П. Казарин. – Симферополь: Крымский архив, 2003. – Симферополь: Крымский архив. – Вып. 2. – С. 89–95.

78. «Книга памяти» 1857 года // И. С. Шмелёв и духовная культура православия: IX Крымские международные Шмелёвские чтения: сб. мат. междунар. науч. конф. / ред. В. П. Цыганник. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2003. – С. 386–391.

79. Одна из лучших книг года (о книге Н. Н. Калинина, А. Кадиевича и М. А. Земляниченко «Архитектор Высочайшего двора»), посвященной деятельности Н. Н. Краснова в Крыму) // Крымское время. – 2003. – 25 декабря. – С. 6.

80. Русский певец Пётр Лещенко – офицер румынской армии в Крыму (1943–1944 гг.) // Историческое наследие Крыма. – 2003. – № 1. – С. 89–96.

2004

81. К вопросу о расстрелах мирного населения в Багеровском рву в 1941 г. // Керчь военная: сб. ст. / ред.-сост. В. В. Симонов; Керченский государственный историко-культурный заповедник. – Керчь, 2004. – С. 127–131.

82. Как в Симферополе был уничтожен памятник павшим воинам 19 Краснознамённого Перекопского танкового корпуса // IV Таврические научные чтения: сб. мат. / ред.-сост. Е. Б. Вишневская; М-во культуры АРК, КРКМ. – Симферополь, 2004. – С. 42–51.

83. Образ врага (профашистские газеты «Голос Крыма» и «Азат Кърым» о союзниках СССР в годы Второй мировой войны) // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 8. – С. 140–147.

84. Окрашивал ли Йозеф Бойс «коричневой кровью» землю еврейского колхоза? О некоторых аспектах стихотворения Генриха Сапгира «Татарин» // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского: сб. науч. ст. / гл. ред. В. П. Казарин. – Симферополь: Крымский Архив, 2004. – Вып. 3. – С. 119–132.

85. Памятники и памятные места Крымской войны: Альма: к 150-летию сражения. – Симферополь, 2004. – 208 с.

86. Письмо в «Правду» // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 6/7. – С. 24–48.

87. «Размышления у фонтана» // Памятники Южного Берега Крыма: вчера, сегодня, завтра: мат. Всеукраинской науч.-практ. конф. / ред.-сост. Н. Г. Новиченкова. – Ялта: РИО КГГИ, 2004. – С. 78–82.

88. Реабилитированные историей: Автономная Республика Крым: в 9 кн. Кн. 1–7 / гл. ред. В. П. Антипенко. – Симферополь, 2004–2012 (в составе редкол.).

89. Тайны создания русской народной песни «Der "Watjag"» // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 3/4. – С. 64–73.

90. Тайны создания русской народной песни «Der "Watjag"» // Крымское время. – 2004. – 6 февраля. – С. 12–13.

91. Французское военное кладбище и его смотритель Жозеф Равве // Историческое наследие Крыма. – 2004. – № 3/4. – С. 112–125.

2005

92. Как Сталин поссорился с Черчиллем, в результате чего предали забвению боевую песню периода Великой Отечественной войны, а смоленский парень Жозеф стал Георгием // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 9. – С. 22–28.
93. Крымская конференция – 1945 // Радуга. – 2005. – № 1. – С. 141–166.
94. Малаховский фантом // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 11. – С. 82–97.
95. Неизвестные антифашистские литографии // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 11. – С. 15–26.
96. Первые почитатели и хулители Советского гимна 1943 года // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 10. – С. 29–34.
97. Рузвельт и Черчилль в Крыму // Крымские известия. – 2005. – 2 февраля. – С. 5.
98. Уникальная архивная находка документов о судьбе сокрушённого в 1917-м году памятника Александру III в Феодосии // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 9. – С. 192–193.

2006

99. Дворец Михаила Николаевича Раевского в Карасане (историко-архитектурный очерк) // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 12/13. – С. 27–34.
100. [Дом архитектора (пояснительная записка): генплан и организация подхода. – Симферополь, 2006. – 2 с. (машинопись)].
101. «Казачья вежа XVII века» и долг нашей памяти // Брега Тавриды. – 2006. – № 6. – С. 242–272.
102. «Казачья вежа XVII века» и долг нашей памяти // Мир усадебной культуры: VI Крымские Междунар. науч. чт.: сб. докл. / сост. Г. Г. Филатова. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2006. – С. 57–103.
103. Малаховский фантом // Слава Севастополя. – 2006. – 28 февраля. – С. 2.
104. Малаховский фантом (окончание) // Слава Севастополя. – 2006. – 1 марта. – С. 2.
105. [Малаховский фантом // Флаг Родины. – 2006. – 20 апреля].
106. Не каждая ниша – михраб мечети // VI Таврические научные чтения: сб. мат. / гл. ред. Е. Б. Вишневская – Симферополь: Еврострой, 2006. – С. 63–67.
107. О дворце Михаила Николаевича Раевского, который был возведен в 1887 году там, где ранее обитал сказочный медведь // Историко-культурное наследие семьи Раевских и его международное значение: мат. II Елисаветградских Междунар. ист.-лит. чтения. – Кировоград: КОД, 2006. – С. 178–185.
108. Последний смотритель-француз: фрагменты воспоминаний Виктора Равве о своих родителях и о французском кладбище // Слава Севастополя. – 2006. – 8 апреля. – Режим доступа: <https://slavasev.ru/2006/04/08/posledniy-smotritel-francuz/>.

2007

109. Давайте вместе установим истину! (Предложение по поводу рецензии кандидата исторических наук В. Е. Полякова) // VII Таврические научные чтения: сб. мат.: в 2 ч. Ч. 1 / гл. ред. Е. Б. Вишневская. – Симферополь: Еврострой, 2007. – С. 73–82.
110. Памятник «Партизанская шапка» имеет одну историю, свою, истинную: некоторые возражения кандидату исторических наук В. Полякову о подлинных крымских событиях и конкретных лицах, о мемориальных объектах и итальянском мраморе... // Крым в контексте русского мира: язык и культура: сб. мат. IV науч.-практ. конф., посв. 208-й годовщине со дня рождения А. С. Пушкина / ред. А. С. Филатов. – Симферополь: Таврия, 2007. – С. 100 – 112.
111. Партизанская шапка на земле Израйля // Крымская правда. – 2007. – 24 июля. – С. 3.
112. Симферополь 1784–2007: альбом / сост. В. И. Жерибор, В. Н. Гуркович. – Симферополь: Универсум, 2007. – 132 с.
113. «Турецкий эндшпиль», или как память павших сделать предметом провокации // Крымское эхо. – 2007. – 15 декабря. – Режим доступа: <https://c-eho.info/tureckij-ndshpili>.
114. Этнограф по призванию (Лев Исаакович Кая) // Кърымчахлар – 2007 – № 2/3. – С. 51–59.

2008

115. Механика лжи // Крымское эхо. – 2008. – 2 января. – Режим доступа: <https://echo.info/mehnika-lji>.
116. Начало восстановления братского кладбища XIX в. в Симферополе // Херсонесский колокол: сб. науч. ст., посв. 70-летию со дня рождения Виктора Николаевича Даниленко / гл. ред. Е. Б. Петрова. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 382–388.
117. О захоронении воинов Русской армии на территории Турции и турецких, погибших в Крыму: история, проблемы, современное состояние, перспективы // Альминские чтения: мат. науч.-практ. конф. / сост. О. А. Желтухина. – Симферополь: Антиква, 2008. – С. 155–167.
118. Смерть и воскресение графа Тотлебена: к 190-летию со дня рождения генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена // СЕВА–2008 / ред. П. П. Ермолов. – Севастополь: Вебер, 2008. – Вып. 2. – С. 393–408.
119. Судьба советских памятников и памятников эпохи социализма в Венгрии // Альминские чтения: мат. науч.-практ. конф. / сост. О. А. Желтухина. – Симферополь: Антиква, 2008. – С. 56–68.
120. «Чудесное спасение» в Крыму: продолжение мифа... (16 марта 1944 года родилась легенда, которая стала содержанием всей жизни выдающегося немецкого художника-авангардиста Йозефа Бойса) // Научный сборник Керченского заповедника / Керченский историко-культурный заповедник. – Керчь, 2008. – Вып. 2. – С. 412–436.

2009

121. Как я стал историком, или воспоминания о родителях, детстве и школьных годах // Terra Alustiana MMIX: сб. мат. научн. конф. «Terra Alustiana» / сост. В. Г. Рудницкая. – Алушта; Симферополь: ЧП Немчинов, 2009. – С. 101–124.
122. О дворце Михаила Николаевича, который был возведён в 1887 году // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме // Крымский гуманитарный ун-т. – Ялта, 2009. – С. 73–88.
123. Первое захоронение воинов русской армии за 70 лет советской власти // X Таврические научные чтения: сб. мат.: в 2 ч. Ч. 1 / ред.-сост. Е. Б. Вишневская; М-во культуры и искусств АРК, КРУ «Центральный музей Таврида». – Симферополь, 2009. – С. 51–55.
124. Письмо гидрогеолога И. М. Педдакаса из Алушты товарищу Сталину // Terra Alustiana MMIX: сб. мат. научн. конф. «Terra Alustiana» / сост. В. Г. Рудницкая. – Алушта; Симферополь: ЧП Немчинов, 2009. – С. 71–77.
125. Послесловие к мероприятиям, посвященным юбилею Крымской войны // Историческое наследие Крыма. – 2009. – № 25. – С. 8–11.
126. Севастополь – город моей жизни // СЕВА–2009 / ред. П. П. Ермолов. – Севастополь: Вебер, 2009. – Вып. 3. – С. 385–411.
127. Судьба советских памятников и памятников эпохи социализма в Венгрии // Историческое наследие Крыма. – 2009. – № 24. – С. 42–47.
128. Чехословацкий пулемет в судьбе партизана и художника Э. М. Грабовецкого // IX Таврические научные чтения: сб. мат.: в 2 ч. Ч. 1 / гл. ред. Е. Б. Вишневская. – Симферополь: Еврострой, 2009. – С. 54–61.

2010

129. Александро-Невская улица, Азовский банк и почта // Южная столица. – 2010. – 12 марта. – С. 14.
130. Гоголевская улица. Семинарская церковь и Окружной суд // Южная столица. – 2010. – 4 июля. – С. 4.
131. Городской сад. Главный вход со стороны ул. Лазаревской (ныне ул. Ленина) // Южная столица. – 2010. – 2 июля. – С. 5.
132. «Гранд Отель» // Южная столица. – 2010. – 16 июля. – С. 6.
133. Долгоруковский обелиск и Александро-Невский собор // Южная столица. – 2010. – 26 февраля. – С. 13.

134. «Долой стыд!»: как Владимир Маяковский прогуливался с обнаженными дамами и поэтом Бурлюком по улицам Симферополя. – Симферополь: Универсум, 2010. – 240 с.
135. Дом Анджело // Крымчахлар. – 2010. – № 5. – С. 39–40.
136. Здание Дворянского театра // Южная столица. – 2010. – 16 апреля. – С. 13.
137. Малоизвестные исторические памятники российской Тавриды // Крым от древности до наших дней / ред. Э. Б. Петрова. – Симферополь: ЧерноморПРЕСС; Феодосия; Коктебель, 2010. – С. 333–342.
138. Памятник Екатерине II // Южная столица. – 2010. – 30 апреля. – С. 6.
139. Петербургская гостиница // Южная столица. – 2010. – 9 июля. – С. 6.
140. Салгирная улица // Южная столица. – 2010. – 11 июня. – С. 14.
141. Симферополь: общий вид с северной стороны // Южная столица. – 2010. – 2 апреля. – С. 7.
142. Страницы воспоминаний о Фёдоре Васильевиче Родине, товарище моего отца // Military Крым. – 2010. – № 1: Спецвыпуск. – С. 88–92.
143. Угол Пушкинской и Екатерининской улиц // Южная столица. – 2010. – 19 марта. – С. 17.
144. Часовня Св. Николая у железнодорожного вокзала // Южная столица. – 2010. – 19 февраля. – С. 6.

2011

145. Долгоруковский обелиск: как это было // Крымское эхо. – 2011. – 21 января. – Режим доступа: <https://c-cho.info/dolgorukovskij-obelisk-kak-to-blo>.
146. Исторические памятники Российской Тавриды (от эпохи Екатерины II до завершения Гражданской войны) // Русские / ред. Б. С. Балаян. – Симферополь: Таврида, 2011. – С. 60–76.
147. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму / сост., авт. вступ. ст., пер. с фр. В. В. Орехов. – Киев: Стило, 2011. – 416 с. (в составе редкол.).
148. Прогулка по улице Самокиша во времени и в пространстве в трех частях // Самокиш Н. С. и его ученики: мат. Междунар. науч.-практ. искусствоведческой конф. / сост. И. Б. Арбитайло, Е. И. Лазаренко. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – С. 178–193.
149. Судьба праха генерала А. К. Абрамова, похороненного на солдатском кладбище «севастопольцев», умерших в госпиталях г. Симферополя в 1854–1856 гг. // Альминские чтения: мат. науч.-практ. конф. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – Вып. 2. – С. 149–166.

2012

150. История строительства и функционирования кинотеатра «Симферополь» (г. Симферополь, проспект Кирова, 37) // Симферополь на перекрестках истории: мат. науч.-практ. конф. / гл. ред. Э. Б. Петрова; Музей истории города Симферополя. – Симферополь, 2012. – С. 54–61.
151. Марусин поворот: трансформации бытового шоферского сказания в патристическую легенду // Брега Тавриды. – 2012. – № 5/6. – С. 302–313.
152. Моё знакомство с графом Тотлебенем // Альминские чтения: мат. науч.-практ. конф. / сост. О. А. Желтухина. – Симферополь: Антиква, 2012. – Вып. 3. – С. 190–214.
153. Моё знакомство с графом Тотлебенем / В. Гуркович // СЕВА–2011 / гл. ред. П. П. Ермолов. – Севастополь: Вебер, 2012. – Вып. 5. – С. 362–393.
154. О статье, где кандидат исторических наук сравнивает плохо понимаемые им предметы с ничем (свободная рецензия на статью В. Полякова о партизанском движении): сб. науч. тр. // Крымфронт: проблемы истории и памяти: 70 лет спустя: мат. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. Н. Ткаченко, Ю. А. Утробин. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2012. – С. 265–275.
155. По пути блаженной памяти Екатерины Великой // Симферополь на перекрестках истории: мат. науч.-практ. конф. / гл. ред. Э. Б. Петрова; Музей истории города Симферополя. – Симферополь, 2012. – С. 146–160.
156. «Рассказ о спрятанном оружии»: размышления над стихотворением К. Симонова в поисках реальных героев // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского: сб. науч. ст. / ред. В. П. Казарин. – Симферополь: Крымский Архив, 2012. – Вып. 9. – С. 61–68.

2013

157. Авиационные небылицы господина Полякова, «председателя крымского отделения Российского общества потомков прославленных авиаторов» // Научное творчество крымских исследователей: сб. основных науч. докладов 2-го и 3-го симпозиумов молодых ученых / Таврический центр военной истории. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. – С. 47–56.

158. Взрывали ли в 1943 году партизаны православный храм в селе Мазанка? (исторический и нравственный аспект данного вопроса) // Таврические духовные чтения: мат. конф. – Симферополь, 2013. – С. 385–394.

2014

159. Дюжина авиационных небылиц господина Полякова, лже-"председателя Крымского отделения российского общества потомков прославленных авиаторов" // Военно-исторические чтения / ред.-сост. В. В. Симонов. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. – Вып. 3: О войне, без купюр. – С. 367–386.

160. Первое захоронение воинов Русской армии за всю эпоху советской власти: к 95-летию окончания Гражданской войны // Историческое наследие Крыма: сб. ст. / гл. ред. Н. О. Гриненко. – Симферополь: Антиква, 2014. – С. 121–122.

161. Письмо гидрогеолога И. И. Педдакса из Алушты товарищу Сталину // Историческое наследие Крыма: сб. ст. / гл. ред. Н. О. Гриненко. – Симферополь: Антиква, 2014. – С. 51–54.

2015

162. 111-й туристский маршрут «По партизанским тропам»: воспоминания инструктора пешеходного туризма 1960-х годов // Terra Alushtiana MMXI: сб. науч. тр. по мат. 10-й науч. конф. «Terra Alushtiana», посвящ. столетию присвоения Алуште статуса города и 1460-й годовщине основания императором Юстинианом крепости Алустон / ред.-сост. В. Г. Рудницкая, И. Б. Тесленко. – Симферополь: Антиква, 2015. – С. 545–562.

163. Восставший из руин (о восстановлении дачи Кесслера) // Крымское время. – 2015. – 17 сентября. – С. 12.

164. Диссертация «доктора Полякова»: русофобия // Симферополь на перекрестках истории: мат. науч.-практ. конф. / гл. ред. Э. Б. Петрова; Музей истории города Симферополя. – Симферополь, 2015. – С. 13–24.

165. Миф о спасённых фондах Крымского краеведческого музея // XV Таврические научные чтения: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1 / гл. ред. Е. Б. Вишневская; М-во культуры Республики Крым, Центральный музей Тавриды. – Симферополь, 2015. – С. 36–46.

166. О концлагере на территории совхоза «Красный» и о памятниках жертвам фашистского террора // Лагерь смерти: совхоз «Красный» / сост. Г. Н. Гржибовская. – Симферополь: Антиква, 2015. – С. 36–75.

2016

167. Катынская трагедия в интерпретации профашистской газеты «Голос Крыма» // Крымский архив. – 2016. – № 3. – С. 69–80.

168. Против фальсификаторов истории Великой Отечественной войны в Крыму // Крым в Великой Отечественной войне: неизвестные и забытые страницы истории: науч.-практ. конф. / гл. ред. Е. Б. Вишневская; МК РК; ГБУ «Центральный музей Тавриды». – Симферополь, 2016. – С. 29–35.

169. «Прошлись по Кирхенштрассе, свернули на Румынскую...»: топонимия Крыма в годы Великой Отечественной войны // Топонимический альманах. – 2015. – № 2. – С. 43–45.

170. Улица Турецкая (автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя) // Симферополь на перекрестках истории: мат. науч.-практ. конф. / гл. ред. Э. Б. Петрова; Муниципальное казённое учреждение Управление культуры и культурного наследия Республики Крым; Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Музей истории города Симферополя». – Симферополь, 2016. – С. 25–39.

171. Улица Турецкая: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя // Крымское эхо. – 2016. – 9 июля. – Режим доступа: <https://c-eho.info/ulitsa-turetskaya-avtobiograficheskie-i-kraevedcheskie-etyudy-starozhila-simferopolya>.
172. Улица Турецкая: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя [2] // Крымское эхо. – 2016. – 23 июля. – Режим доступа: <https://c-eho.info/ulitsa-turetskaya-avtobiograficheskie-i-kraevedcheskie-etyudy-starozhila-simferopolya-2>.
173. Улица Турецкая: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя [3] // Крымское эхо. – 2016. – 30 июля. – Режим доступа: <https://c-eho.info/ulitsa-turetskaya-avtobiograficheskie-i-kraevedcheskie-etyudy-starozhila-simferopolya-3>.
174. Улица Турецкая: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя [4] // Крымское эхо. – 2016. – 27 августа. – Режим доступа: <https://c-eho.info/ulitsa-turetskaya-avtobiograficheskie-i-kraevedcheskie-etyudy-starozhila-simferopolya-4>.
175. Улица Турецкая: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя [5] // Крымское эхо. – 2016. – 3 сентября. – Режим доступа: <https://c-eho.info/ulitsa-turetskaya-avtobiograficheskie-i-kraevedcheskie-etyudy-starozhila-simferopolya-5>.
176. Улица Турецкая: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя [6] // Крымское эхо. – 2016. – 17 сентября. – Режим доступа: <https://c-eho.info/ulitsa-turetskaya-avtobiograficheskie-i-kraevedcheskie-etyudy-starozhila-simferopolya-6>.
177. Улица Турецкая: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя [7] // Крымское эхо. – 2016. – 24 сентября. – Режим доступа: <https://c-eho.info/ulitsa-turetskaya-avtobiograficheskie-i-kraevedcheskie-etyudy-starozhila-simferopolya-7>.
178. Улица Турецкая: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя [8] // Крымское эхо. – 2016. – 8 октября. – Режим доступа: <https://c-eho.info/ulitsa-turetskaya-avtobiograficheskie-i-kraevedcheskie-etyudy-starozhila-simferopolya-8>.
179. Улица Турецкая: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя [9] // Крымское эхо. – 2016. – 15 октября. – Режим доступа: <https://c-eho.info/ulitsa-turetskavtobiograficheskie-i-kraevedcheskie-etyudy-starozhila-simferopolya-9>.
180. Улица Турецкая: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя [10] // Крымское эхо. – 2016. – 22 октября. – Режим доступа: <https://c-eho.info/ulitsa-turetskaya-avtobiograficheskie-i-kraevedcheskie-etyudy-starozhila-simferopolya-10>.
181. Улица Турецкая: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя [11] // Крымское эхо. – 2016. – 29 октября. – Режим доступа: <https://c-eho.info/ulitsa-turetskaya-avtobiograficheskie-i-kraevedcheskie-etyudy-starozhila-simferopolya-11>.

2017

182. Ирина Ивановна, Вы поступили со мной бесстыдно, недостойно и недальновидно: открытое письмо Ирине Вдовиченко, директору музея истории Симферополя // Крымское эхо. – 2017. – 6 марта. – Режим доступа: <https://c-eho.info/irina-ivanovna-vy-postupili-so-mnoj-besstyдно-nedostojno-i-nedalnovidno>.
183. «Крымский фронт» 1933 года // Вестник Крымских чтений И. Л. Сельвинского: Илья Сельвинский и этническое многообразие поэзии XX–XXI веков; тема родины в русской литературе XX–XXI века: сб. науч. ст. / гл. ред. С. О. Курьянов. – Белгород: КОНСТАНТА; Симферополь, 2017. – С. 208–239.
184. Партизанская шапка: анализ мемориальных текстов и предложения по их корректировке и перепланировке мемориала // Историческое наследие Крыма сб. ст. / Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым. – Симферополь: Антика, 2017. – С. 151–162.

2018

185. Памятник русским, украинским и польским жертвам милитаризма и работорговли навряд ли появится в обозримом будущем... // Научное творчество историков и краеведов Крыма: сб. докл. на 8-м Всероссийском симпозиуме и Всероссийской науч.-практ. конф. «75 лет Крымфронту:

проблемы истории и памяти» / под ред. С. Н. Ткаченко. – Феодосия; Симферополь: РИО НИЦ, 2018. – С. 83–86.

186. Симферополь: 1784–2018: фотоальбом / сост. В. И. Жерибор; авт. текста В. Н. Гуркович. – Симферополь: Салта, 2018. – 159 с.

187. «Улица Турецкая»: автобиографические и краеведческие этюды старожила Симферополя // Брега Тавриды. – 2018. – № 1 – С. 176–193.

2019

188. Вадим Гарагуля в моей жизни, на фотографиях и в редких изданиях // Топонимика Крыма / ред.-сост. Ю. А. Беляев. – Симферополь: Н. Орианда, 2019. – Вып. 3. – С. 25–36.

2020

189. История проектирования и строительства памятного знака на месте боёв батальона курсантов ВМУ БО им. ЛКСМУ 1–3 ноября 1941 года на возвышенности Эгиз-Оба близ Бахчисарая / В. Н. Гуркович; подг. к публ. В. Н. Борисов. – Бахчисарай, 2020. – 29 с. – Режим доступа: <https://www.novoross.info/krim/58089-na-dalnih-rubezhah-oborony-sevastopolya-pamyatnik-kursantam-beregovoy-oborony.html>.

УДК 94(94)"1901/1945"

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-86-96

АВСТРАЛИЙСКО-НОВОЗЕЛАНДСКИЙ КОРПУС В ЕГИПТЕ ПЕРЕД ВЫСАДКОЙ В ГАЛЛИПОЛИ В 1915 Г.

Михайлов В. В.

*Государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: batukom@mail.ru*

Исследуется история Австралийско-Новозеландского корпуса (АНЗАК) в период подготовки к высадке на Галлиполийском полуострове в египетских тренировочных лагерях. Анализируются отношения рядового и офицерского состава корпуса. Изучаются бытовые условия, взаимоотношения австралийцев и новозеландцев с местным населением в Каире и его окрестностях. Исследуется подготовка соединений корпуса в тренировках и учениях, отношение солдат и офицеров к качеству подготовки войск корпуса, а также участие войск австралийско-новозеландского армейского корпуса в отражении турецкого наступления на Суэцкий канал в феврале 1915 года. Дается обзор действий командования десанта по сосредоточению сил АНЗАК в бухте Мудрос (Лемнос) перед началом высадки в Галлиполи. В статье широко использованы архивные материалы Австралийского Военного Мемориала и английских архивов, официальной истории участия Австралии в Первой мировой войне, дневниковые записи и письма австралийцев и новозеландцев - участников первого конвоя из Австралии в Александрию (Египет), российские и зарубежные исследования, посвященные начальному этапу Галлиполийской операции союзных сил Антанты против Османской империи.

Ключевые слова: Австралийские Имперские Силы (АИС), Австралийско-Новозеландский армейский корпус (АНЗАК), Первая мировая война, тренировочные лагеря АНЗАК в Египте, Австралийский Военный Мемориал, День АНЗАК, битва при Васса Бу.

3 декабря 1915 года полсотни судов конвоя и судов охраны Австралийских Имперских Сил и новозеландского контингента бросили якорь в 250 километрах от египетской Александрии. На берегу австралийцев (в Коломбо (Цейлон) к австралийским и новозеландским десантникам добавились индийские и цейлонские подразделения) погрузили на открытые железнодорожные платформы и в жуткой тесноте и неудобстве повезли в лагерь. Многим свободолюбивым австралийцам это не понравилось, так что вдоль дороги можно было услышать громкое хоровое мычанье и бляенье. 140 километров от Александрии до Каира составы с десантом смогли преодолеть за 8 часов [1, р. 32].

Первый из лагерей, предназначенных для австралийского корпуса, располагался в местечке Мена, недалеко от Каира, практически у подножья Великих Пирамид. Отношение к этим безмолвным свидетелям прошлого величия у австралийцев различалось вплоть до совершенно противоположного. Лейтенант Эйткен писал в отчаянии: «Боже, какая же это дыра... Кажется, англичане нас не ждали: у нас песок вместо кровати и небо вместо потолка» [2]. В таких условиях

Сфинкс и Пирамиды не смогли заменить отсутствие элементарных условий для жизни. Другие австралийцы испытывали иные чувства: кто-то писал домой, что вид пирамид словно бы перемещает его на несколько тысяч лет в прошлое. Некоторые из тех, кто прибыл в лагерь первым, успел до вечера добраться до подножия древнеегипетских мавзолеев и даже попытаться покорить их вершины. Некоторым удалось таким образом прикоснуться к тайне времени.

20 декабря 1914 года «антиподы» смогли поучаствовать в торжественной церемонии смены верховной власти в Египте. 18 декабря Великобритания навязала Египту свой протекторат, и вместо турецкого наместника – хедива Аббаса Хильми паши, чьи полномочия автоматически прекратились, был назначен новый глава – Его Высочество принц Хусейн Камел паша, представитель святого семейства Мохаммеда Али, ставший султаном Египта под протекторатом Его Величества короля Великобритании. Торжественное вступление в «должность» сопровождалось парадом британских вооруженных сил. Так, по одному батальону от каждой бригады АНЗАК прошли с флагами парадным шагом по улицам Каира мимо султанского дворца Абдин [1, р. 43].

В конце декабря из Австралии отплыл новый караван с призывниками общей численностью 10 500 австралийцев и 2000 новозеландцев. Помимо 4-й пехотной бригады в Египет плыла и 2-я бригада легкой кавалерии. Угроза германского флота в Индийском океане была устранена, поэтому конвой сопровождало в качестве конвоя лишь одно военное судно, причем, довольно необычного рода. Это была подводная лодка АЕ-2, которая провела весь путь до Средиземного моря, будучи прикреплена к борту транспортного судна «Беррима» [3, р. 136]. Конвой прибыл в Александрию 1 февраля.

Третий конвой, как и все остальные в 1915 году, шел без военного сопровождения, с 31 тысячей «антиподов» и прибыл в Египет 21 марта. В его составе был контингент новозеландских маори в составе 14 офицеров и 425 солдат других рангов [1, р. 59]. Таким образом, силы, предназначенные для будущей Галлиполийской операции, благополучно достигли места сбора и приступили к тренировкам и подготовке к десантированию.

Всего из Австралии и Новой Зеландии прибыло к началу десанта более 60 тысяч молодых людей. Командование им было поручено генерал-лейтенанту Уильяму Бёрдвуду. Получив образование в Англии, Бёрдвуд служил в Индии и Южной Африке, в период англо-бурской войны он имел возможность познакомиться с австралийскими добровольцами. Бёрдвуд не раз лично вел в бой войска, поэтому знал солдат непосредственно под командой, а не по донесениям и итоговым результатам. Об австралийцах, как умелых, смелых и инициативных воинах у него сложилось самое положительное впечатление. В военных кругах Австралии о будущем командире АНЗАКа знали немного, лишь то, что он «человек Китченера». Бёрдвуд отплыл из Бомбея 12 декабря и сошел на берег в Суэце 21 декабря [3, р. 117]. Здесь он встретился с другими генералами, назначенными командовать отдельными дивизиями формирующегося корпуса: генералом

Бриджесом и генералом Годли. «Они оба мне очень понравились, – писал он Китченеру, – это люди из хорошего материала» [4, p.2].

Еще одним генералом Бёрдвуда, внесшим значительный вклад в создание легенды АНЗАК, стал его начальник штаба – генерал Гарольд Бриджвуд Уолкер, или Крюк Уолкер. Свое прозвище Уолкер получил еще в частной школе Шрюсберри, за то, что любил ходить с тростью, имевшей крюкообразную ручку. Родился Уолкер 26 апреля 1862 года и на следующий день после высадки АНЗАК в Галлиполи, отметил свой 53 день рождения. В отличие от Бриджеса, Уолкер имел богатый боевой опыт. Не сумев закончить колледж Иисуса в Кембридже и связав свою дальнейшую судьбу с армией, Уолкер участвовал в кампаниях в Египте и Судане, десять лет служил на северо-западной границе Индии, где постоянно происходили стычки с непокорными афганцами. Только после этого он перешел на штабную и разведывательную работу, став членом комиссии по бирмано-китайскому разграничению, но в период бурской войны Уолкер снова перешел в действующую армию, командуя пехотным полком. Он дважды был отмечен в донесениях и получил медаль за военные отличия. Став вскоре батальонным командиром, Уолкер заслужил от одного из офицеров следующую характеристику: «Полковник Уолкер – это один из тех краеугольных камней, которые время от времени ложатся в основании любого настоящего подразделения. Он держал людей батальона в высшей степени физической формы, боевого духа и активности. Он был идеальным командиром, чей стальной взгляд и безупречные манеры вызывали страх, идущий от глубокого уважения». В Галлиполи Уолкер вполне подтвердил эту рекомендацию, однако, будучи начальником штаба корпуса, он слишком часто посещал передовую, оставляя штабную работу своим подчиненным, в первую очередь, хорошему другу Бёрдвуда, Эндрю Скину. Уолкер был типичным англичанином, однако он заслуженно пользовался уважением и любовью антиподов. В официальной истории АНЗАК его назвали «человеком высокой культуры, отважным и не самолюбивым британским джентльменом» [5].

Вскоре Бёрдвуд встретился с личным составом своего будущего корпуса. Генерал и солдаты произвели друг на друга самое благоприятное впечатление. Австралийцы, и, особенно, новозеландцы, которыми командовал хмурый, неулыбчивый, прямолинейный английский генерал Годли, ожидали, что из Англии пришлют нечто вроде того же: чопорного, высокомерного служаку. К счастью, Бёрдвуд обладал другим характером. Он был открыт, оптимистичен, не скрывал улыбку. Зная свободолюбие и отсутствие привычки к строгой дисциплине своего контингента, генерал считал австралийцев «гражданскими в форме». Он жестко подходил к делу военного обучения, тренировки, однако, не ставил в принцип вопросы дисциплины. В первый день в Египте Бёрдвуд посетил Зоологический сад в Гизе, где обнаружил множество любопытствующих австралийцев, буквально висящих на решетках клеток с неведомыми зверьми. К удивлению своих адъютантов, генерал не стал делать «антиподам» внушения, но запросто обращался к ним не как к профессиональным солдатам, но как к простым юнцам, какими они, впрочем, и были [3, p. 120].

Австралийцы это сразу же оценили. Генерал стал любим ими очень быстро. Но и Бёрдвуд, которого солдаты ласково прозвали «генерал Бёрди» – «пташка» - был очарован призывниками из стран Южных морей. Когда в середине января Китченер изменил свои планы и решил заменить Бёрдвуда другим военачальником, генерал сказал Военному министру о перспективах нового назначенца: «Этот человек будет здесь совершенно бесполезным, потому что с его стилем командования, он ничего не сможет добиться от этих австралийцев... Я же буду вряд ли полезен в другом месте, но я уверен, что заставлю этих солдат сделать все, что мне потребуется, и сделать это с величайшей готовностью» [6]. Бёрдвуд оказался прав. АНЗАК ни в чем не предал своего командира, а Бёрдвуд проявил в Галлиполи самые лучшие человеческие качества: мужество, решительность, внимание к нуждам личного состава. Однако умелым военачальником и стратегом он себя не проявил.

По мере прибытия австралийско-новозеландских конвоев, в Египте были организованы еще два лагеря. Лагерем бригады легкой кавалерии полковника Шовеля стал оазис Маади в шести километрах к югу от Каира, 4-я австралийская пехотная бригада полковника Монаша и новозеландский контингент тренировались в древнем Гелиополисе, на северо-восточной окраине Каира, почти на берегу Нила [7, р. 71]. Некоторые другие соединения АНЗАКа находились в лагерях на Мальте и в Порт-Саиде. Так, Туземное подразделение маори из Новой Зеландии проходило подготовку на Мальте.

Недостатки планирования и организации Галлиполийского десанта не обошли и австралийцев. Генерал Максвелл, который на первых порах должен был позаботиться о размещении сил АИС, полагал, что тенты и палатки придут с первым конвоем из Австралии. Но этого не произошло. Прежде, чем в Мену прибыли палатки из Англии, новобранцы несколько дней спали и ели под открытым небом. Удивительно, но в один из этих дней прошел редкий в этих местах, но сильный дождь, так что промокшие австралийцы были вынуждены прятаться под импровизированными навесами, сооруженными из винтовок, с натянутыми на стволах мешками.

Такое отношение к себе возбудило сильное негодование будущих героев, которое выплеснулось не на генералов, но на местных жителей. 5 декабря английский офицер Сторрс доносил помощнику Максвелла Фитцджеральду, что австралийцы намереваются задать «этим египтянам» жару [8, р. 1]. В то время как интендантские службы делали все возможное, чтобы поскорее обеспечить солдат сносными условиями и предотвратить возможные болезни, в глазах жителей Каира «австралийская проблема» состояла вовсе не в плохом здоровье призывников из Австралии, а как раз в очень хорошем. Толпы молодых людей из той породы, что называется «кровь с молоком», целый месяц проводившие в тесных трюмах транспортных судов, а теперь изнывающие от вынужденного безделья из-за отсутствия квалифицированных тренеров и средств для проведения учений, заполнили узкие улицы города. Свои офицеры относились к солдатам снисходительно, получить увольнение в город ничего не стоило, Генерал Максвелл

был серьезно обеспокоен диким нравом «антиподов», он опасался, как бы эти грубияны «не выкрасили Каир в красный цвет» [9].

Попав не в условия чопорной, но глубоко уважаемой за культурные достижения старой Англии, а в среду непонятных, еще более, чем они сами, диких и совсем не уважаемых египтян, австралийцы по-настоящему разгулялись. В двадцатых числах декабря, прибыв с первой инспекцией в лагерь, Бёрдвуд писал Китченеру: «Личный состав натурально не знает, что такое дисциплина, а Каир превратился в настоящий пандемониум». Удаленность лагеря (Мена) от города «не служит препятствием к тому, чтобы каждый вечер на его улицах буйствовало множество пьяных солдат» [10, р. 2].

После Рождества генерал Максвелл констатировал: «Рождество, выпивка и женщины их утомили, но, скорее всего, ненадолго – у них слишком много денег. Их офицеры слабо контролируют своих людей, а к нестроевым офицерам уважения просто нет» [11, р. 2]. Дисциплину восстанавливали с трудом. Один из австралийцев писал в дневнике: «Наша бригада (1-я бригада из Нового Южного Уэльса) перебесилась в прошлую пятницу, мы вошли в такой раж, что не могли остановиться до ночи воскресенья. Теперь все карцеры переполнены». Шестьдесят человек были наказаны за оставление лагеря. Другой очевидец этого разгуляя записывал: «Наши люди сеяли кругом страх смерти... теперь самые крутые в карцере, их с трудом удалось уговорить силами британской военной полиции» [12].

Новый год прошел тоже шумно, с драками, и иными формами бесчинств в людных и безлюдных местах. Подполковник Саттон так описывал события новогодней ночи: «Повсюду в лагере царит дьяволиада. Пьяные оркестры сопровождают своим криком, стуча железом по банкам и жестяным бочкам, свистят, дуют в трубы, солдаты поют серенады офицерам, и тут же орут похабные песенки. И вот так закончился 1914 год, да, он был веселым парнем» [13]. Личный автомобиль генерала Бёрдвуда в новогоднюю ночь был угнан от самых дверей штаб-квартиры в Каире и на следующий день найден, засыпанный песком, практически в центре лагеря Мена [3, р. 128]. В первый день Нового года веселье продолжилось. Утром солдатам раздали почту, после короткой церковной службы и праздничного завтрака, они были предоставлены сами себе до самого вечера. Вокруг лагеря устроили несколько импровизированных ипподромов, на которых устроили ослиные и верблюжьи бега. Новозеландцы провели целый турнир по крикету, а призывники из австралийского Нового Северного Уэльса – футбольный мини-турнир [14, р. 49].

Впрочем, вскоре испортилась погода. Лейтенант Эйткен, которому Египет не понравился сразу, еще глубже утвердился в своем мнении: «Какая же это адская дыра! Последние два дня мы живем просто в каком-то бесконечном песчаном шторме» [15]. Австралийцы приутихли, и это дало возможность офицерам все же восстановить порядок. Вместо пьянок, австралийцы переняли арабский способ употребления чая, который был тотчас же переименован в «Австралийскую Систему Послеполуденного Чаепития» [3, р. 117].

Затем из Англии прибыло необходимое учебное снаряжение, начались тренировки, марши, учения, и выпустившие пар солдаты с энтузиастом стали готовиться к войне. В первой половине января лейтенант инженерных войск Даукинс писал, что «уже тренировал саперное мастерство, постановку мин, а следующие два месяца будут посвящены строительству мостов, понтонов, а также изучению разнообразных проблем, с которыми может столкнуться армия в полевых условиях» [16, р. 42].

3 февраля с прибытием в Каир сэра Джорджа Рейда, Верховного Комиссара по делам Содружества, последовало серьезное наказание для особо отличившихся буянов. По соглашению с сенатом Австралии, было решено провести «очистку от плевел» [7, р. 74]. Примерно 120 человек под взглядами своих товарищей вышли из лагеря и были отправлены на судне «Кьярра» домой в Австралию. На родине имена отозванных по дисциплинарным причинам пропечатали в особом бюллетене. Это было настоящим позором для молодых людей и их семей и произвело должный эффект на австралийцев [3, р. 129].

Впрочем, не все анзаковцы, понятное дело, участвовали в разгуле насилия. Более того, когда «Кьярра» с дисквалификантами прибыла в Австралию, и ее пассажиры были осмотрены врачами, выяснилось, что количество венерических больных среди солдат совершенно ничтожно, хотя именно угроза распространения сифилиса была в ряду основных мотивов для проведения операции «очистка от плевел». Рядовой Э. Джойс из 9-го (Квинслендского) батальона описывает свое чувство во время посещения квартала «красных фонарей» в Каире. «Жуткое место, известное как Васса Бу, невозможно описать. Сотни женщин всех наций на планете, танцующие друг возле друга, или сидящие у дверей своих каморок... нервирующая арабская музыка, сами арабы, суесящиеся повсюду, предлагая фальшивый антиквариат... я был очень рад, когда мы выбрались оттуда и взяли экипаж, чтобы вернуться в лагерь». На следующий день Джойс посетил церковь [16, р. 44].

Спустя месяц упорных тренировок, учений и маршей, австралийцы стали выказывать признаки нетерпения. К этому времени все батальоны были разделены на четыре роты по 240 человек. Солдаты хорошо узнали своих боевых товарищей и командиров. Тренировки становились все более сложными и серьезными. Иногда случались провалы. Так в одном тренировочном бою батальонный офицер перепутал приказ и послал солдат в штыковую атаку на пулеметы. Если бы это произошло в реальном бою, батальон был бы полностью выкошен огнем противника. Пока же дело обошлось тем, что солдаты вернулись в лагерь, полностью обсыпанные мелким пустынным песком. Один из участников этого учебного боя позже удивлялся, почему этот случай не стал хорошим уроком, но много раз повторялся в Галлиполи.

Были и другие темы для недовольства. Так, в одном из батальонов решили провести учение по захвату французской деревни. Лейтенант Эйткен описывал этот «тренинг» в сатирическом ключе. «Это был чистый фарс и издевательство над здравым смыслом, смотреть, как офицеры стучат в воображаемую дверь воображаемого дома, разговаривают с несуществующими французскими

крестьянами и раздают им приказы, которые никто не может услышать и исполнить. Если бы арабы, наблюдающие за нами с близлежащих барханов, понимали суть происходящего, они точно решили бы, что дни Британского правления сочтены» [17].

В феврале новобранцы из Южных морей были на волосок от того, чтобы применить полученные навыки в реальном деле. Турки, решившие занять в декабре Синайский полуостров, подготовили крупные силы под началом Джемал-паши и немецкого генерала Кресс фон Крессенштейна. Двенадцать тысяч солдат с артиллерией и пулеметами пересекли пустыню и атаковали Суэцкий канал. Однако они сравнительно довольно легко отброшены силами Индийской дивизии Маквелла. Два батальона австралийцев под началом полковника МакКея и несколько рот новозеландцев были заранее высланы из Мены в район станции Исмаилия для поддержки охраны канала, однако увидеть противника пришлось только личному составу 3-й полевой инженерной роты, посланной для установления сообщения с гнавшими противника назад индусами. Новозеландцам повезло больше. 12 рота Кентерберийского батальона в ночь на 3 февраля была обстреляна на позиции между Тоссумом и Серапеумом четырьмя турецкими легкими пушками. Огонь был подавлен несколькими удачными выстрелами с эсминца «Гималаи». После этого один из взводов роты, вместе с индийскими войсками атаковал турок, переправившись через канал. В ходе взаимных атак, турки к утру отступили. В этой операции АНЗАК понес первые боевые потери: один рядовой был убит, еще один сержант тяжело ранен [1, pp. 53–55]. Австралийцы, которым так завидовали их товарищи, оставшиеся в «проклятых песках» [7, p. 77], вернулись в лагерь, как заметил Бёрдвуд, сильно расстроенными тем, что им не удалось пострелять в турок [18].

Вообще, новозеландцы пользовались большим доверием командования. Генерал Годли и его штаб уделяли дисциплине и внешнему виду подчиненных куда большее внимание, чем австралийские офицеры. Сам Годли был суровым и не улыбочивым человеком, вызывавшим, скорее, страх, чем уважение солдат. Один эпизод хорошо иллюстрирует его стиль общения. Когда приписанный к Австралийско-Новозеландской дивизии английский журналист купил за приличные деньги белого скакуна – победителя местных скачек, намереваясь переправить его в Галлиполи, Годли твердо сказал ему: «Это совершенно невозможно. Вы не граф Мальборо, а я не хочу рисковать своим штабом, если вокруг него будет бродить эта ваша белая пони» [19, p. 72]. Журналисту пришлось удовлетвориться купленным на Лемносе за один фунт осликом [19, p. 76].

В марте нетерпение «антиподов» усилилось, одновременно ухудшились показатели дисциплины. Желаящие подвигов солдаты использовали любую лазейку, чтобы улизнуть из лагеря и напиться местным «ликером» – дешевым сладким пойлом из пальмового сока. Более серьезно обозначилась и проблема с местными проститутками. Около 200 человек, зараженных венерическими болезнями, покинули лагерь в марте и апреле. Как выразился один из австралийцев, «эти женщины заставляли нас гореть. Сначала на постели борделя, затем – на койке

госпиталя». Увеличивалось количество рестрикций. Был наказан свободомыслящий художник Эллис Силас из 16 батальона Западной Австралии, за то, что «отказался участвовать в этом абсурде под названием Воскресная служба». Впрочем, большинство австралийцев с удовольствием ходили к капеллану, а в письмах и дневниках солдат очень много простых и искренних молитв [16, р. 59].

Командование Британского Экспедиционных Сил давно уже подумывало о том, чтобы занять чем-нибудь серьезным нетерпеливых и шумных «антиподов».

21 февраля было решено в недельный срок отправить 3-ю австралийскую бригаду на Лемнос, чтобы помочь адмиралу Вемиссу в обустройстве базы десанта. Среди солдат ходили слухи, что бригаду отправят на Западный фронт, во Францию. Но 28 февраля батальоны под звуки оркестра вышли из лагеря, бросили прощальный взгляд на Сфинкса и Пирамиды, и по железной дороге доехали до Александрии. Здесь два батальона были посажены на транспорт «Иониец», который прибыл в бухту Мудрос 4 марта.

На Лемносе начались проблемы, о которых в Египте австралийцы уже забыли. На берегу не хватало палаток для размещения десантников, поэтому второй батальон остался на переполненном корабле. Зато высадившиеся в Мудросе солдаты 9-го батальона, как и в первые дни в Мене, попали ночью под дождь, и на следующий день «бродили там и сям, как мокрые крысы», по выражению Джойса [16, р. 55]. Вообще, погода на Лемносе в зимнее время оставляла желать много лучшего по сравнению с Египтом. 3-я бригада весь март ютилась в тесноте, испытывала холод и жажду, совершенно непереносимыми были ветра, особенно досаждавшие во время дождя. Единственным плюсом для многих австралийцев было то, что местные греки были очень приветливы, а их дети, в отличие от каирских, не досаждали солдатам и офицерам попрошайничеством.

Вскоре последовали морская атака 18 марта и прибытие на место будущего десанта генерала Яна Гамильтона. В морском прорыве австралийцы не участвовали, а немногочисленные десанты для разрушения береговой артиллерии были отобраны из состава Королевской морской дивизии. Слухи же о провале Флота дошли до австралийцев быстро. Их роль в предстоящих событиях начинала приобретать более четкие очертания.

Прибыв к месту будущих событий, Гамильтон проинспектировал сначала 3-ю австралийскую бригаду на Лемносе, затем он посетил «всю банду Бёрдвуда» в околокаирских пустынях, включая только что прибывших 21 марта с третьим конвоем. Австралийцы произвели на Главнокомандующего двойственное впечатление. Он писал Китченеру, что «эти дикие ястребы, тем не менее, замечательные солдаты». Впрочем, к этому времени те, кто прибыл первыми, уже восприняли хотя бы внешние формы воинской дисциплины. Гамильтон писал: «Солдаты осознали, что приказ – это нечто превышающее скромную просьбу или предложение, которые они могут по своему усмотрению принять или отвергнуть... Физические же кондиции людей всех рангов улучшать просто не требуется». Он с удовольствием сообщал Китченеру, что состояние и выучка войск существенно улучшилось с тех пор, когда он инспектировал Австралийские ВС в начале 1914

года [20]. Сопровождавший Гамильтона журналист писал в редакцию: «Физически, австралийские, новозеландские и тасманийские войска, это лучшие солдаты, каких я только видел. Я даже не мог предположить, что подобная раса гигантов существует в двадцатом веке» [14, р. 68].

1 апреля 1-й и 2-й бригадам австралийцев было приказано отплыть на Лемнос. Оставалось три до христианской Пасхи. И все-таки многие австралийцы и новозеландцы решили использовать свою последнюю возможность посетить бордели квартала Харет-эль-Васса, который они называли Васса Бу. Там произошло одно из самых необыкновенных событий в истории «египетского пленения» АНЗАК. В состоянии подпития несколько заводил, под предводительством рядового Райана, решили, что девы легкого поведения повинны в бедах их сослуживцев, которых с позором отправили на родину. Пошел клич, что нечестивые блудницы намеренно заражали австралийцев венерическими болезнями, подстрекаемые своими сутенерами, которых австралийцы просто не терпели, и часто не платили им их доли от купли-продажи наслаждений. Наутро, накануне дня Святого Воскресения, не протрезвевшие и гневные воины, горя возмущением и религиозным ражем, начали знаменитую «битву при Васса». Со стороны АНЗАК в ней участвовало около двухсот человек. Несколько борделей и кабаков было сожжено, сутенеры, клиенты, сводни, торговцы – избиты, имущество борделей, ткани, портьеры, ковры выкидывались из окон, рвались на полосы, поджигались и раскидывались по улицам [3, р. 130].

Полиция города и пожарные бригады Каира не смогли справиться с поймавшими кураж австралийцами. Пришлось в квартал британские войска! Это был первый случай, когда англичане и австралийцы встретились на поле боя. Победа осталась за англичанами. Они были трезвы и организованы. Австралийцы – пьяны и геройствовали каждый в одиночку. С примкнутыми штыками Ланкаширские «терьеры» прошли по улицам и очистили их от «восставших». «На следующее утро, – писал капрал ланкаширцев Т. Вэлентайн, участвовавший в подавлении «восстания», – колониалы, наконец, утихли, и теперь им стыдно за то, что они натворили... Нет, мы, англичане, не такие" [3, р. 130].

Курьезная «битва при Васса» (или Уазза, как по-своему называли район каирских борделей австралийцы) не принесла никому большой славы, но о ней было много разговоров, вошедших, как водится, в свод Легенды АНЗАК. После войны выжившие участники «битвы при Уазза» получили от своих товарищей шуточные мемориальные медали. По счастью, офицеры не стали принимать слишком суровых мер к борцам со служителями блуда, сохранив их в рядах АНЗАК. Майор Стэнли Эрджайл, будущий премьер-министр штата Виктория, сказал: «Мальчикам просто давно пора дать более серьезную работу». Впрочем, египетские «бордельеры» и греческие владельцы винных лавок, сожженных блюстителем нравственности, выставили правительствам Австралии и Новой Зеландии счет на 1700 фунтов стерлингов. Счет был оплачен [16, pp. 59–60].

«Битва при Уазза» на два дня задержала подготовку корпуса к отправке на базы в Мудросской бухте. К глубокому неудовольствию австралийцев, их везли в

вагонах третьего класса «пригодными лишь для перевозки багажа черномазых», как жаловался лейтенант Копп, австралийский летчик Воздушного корпуса [21]. Зато генерал Пэрис с облегчением написал: «дикий Колониальный корпус покинул Каир» [22]. Дочь одного из офицеров штаба Максвелла, леди Элизабет Рочдейл, заметила, что «австралийцы слишком сорят деньгами и слишком вольно себя ведут... они слишком не дисциплинированы, чтобы находиться в таком места, как Каир». Спустя месяц, леди Элизабет, будучи сестрой милосердия в госпитале и встречаясь с ранеными австралийцами по долгу службы, а не по разговорам в офицерских салонах, нашла их «такими жизнерадостными, необыкновенно вежливыми, и они все очень любят, когда им читают вслух... я уверена, что они очень хорошо сражаются, но, сколько это приносит смерти и крови» [23].

Задержка с отправкой на базу произошла и в Александрии при посадке на суда. Город был переполнен солдатами, транспорты не были подготовлены заранее, количество войск, которое мог нести каждый транспорт, было неизвестным. Тем не менее, к 14 апреля АНЗАК достиг острова Лемнос и вошел в Мудросскую бухту. Подготовка к десантированию на Галлиполи подошла к своей решающей фазе.

Россия с опаской наблюдала за развитием британских приготовлений к захвату Константинополя и Проливов. В конце февраля англо-французское командование снова предложило России послать десант к Константинополю. Русская Ставка ответила, что армейский корпус будет отправлен к Босфору, как только союзный флот осуществит прорыв в Дарданеллы. «...Черчилль 5 марта 1915 года писал: «Великобританское правительство самым серьезным образом надеется, что когда наступит момент прорыва английского флота в Мраморное море, русский флот, одновременно с началом атаки Дарданелл союзниками начнет систематическую, с дальнего расстояния бомбардировку внешних фортов Босфора, чему придаётся первостепенное значение». [24, сс. 190, 212].

Для поддержки десанта в Галлиполи был отряжен всего один крейсер «Аскольд». 24 февраля 1915 года крейсер «Аскольд» прибыл в бухту Мудрос, где базировалась англо-французская эскадра, и принял на борт капитана 2-го ранга М. И. Смирнова, который должен был координировать действия союзников в районе Дарданелл и русского Черноморского флота. Однако «Аскольд» не принял участия в боевых действиях до начала десанта. Во время пробных стрельб по галлиполийским фортам 13 марта выяснилось, что на крейсере вследствие долгого рейда по тропическим морям из-за высокой температуры пришел в негодность порох в снарядах. Новые снаряды доставил из Владивостока английский пароход «Ривердэйл» в конце марта. 25 марта груз был загружен в погреба «Аскольда» [25, с. 154].

Список использованных источников и литературы

1. Waite F. The New Zealanders at Gallipoli. Auckland-Christchurch-Wellington: Whitcombe and Tombs Ltd., 1921.
2. Australia War Memorial (AWM). Collection 1. DRL 13. Lt. J. M. Aitken to mother. 8 December, 1914.
3. Bean C.E.W. Official History of the Australia in the War of 1914-1918. The Story of ANZAC. V. I. Sydney. 1921.

**АВСТРАЛИЙСКО-НОВОЗЕЛАНДСКИЙ КОРПУС В ЕГИПТЕ
ПЕРЕД ВЫСАДКОЙ В ГАЛЛИПОЛИ В 1915 Г.**

---

4. Public Record Office (PRO). London. B. 30/5764. War Letters (WL), f. 138. Birdwood to Kitchener, 25 December, 1914. P. 2.
5. Burness Peter. Hooky Walker, the English general // Wartime. Official Magazine of the Australian War Memorial. № 50. Canberra, 2010. [Электронный источник]: URL: http://www.awm.gov.au/wartime/50/burness_hooky/ (дата обращения: 12.12.2019).
6. PRO. B. 30/5761. War Letters, f. 1. Birdwood to Kitchener, 13 January, 1915.
7. Schuler Ph. F.E. Australia in Arms. A Narrative of the Australian Imperial Force and their Achievement at ANZAC. L.: T.Fisher Unwin LTD. 1916.
8. PRO. B. 30/5745. F. 00/69. Storrs to Fitzgerald, 5 December, 1914.
9. PRO. B. 30/5745. F. 00/72. Maxwell to Fitzgerald, 23 December, 1914.
10. PRO. B. 30/5764. WL, f. 138. Birdwood to Kitchener, 25 December, 1914.
11. PRO. B. 30/5747. QQ. Maxwell to Fitzgerald, 11 January, 1915.
12. AWM. Collection 2. DRL 142. Pte. D. J. C. Anderson Letter. 28 December, 1914.
13. AWM. Collection 2. DRL 1227. Lt-Col. A. Sutton Diary. 31 December, 1914.
14. Adcock J. Australasia Triumphant. L.: Simkin, Marshall, Hamilton, Kent & Co, 1916.
15. AWM. Collection 1. DRL 13. Lt. J. M. Aitken to mother. 13 February, 1915.
16. Robertson J. Anzak and Empire: The Tragedy and Glory of Gallipoli. London-Melbourne-Auckland: Leo Cooper, 1990.
17. AWM. Collection 1. DRL 13. Lt. J. M. Aitken to mother. 18 February, 1915.
18. PRO. B. 30/57. WL, f.17. Birdwood to Kitchener, 14 February, 1915.
19. M.P. Mons, Anzac and Kut. L.: Edward Arnold, 1919. P. 72.
20. PRO. B. 30/5961. WL, f. 16. Hamilton to Kitchener, 30 March, 1915.
21. AWM. Collection 3. DRL 7055. Lt. C.H. Copp diary, 3 April, 1915.
22. Imperial War Museum (IWM). London. Paris papers. Paris to G. Kinstone Pilkington, 10 April, 1915.
23. IWM. E. Rochdale diary, April, 1915, Letter to Lady Rochdale, 5 May 1915.
24. Корбетт Дж. Операции английского флота в мировую войну. М.-Л. : Гос. военно-морское изд-во НКВМФ Союза ССР, 1941. Т. 2. 1941. 490 с.
Korbett J. Operacii anglijskogo flota v mirovuyu vojnu. M.-L. : Gos. voenno-morskoe izd-vo NKVMF Soyuza SSR, 1941. Т. 2. 1941. 490 с.
25. Крестьянинов В. Я., Молодцов С. В. Крейсер Аскольд. СПб.: Галера-принт, 1993. 272 с.
Krest'yaninov V. Ya., Molodcov S. V. Krejser Askol'd. SPb.: Galeya-print, 1993. 272 s.

Mikhailov V.V. The Australian and New Zealand corps in Egypt before landing at Gallipoli in 1915

The history of the Australian and new Zealand corps (ANZAC) in preparation for the landing on the Gallipoli Peninsula in the Egyptian training camps is studied. The relationship between the rank and file of the corps is analyzed. The study examines the living conditions and relationships of Australians and new Zealanders with the local population in and around Cairo. The study examines the training of corps units in training and exercises, the attitude of soldiers and officers to the quality of training of corps troops, as well as the participation of troops of the Australian-new Zealand army corps in the repulse of the Turkish offensive on the Suez canal in February 1915. An overview of the actions of the landing command to concentrate ANZAC forces in Mudros Bay (Lemnos) before the start of the landing at Gallipoli is given. The article makes extensive use of archival materials of the Australian War Memorial and British archives, the official history of Australia's participation in world war I, diary entries and letters of Australians and new Zealanders who participated in the first convoy from Australia to Alexandria (Egypt), Russian and foreign research on the initial stage of the Gallipoli operation of the allied forces of the Entente against the Ottoman Empire.

Keywords: Australian Imperial Force (AIS), Australian and new Zealand army corps (ANZAC), world war I, ANZAC training camps in Egypt, Australian War memorial, ANZAC Day, battle of wassa BU.

УДК 929ВИНОГРАДОВ”1920”/908(477.75ФЕОДОСИЯ)

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-97-106

**ВИНОГРАДОВЫ:
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА
(к столетию «Русского исхода»)**

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

В ноябре 2020 года в России и за рубежом отмечается печальная дата – столетие «Русского исхода». Тогда из Крыма и Севастополя отбыла эскадра Императорского Черноморского флота, с нею – тысячи беженцев, наших соотечественников, навсегда покинувших Родину. Среди них было немало крымчан. В этом водвороте истории оказалась семья Василия Ксенофонтовича Виноградова (1843–1894) – представителя старинного русского рода, директора Феодосийской мужской гимназии (в 1873–1894 гг.), замечательного педагога, литератора, видного общественного деятеля, первого историка Феодосии. Его книга «Феодосия: исторический очерк» вышла в 1884 г. и выдержала три дореволюционных издания. Через 125 лет после смерти В. К. Виноградова мы получили новые сведения о его жизни, его родословной и ранее совершенно неизвестной судьбе его потомков. Его правнук Михаил Борисович Виноградов, живущий во Франции, передал нам электронные копии многочисленных документов, фотографий и других материалов из семейного архива Виноградовых с правом их публикации. Часть этих уникальных материалов представлена в настоящей статье.

Ключевые слова: Феодосия в последней трети XIX – начале XX века, Феодосийская мужская гимназия, Василий Ксенофонтович Виноградов и его семья, столетие «Русского исхода».

*Patriae fumus igne alieno luculentior
(Дым отечества ярче огня чужбины)*

Осенью 2020 года из Крыма и Севастополя отбыла эскадра Императорского Черноморского флота, с нею – тысячи беженцев, наших соотечественников, навсегда покинувших Родину. Среди них было немало крымчан, любивших и всегда помнивших свой родной край, маленькую частичку России. В этом страшном водвороте истории оказалась семья Василия Ксенофонтовича Виноградова – представителя старинного русского рода, возводившего свои истоки к временам «со взятия Казани Иоанном Грозным в 1552 году» (из письма Б. М. Виноградова к сыну М. Б. Виноградову. 1979 г. – рукопись из семейного архива Виноградовых).

Василий Ксенофонтович Виноградов (10 марта 1843, село Игрищи Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии – 18 сентября 1894, город Феодосия), окончив словесное отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета в 1869 г. и проработав несколько лет учителем в Таганрогской гимназии, был назначен директором открывшейся в Феодосии

*Рис. 1. Василий
Ксенофонтович Виноградов.
Фото из Феодосийского
музея древностей.*

мужской прогимназии (с 1883 г. – гимназии). Он прибыл в Феодосию в 1873 г. и остался в этом городе до конца жизни, возглавляя своё детище, сделав гимназию одним из главных культурных центров Феодосии. Он изучал природу и историю Крыма, неустанно пропагандировал знания о нём, был талантливым педагогом, литератором. Василий Ксенофонтович связал свою судьбу с Крымом и вписал своё имя в историю Крыма и Феодосии XIX столетия.

Обучая учеников русскому языку и словесности, В. К. Виноградов стремился глубоко проникнуть во внутренний мир своих подопечных, которых воспитывал, основываясь на принципах гуманности и справедливости. Изучал и совершенствовал методику преподавания. Публиковал собственные статьи в журналах «Азовский вестник» и «Педагогический вестник», переводил на русский язык работы немецких авторов. Путешествовал с учениками по Крыму,

читал им лекции по истории Крыма и Феодосии.

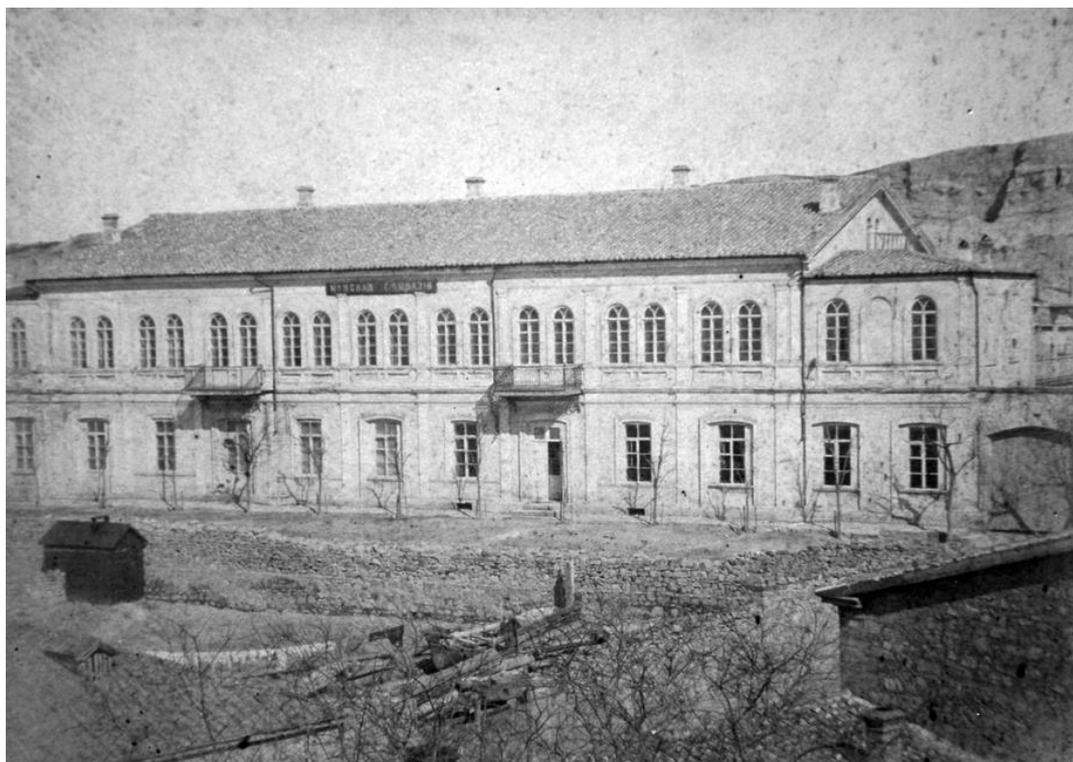
Василий Ксенофонтович стал первым историком Феодосии – одного из старейших городов юга России и Крыма. В 1884 г. вышла в свет его книга «Феодосия: исторический очерк», посвящённая столетию присоединения Крыма к России; она до сих пор не потеряла своего значения для специалистов и остаётся познавательным чтением для любителей истории [1]. Книга выдержала три дореволюционных издания и была по достоинству оценена коллегами. В. К. Виноградова избрали в действительные члены Императорского Одесского общества истории и древностей.

А ещё он исполнял многочисленные общественные обязанности: состоял гласным городской думы, избирался почётным мировым судьёй, церковным старостой собора Св. Александра Невского и вокзальной церкви, участвовал в различных общественных комиссиях, занимался устройством водопровода в остро нуждавшейся в пресной воде Феодосии.

Василия Ксенофонтовича в городе знали и любили буквально все. И сегодня его имя известно едва ли не каждому феодосийцу.

В 1895 г. по инициативе его коллеги по Феодосийской гимназии Юрия Андреевича Галабутского вышел в свет небольшой сборник с автобиографическими

заметками В. К. Виноградова, воспоминаниями о нём его коллег и учеников [3]. Тогда же была опубликована статья коллеги Василия Ксенофонтовича по учёбе в Новороссийском университете и по работе в Таганрогской гимназии Алексея Ивановича Маркевича, посвящённая В. К. Виноградову [2]. В 2003 г. вышла в свет моя статья, основанная на неопубликованных архивных документах, она посвящена 160-летию со дня рождения Василия Ксенофонтовича [4]. В 2011 г. к 200-летию Феодосийского музея древностей вышло новое издание книги В. К. Виноградова «Феодосия: исторический очерк» с предисловием Т. М. Татаринцевой [5].

Рис.2. Старое здание Феодосийской мужской гимназии у Карантинной горки. Фото конца XIX в.

До недавнего времени казалось, что мы немало знаем об этом человеке, его профессиональной деятельности, его окружении, впрочем, сведениями о предках В. К. Виноградова и в особенности его потомках не располагали. Всё изменилось буквально в одночасье. В начале 2020 г. на адрес феодосийской Центральной городской библиотеки имени А. С. Грина пришло письмо от правнука Василия Ксенофонтовича – Михаила Борисовича Виноградова, живущего во Франции. Благодаря интернету он узнал об участии феодосийской библиотеки в

общероссийской акции «Дарите книги с любовью», которая должна была состояться 14 февраля 2020 г. Оказалось, что в семейном архиве Михаила Борисовича и его племянников хранятся документы, фотографии семьи Виноградовых, творческие работы сына и внука Василия Ксенофонтовича. Электронные копии этих уникальных, бесценных материалов Михаил Борисович переслал в феодосийскую библиотеку с правом их публиковать. Они вернулись к нам через сто лет. Воистину: рукописи не горят!

Через 125 лет после смерти В. К. Виноградова мы смогли узнать больше о нём и его окружении, о судьбе его близких, оказавшихся в страшном водовороте истории – две революции, гражданская война, жизнь в эмиграции, ностальгия по покинутой Родине... Открылась драма ещё одной русской семьи, навсегда простившейся с Россией в 1920 г.

Автобиографические записки В. К. Виноградова, документы из семейного архива, рассказы, передававшиеся в семье из поколения в поколение, свидетельствуют о том, что род Виноградовых представлен по преимуществу православными священниками. Священнослужителем был дед Василия Ксенофонтовича – Степан Иванович Виноградов (1790–1851). Трое его сыновей – Василий, Иван и Ксенофонт – закончили Владимирскую духовную семинарию и стали священниками.

Отец Василия Ксенофонтовича – Ксенофонт Степанович Виноградов (1818–после 1865) – служил сельским священником в селе Игрищи Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии (с 1841 по 1865 г.), а затем – на Кавказе, в станице Архангельской Кубанской области. Из четырёх его сыновей трое – Алексей, Иван и Фёдор – пошли по стопам отца и стали священнослужителями. Две дочери – Ольга и Евлампия – вышли замуж за священников (муж Ольги – Евфимий Петрович Тимофеевский, муж Евлампии – Алексей Петрович Афонский. Оба были близкими друзьями Василия Ксенофонтовича).

И только Василий пошёл по светскому пути.

Ряд документов из семейного архива Виноградовых говорит о личной жизни Василия Ксенофонтовича. Это Свидетельство о его бракосочетании с Александрой Ивановной Унтиловой в Одессе 14 апреля 1868 г.; Свидетельство о рождении в Одессе их сына Михаила 1 марта 1869 г. (и запись в Метрической книге одесской Сретенской церкви о его крещении 22 марта того же года); запись в Метрической книге таганрогской Митрофановской церкви о смерти Александры Ивановны 19 апреля 1870 г. Второй женой Василия Ксенофонтовича стала Софья Семёновна Каменская, дочь смотрителя Аккерманского уездного училища С. С. Каменского, родная сестра инспектора Таганрогской гимназии Е. С. Каменского.

В 1873 г. семья Виноградовых переехала в Феодосию, где Василий Ксенофонтович возглавил мужскую прогимназию, в 1883 г. при его активном содействии ставшую полной классической гимназией. Маленький приморский городок на окраине империи стал для него и его близких второй родиной.

*Рис.3. Михаил Виноградов в
форменной одежде студента
Института путей сообщения.
Из семейного архива Виноградовых*

Самый важный документ, так долго хранившийся в семейном архиве и только сейчас ставший нам известным, – Грамота о получении потомственного дворянства В. К. Виноградовым. Документ, составленный Таврическим губернским предводителем дворянства и уездными депутатами Таврической губернии 18 мая 1892 г., удостоверяет, что статский советник (гражданский чин 5 класса Табели о рангах) Василий Ксенофонович Виноградов, его жена Софья Семёновна и сын Михаил от первого брака указом Департамента Герольдии Правительствующего Сената от 15 октября 1887 г. внесены «в третью часть дворянской родословной книги Таврической губернии». В роду Виноградовых появился первый потомственный дворянин. Вторым стал его сын – Михаил.

Михаил Виноградов учился в Феодосийской гимназии, закончил её с золотой медалью. Свидетельство тому –

Аттестат зрелости (из всё того же семейного архива), выданный ему 1 июня 1888 г. В аттестате перечислены предметы, которые Михаил изучал в гимназии: Закон Божий, русский язык и словесность, логика, математика, физика, история, география, языки латинский и греческий, французский и немецкий. Отмечены его отличное поведение и прилежание, успехи в науках, в особенности математических.

Михаил Виноградов был весьма способным юношей. Помимо интереса к наукам он увлекался живописью. Его карандашные зарисовки, картины маслом сберегли сын и внуки. Он рисовал, вдохновлённый красотами природы Крыма и Кавказа (где жил и работал после окончания института).

В картинах и рисунках Михаила Васильевича угадывается школа крымских художников-маринистов. Михаил Виноградов был знаком с её основателем – Иваном Константиновичем Айвазовским, попечителем Феодосийской гимназии и добрым знакомым родителей Михаила. Вместе с другими гимназистами Михаил бывал в мастерской маэстро, наблюдал за его работой. Не случайно на живописных произведениях Михаила Виноградова изображены море и горы – излюбленные сюжеты Айвазовского, мастеров киммерийской школы.

По прошествии многих лет, в эмиграции, Михаил Васильевич по памяти рисовал виды Киммерии, красивые места, расположенные недалеко от Феодосии, чертил карты и планы навсегда покинутых родных мест. В архиве Виноградовых

сохранились схемы здания Феодосийской гимназии, составленные на тетрадных листках Михаилом Васильевичем в 1932 г. в Париже. Гимназия находилась на склоне Карантинной горки и располагала довольно большой территорией. Из схемы следует, что, помимо собственно здания гимназии (до нашего времени не сохранившегося), были двор, палисадник с цветником и фруктовыми деревьями, служебные и подсобные помещения. Здание гимназии двухэтажное, в нижнем этаже располагались рекреационный зал, библиотека, четыре классные комнаты и квартира инспектора гимназии. В верхнем этаже – учительская комната, пять классных комнат, физкабинет и квартира директора гимназии (в ней жила семья Виноградовых).

Рис. 4. Михаил Васильевич Виноградов. Лондон. 1910 г. Из семейного архива Виноградовых

Не менее интересны другие схемы, составленные Михаилом Васильевичем тогда же в Париже. Эти схемы и небольшие заметки при них свидетельствуют о том, что у Виноградовых вдоль шоссе, ведущего из Феодосии в Керчь (Екатерининский проспект), близ моря с песчаным пляжем («дно моря бархатистое, без малейшего камушка и очень пологое» – замечает Михаил Васильевич) имелся дачный участок с виноградником и «домиком» (в нём жила семья сестры Василия Ксенофоновича – Евлампии; её старший сын Николай учился в гимназии вместе с Михаилом Виноградовым). Михаил Васильевич отметил, что участок был за городом, а «в 1900 году оказался в центре нового города». Это территория на нынешнем проспекте Айвазовского (до 1918 г. он назывался Екатерининским), что тянется вдоль берега.

Рядом (южнее, тоже вдоль моря) – участок Егора Семёновича Каменского, брата Софьи Семёновны. Недалеко (к югу) от участков Виноградова и Каменского на плане отмечен участок Ивана Константиновича Айвазовского.

В связи с постройкой порта в Феодосии в 1891–1895 гг. дачные владения у моря сократились. И Михаил Васильевич представил схему существенно уменьшившегося земельного участка своей семьи, заметив, что двухэтажный дом отца площадью 250 кв. м продан вместе с 4500 кв. м земли. Виноградника уже нет, сохранился участок с цветником и декоративными растениями, здесь же – двухэтажный «домик» самого Михаила площадью 90 кв. м, в котором «живал» он в

1907–1909 гг. (возможно, это тот «домик», в котором ранее жила семья Евлампии Ксенофоновны).

Планы, составленные Михаилом Виноградовым в эмиграции, незадолго до смерти, свидетельствуют не только о его блестящей памяти, но и о прекрасном знании географии Юго-Восточного Крыма. На плане Керченского и Таманского полуостровов он отметил многие пункты и дал к ним разъяснения, позволяющие уверенно говорить о том, что все эти места Михаил исходил и изучил ещё в гимназические годы и после, когда приезжал в Крым на отдых.

Высшее образование Михаил Васильевич получил в Санкт-Петербурге – в Институте путей сообщения императора Александра I (ныне Петербургский государственный университет путей сообщения). Это престижное учебное заведение, в которое поступить было очень непросто. Михаил получил профессию инженера-путейца. В 1893 году ещё студентом он женился на дочери штабс-капитана Варваре Николаевне Витковской. В 1906 г. у них родился сын Борис.

Рис. 5. Борис Михайлович Виноградов. Париж. 1929 г. Из семейного архива Виноградовых

По окончании учёбы (в 1895 г.) Михаил Васильевич работал в Обществе Владикавказской железной дороги в должности старшего служащего. С семьёй колесил по всему Северному Кавказу, занимаясь строительством основных веток Владикавказской железной дороги. Впрочем, в паспорте местом его постоянного проживания значилась Феодосия. В материальном плане семья была благополучной. Виноградовы имели квартиру в Санкт-Петербурге, дом в Кисловодске и земельный участок под Новороссийском. В Феодосии за Михаилом Васильевичем оставалась дача на берегу моря, принадлежавшая ещё Василию Ксенофоновичу. В 1907 г. Михаил Виноградов приобрёл акции курорта «Ласпи» (город-сад) Общества крымских климатических станций и морских купаний.

В 1914 г. он выступил подрядчиком строительства Семиреченской железной дороги (Трансиб, Казахстан). Но в том же году началась Первая мировая война. Руководство Владикавказской железной дороги занималось перевозкой армейских частей, военных грузов. Михаилу Виноградову приходится большую часть времени проводить в Петербурге; туда же переезжают его жена и сын. Обстановка в стране становилась всё более напряжённой. В вихре революционных событий семья решает укрыться на своей

даче в Кисловодске. Однако месяц спустя после большевистского переворота в Петрограде власть в Кисловодске перешла в руки местного Совета.

Сын Михаила Васильевича, Борис Михайлович, давая интервью парижской газете «Le Figaro» за 1987 г. (7–8 novembre), вспоминал, как революционно настроенные солдаты в Петрограде убили своего командира батальона, как из

*Рис. 6. Михаил Борисович
Виноградов. 2020 г. Из семейного
архива Виноградовых*

Петрограда прибыл на вокзал в Кисловодске бронепоезд с отрядом моряков и в городе появились виселицы («бывших» и «подозрительных лиц» вешали десятками), как не стало лучше с приходом белых – та же жестокость (поднявшись с отцом на холм, Борис увидел внизу «пять трупов, болтающихся на виселице. Это были пять красных комиссаров, которых казнили белые»).

Инженер-путеец, человек дела, Михаил Васильевич был вне политики. Переживая за жизнь и здоровье близких, он принимает решение покинуть Кисловодск. Вместе с членами правления и старшими служащими Управления Владикавказской железной дороги Виноградовы выезжают в Новороссийск, откуда в марте 1920 г. с потоком русских эмигрантов отбывают за границу. Конечно, надеясь вернуться...

(Не довелось Василию Ксенофонтовичу стать свидетелем той трагедии, которая разыгралась в его

Отечестве в 1920-м. Он рано ушёл из жизни. А ведь мог и дожить до того скорбного дня, когда на борт корабля в Новороссийске поднялись его единственный сын и внук...)

Сначала был Константинополь, затем Белград, конечным пунктом блужданий семьи стал Париж. Михаил Васильевич вошёл в одну из организаций русских эмигрантов – «Югославский Союз русских инженеров». В Париже (куда Виноградовы прибыли в 1928 г.) он близко сошёлся с русскими эмигрантами, делился с ними воспоминаниями о городе детства – Феодосии. Так, он рассказал об одном интереснейшем эксперименте: в начале XX в. на вершине горы Тепе-Оба феодосийский лесничий Фёдор Иванович Зибольд построил конденсатор для получения пресной воды из воздуха. Благодаря Михаилу Васильевичу об этом стало известно французским учёным, и в начале 1930-х гг. на юге Франции по образцу конденсатора Зибольда была построена установка «Ziebold machine».

Михаил Васильевич оказался за границей в немолодом возрасте, бóльшая часть его жизни прошла на Родине, и память о ней была сильна. Возможно, он надеялся, что когда-нибудь родные места увидит сын Борис. И незадолго до смерти оставил ему воспоминания о Крыме, о Феодосии в рисунках и чертежах, в кратких заметках на них.

Михаил Васильевич умер в Париже в 1934 г., в возрасте 65 лет. Похоронен на кладбище Гье, в 10 км от Парижа, где закончили свой жизненный путь многие русские эмигранты.

Его сын – Борис Михайлович Виноградов – родился 26 ноября 1906 г. в Екатеринодаре. Учился в Екатеринодарском реальном училище, но окончить его не успел. Образование продолжил за границей: в Белграде – в Реальном училище Министерства народного просвещения, затем в городе Лувэн (Лёвен) – крупном университетском центре Бельгии. С 1960 по 1971 г. Борис Михайлович работал во французском научно-исследовательском институте – Комиссариате по атомной энергии (институт Сакле). В семейном архиве хранится полученный им Орден Академических пальм – награда Франции за заслуги в образовании и науке. Блестящий знаток французского и английского языков, Борис Виноградов профессионально занимался переводами с этих языков на русский и с русского – на французский и английский. Он писал любительские стихи и прозу. Во Франции у Бориса Виноградова было много друзей и единомышленников среди русских эмигрантов. В 1970-х гг. он бывал на встречах Александра Исаевича Солженицына с русскими эмигрантами в Париже, делился с ним воспоминаниями.

Борис Михайлович умер в Париже 1 сентября 1992 г., на 86-м году жизни. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, близ Парижа.

Его сын – Михаил Борисович Виноградов (назван в честь деда) – родился 25 сентября 1952 г. в Париже. Учился в Русской гимназии. Говорит, что получил воспитание в соответствии с традициями дореволюционной России, что в семье Виноградовых всегда говорили по-русски. Он окончил медицинский факультет в Университете Париж Декарт – одном из старейших высших учебных заведений Франции. В 1981 г. защитил диссертацию, получил звание доктора медицинских наук. Имеет большую практику, пишет книги, читает лекции. Михаил Виноградов с юношеских лет увлекается резьбой по дереву, организовывает выставки своих скульптурных работ. Очевидно, что в роду Виноградовых много творческих натур.

Михаилу Борисовичу первому из потомков Василия Ксенофоновича довелось побывать в России – в Санкт-Петербурге, Москве, Кисловодске. В скором времени ему предстоит посетить Феодосию – любимый город его прадеда и деда...

Данная статья – начало предстоящей большой работы по изучению и публикации многочисленных материалов, хранящихся в частном архиве семьи Виноградовых.

Список использованных источников и литературы

1. Виноградов В. К. Феодосия: исторический очерк. Феодосия: тип. Феодосийского уездного земства, 1884. 151 с.

Vinogradov V. K. Feodosiya: istoricheskij ocherk. Feodosiya: tip. Feodosijskogo uezdnoho zemstva, 1884. 151 s.

2. Маркевич Ал. И. Василий Ксенофонович Виноградов // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1895. Т. 18. Разд. 3. С. 12–14.

Markevich Al. I. Vasilij Ksenofontovich Vinogradov // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej. Odessa, 1895. T. 18. Razd. 3. S. 12–14.

3. Памяти Василия Ксенофоновича Виноградова / сост. Ю. А. Галабутский. Феодосия: тип. И. М. Косенко, 1895. 50 с.

Pamyati Vasiliya Ksenofontovicha Vinogradova / sost. Yu. A. Galabutskij. Feodosiya: tip. I. M. Kosenko, 1895. 50 s.

4. Петрова Э. Б. «Я мысленно вхожу в Ваш кабинет...»: 160 лет со дня рождения В. К. Виноградова // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2003. № 2. С. 42–50.

Petrova E. B. «Ya myslenno vhozhu v Vash kabinet...»: 160 let so dnya rozhdeniya V. K. Vinogradova // Istoricheskoe nasledie Kryma. Simferopol', 2003. № 2. S. 42–50.

5. Татаринцева Т. М. Об авторе книги, ставшей памятником // Виноградов В. К. Феодосия: исторический очерк. Феодосия: Арт Лайф, 2011. С. 5–8.

Tatarinceva T. M. Ob avtore knigi, stavshej pamyatnikom // Vinogradov V. K. Feodosiya: istoricheskij ocherk. Feodosiya: Art Lajf, 2011. S. 5–8.

Petrova E. B. Vinogradov family: new materials from the family archive (for the centenary of the «Russian Exodus»)

November 2020 marks a tragic anniversary – the centenary of the «Russian Exodus». Then a squadron of the Imperial Black Sea Fleet left Crimea and Sevastopol, along with thousands of refugees, our compatriots who had left their Homeland forever. There were many Crimeans among them. There was the family of Vasily Ksenofontovich Vinogradov (1843–1894) in this maelstrom of history, who represented an old Russian family and was the Director of the Feodosian men's gymnasium (in 1873–1894), a remarkable teacher, writer, prominent public figure, the first historian of Feodosia. His book «Feodosia: a historical essay» was published in 1884 and went through three pre-revolutionary editions.

125 years after the death of V.K. Vinogradov, we received new information about his life, his pedigree and the completely previously unknown fate of his descendants. His great-grandson Mikhail Borisovich Vinogradov, who lives in France, gave us electronic copies of numerous documents, photos and other materials from the Vinogradov family archive with the right to publish them. Some of these unique materials are presented in this article.

Keywords: Feodosia in the last third of the XIX – early XX century, Feodosiya men's gymnasium, Vasily Ksenofontovich Vinogradov and his family, the century of the «Russian Exodus».

УДК 94:336.2 (477.6) «18\19» (043)

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-107-115

НАЛОГИ И СБОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ БЮДЖЕТОВ ГОРОДОВ ДОНБАССА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Скоков А. С.

*Луганский государственный университет им. В. Даля,
Луганск, Луганская Народная Республика
E-mail: sckockov.anton@yandex.ru*

На основе архивных и опубликованных материалов дан анализ основных налоговых поступлений, формировавших бюджет городов Донбасса в период социально-экономических преобразований второй половины XIX – начала XX вв., выявлена роль органов местного самоуправления в процессе сбора налоговых поступлений, определен процесс взимания различных видов налогов, рассмотрены методы борьбы с неплательщиками.

Ключевые слова: имущество, налог, повинность, пошлина, самоуправление, сбор, социально-экономические преобразования.

К середине XIX в. назрела очевидная необходимость реформирования налоговой системы Российской империи. Поражение в Крымской войне обнаружило опасную тенденцию запаздывающего развития России по сравнению с ее реальными и потенциальными геополитическими соперниками. Переход к капиталистическим отношениям требовал притока ресурсов, социально – политические преобразования требовали реформирования устаревших патриархальных податей и появления принципиально новых видов налогообложения, в первую очередь перехода к подходящему принципу сбора налогов.

Целью исследования является выявление важнейших налоговых источников, которые формировали бюджеты городов Донбасса во второй половине XIX – начала XX вв., а также их характеристика в контексте проведения буржуазных реформ и контрреформ. Научная новизна исследования заключается в определении и анализе на основе введенных в научный оборот архивных материалов основных видов налоговых поступлений в городские бюджеты Донецкого бассейна.

Несмотря на наличие значительного ряда работ, посвященных изучению налоговых аспектов социально-экономического развития и городского самоуправления в период преобразований второй половины XIX – начала XX вв. [1] специфика налогового обложения населения промышленных регионов Российской империи остается малоизученной, что определяет актуальность нашего исследования.

В связи с процессами урбанизации и индустриализации, которые начали набирать обороты во второй половине XIX в. и являлись особенно характерными

для Юга России, перед правительством Российской империи встала задача преобразования устаревшей системы налоговых сборов. Дореформенная налоговая система, основанная на преимущественном налогообложении сельского хозяйства и фактически игнорирующая быстро растущую промышленность, уже не отвечала реалиям времени. Помещичьи хозяйства разорялись, в результате уменьшались налоговые поступления, выплаты крестьянства в масштабе страны неуклонно снижались, значительная часть сельских жителей переселялась в города. Все это являлось особенно характерным для формировавшегося быстрыми темпами нового индустриального региона, которым являлся Донецкий край. Эти процессы настоятельно требовали переноса центра тяжести налоговых сборов с сельского хозяйства на промышленность.

Смета доходов городов Донбасса состояла из 30 статей и включала в себя следующие пункты: оценочный сбор с городских недвижимых имуществ, сбор с документов на право торговли (с купеческих свидетельств), с прочих торговых и промышленных свидетельств, патенты на выделку алкоголя на заводах, на содержание ренских погребов, оптовых складов, трактирных и питейных заведений, водочных заводов, с городских имуществ и оброчных статей, с городской земли, с весов, поземельный налог. Кроме этого, в эту группу входило и обложение различных мелких доходов: лавок в мясном ряду, контрактов, векселей, заемных писем, экипажей, лошадей, перевозного промысла, клеймения мер и весов и т.д., т.е. это была своего рода система прямых и косвенных налогов, пеней, штрафов и др. [2, с. 458]

Введение с 1 июля 1863 г. налога на недвижимость в городах, посадах и местечках было обусловлено ликвидацией подушной подати с мещан, отмененной указом от 1 января 1863 г. Порядок сбора этого налога регулировался специальными правилами, которые принимались ежегодно. В частности, начиная с 1 января 1863 г. вступил в действие указ «О взимании в 1863 г. налога с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках» [3].

Объектом налогообложения являлись городские и загородные, но принадлежавшие городу постройки и сооружения: жилые дома, заводы, фабрики, складские помещения, магазины и т.п. В соответствии со ст. 122 Устава о прямых налогах [4] существовало две категории налогооблагаемого имущества: 1) недвижимое имущество, состоящее в частной собственности; 2) имущество земств, духовных ведомств, благотворительных учреждений, учебных заведений, приносящее доход.

Первого января 1863 года было принято новое Положение «О пошлинах за право торговли и других промыслов» [5], которое вступило в силу с 1.07.1863 г. с дополнениями и изменениями от 9.02.1865 года. Существенные изменения в него были внесены законами от 21.11.1866 г., 24.03.1870 г., 16.12.1880 г., но они касались в основном проблем, связанных с увеличением ставок налогов и с ограничением числа заведений, которым дозволялось содержать по свидетельствам. Положением была введена новая типология торговли, которая включала в себя оптовую, розничную и мелочную. Под первой понималась торговля партиями товаров.

Обыкновенная продажа товаров из магазинов, на рынках и из подобных торговых заведений именовалась розничной. Мелочная торговля определялась по двум основаниям: розничная продажа особых товаров по спискам из отдельных заведений и импортных товаров. К торговым действиям также причислялись такие операции, как обмен денежных средств, денежные переводы и другие банковские операции, содержание страховых контор и т.п.

Существенные изменения в торговом налогообложении были произведены законом от 15 января 1885 г., в соответствии с которым все крупные предприятия облагались дополнительным сбором, а акционерные общества должны были платить 3% сбор с чистой прибыли. Введение такого сбора требовало обязательной подачи и публикации акционерными компаниями ежегодных балансов. По данным министерства финансов, после введения дополнительного сбора промышленники и торговцы в среднем должны были уплачивать не более 4% с чистого дохода, тогда как владельцы земли платили до 5,5%, а собственники другого недвижимого имущества – до 6,5% [6, с 8]. Эти налоги следует признать невысокими, особенно в сравнении со сборами, которые платили крестьяне. Тенденция развития промышленности за счет сельского хозяйства начала приобретать устойчивый характер и была характерна для нашего государства на протяжении большей части XX в.

Оценочному сбору подлежали все состоящие в пределах городского поселения недвижимые имущества, за исключением императорского имущества и его кабинета, зданий правительственных учреждений, зданий военных частей, благотворительных обществ, духовного ведомства, имущества и земли, принадлежавшей железной дороге. Размер оценочного сбора с недвижимого имущества определялся Думой в процентах с чистого дохода. Оценка производилась общественным управлением, если оценка не могла быть произведена, то определялась стоимость имущества. Размер налога не мог быть выше 10% с чистого дохода или 1% с его стоимости [2, 453].

Оценочный сбор собирался со всего недвижимого имущества, которое располагалось в пределах городов. Исключения предполагались лишь для императорских дворцов, казенных сооружений, занятых государственными учреждениями или благотворительными, учебных и духовных заведений. Льготы имели земли, занятые железными дорогами и соответствующими сооружениями. Также от сбора освобождалось малоценное, по мнению думы, имущество.

За время действия Положения 1870 г. количество поступлений от оценочного сбора с недвижимого имущества имело тенденцию к постоянному росту. Это относилось в первую очередь к недвижимости, которая принадлежала частным лицам и городам. Разница в поступлениях от недвижимого имущества горожан и общественных, государственных учреждений возникла из-за различных ставок налогообложения. За первую половину 1870 г. жители городов, посадов и местечек Екатеринославской губернии уплатили налога с недвижимых имуществ на сумму 12903 руб. 40 $\frac{1}{4}$ коп. Недоимка была полностью погашена. Мещане и цеховые христиане, евреи, армяне, татары, греки и немцы, которые платили до 1863 г. по 2

руб. 50 коп. различных податей, заплатили 70 руб. 63 коп., также погасив недоимку [7].

Задолженность по выплате налога с недвижимого имущества была распространена на территории Донбасса. Например, жительница Мариуполя Елена Москова задолжала 16 руб. 53 коп. налога со своего имения [9]. В некоторых случаях имущество должников продавалось с аукциона. Так, за недоимку по уплате Государственного налога и других сборов за 1880 г. 12 марта 1881 г. были проданы: амбар на Портовой улице, принадлежавший Федору Юрьевичу Бакчиванжи, оцененный в 25 руб.; дом и два сарая Марии Наумцевой за 50 руб.; лавка на Базарной площади Гликерии Николаевой за 30 руб.; дом Юрия Чебанова за 10 руб. [9].

После оценки Управа распределяла сбор согласно полученным данным и доводила до сведения налогоплательщиков. В случае просрочки начислялась пеня. Чтобы взыскать недоимку, могли применять различные меры вплоть до ареста доходов и продажи имущества. Величина налога с документов на право торговли определялась Городской думой. Сбор взимался с купеческих свидетельств 1 и 2 гильдии, свидетельств на мелочный торг и промысловых свидетельств, с билетов на торговые и промышленные заведения в городах. 8 июня 1903 г. было принято положение о трактирном промысле. Распределением налога занималась Городская дума, которая должна была не только назначить сумму, но и указать способ распределения сбора между содержателями трактиров и время уплаты. Оценочный сбор взимается в размере 1% со стоимости имущества [11].

Таблица 1
Налоговые поступления в бюджет г. Луганск за 1901 г. [10]

Виды сборов	Руб.
оценочный	37824
	15
с купеческих свидетельств 1-й и 2-й гильдии	2530
со свидетельств на мелочный торг и промышленных	807
с билетов на торговые и промышленные заведения	391
с патентов на заводы для высушки напитков и изделий из спирта и вина	1403
	20
с заведений трактирного промысла	9860
с извозного промысла	3300
с городских имуществ и оброчных статей:	
с земли	1897
с городских зданий	11256
с мест, занятых на базарной площади лавками, палатками, полками, рундуками и пр.	8848
с земли, отведенной Управлению Русского Общества	

Машиностроительного завода Гартмана для добывания глины	300
пошлины разных наименований (за совершение засвидетельствования, протест и предъявление ко взысканию разных актов)	1683
Всего	225888 40

Как следует из таблицы 1, наибольшее значение для городского бюджета имели сборы с недвижимых имуществ, в том числе с городских зданий, а также поступления, связанные с питейной монополией, такие как патенты на алкогольную продукцию и сборы с заведений, которые ее реализовывали. Также следует отметить малый объем поступлений с промышленных свидетельств, что было связано с щадящим обложением промышленных предприятий в Российской империи.

Для наполняемости городских бюджетов большое значение имели сборы, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Доходы г. Луганск за 1902 г. [11]

Виды сборов	Руб.
с недвижимых имуществ	39030 90
с торговли и промыслов	18097 91
с городских имуществ и оброчных статей	38708 53
пошлины разных наименований	2000
воинская квартирная повинность	8474
пособия городу и возврат расходов	158455 44
всего	264482 52

Более благоприятное географическое положение, такое как наличие выхода к морю у г. Мариуполь, влияло на размер различных поступлений, в частности сборов с торговли и промыслов, что следует из таблицы 3.

Таблица 3

Доходы г. Мариуполь за 1903 г. [12]

Виды сборов	Руб.
с недвижимых имуществ	34028
с торговли и промыслов	27705 80
с городских имуществ и оброчных статей	151102 29
пошлины разных наименований	3000
пособия городу и возврат расходов	101984 96
всего	355112 54

В Луганске в начале XX в. вводились новые налоги, связанные с достижениями научно-технического прогресса. Так, Луганская городская дума, заслушав на заседании 28 апреля 1903 г. доклад городской управы об установлении в пользу г. Луганска сбора с велосипедов в размере 1 руб. 50 коп. и с каждой силы автоматического экипажа 3 руб. в год с нижеследующими правилами о взимании этого сбора, постановила следующее: городской сбор в размере 1 руб. 50 коп. с каждого велосипеда и 3 руб. с каждой силы автоматического экипажа в год вносится владельцами велосипедов и автоматических экипажей в городскую кассу, в помещении городской управы ежегодно за год вперед, в период времени с 1 по 15 апреля, причем период времени с 15 апреля по 15 октября должен считаться первым полугодием платежного года, а период с 15 октября по 15 апреля – вторым полугодием. Лица, которые приобрели машины во второй половине платежного года, уплачивают сбор в половинном размере; от платы сбора освобождаются: а) велосипеды и автоматические экипажи, принадлежащие иностранным дипломатическим представителям, аккредитованным при Высочайшем Дворе, и прочим лицам, входящим в состав посольств и миссий, а также генеральным консулам, консулам, вице-консулам и консульским агентам, состоящим подданными того государства, от которого они назначены, если с сим государством заключена Россией особая относительно консульских прав конвенция или если в нем одинаковая льгота предоставлена русским консулам; б) велосипеды и автоматические экипажи, принадлежащие казенным учреждениям и употребляемые для казенных надобностей. Номерные знаки для машин этих выдаются городской управой со взысканием лишь стоимости этих знаков; за несвоевременный взнос сбора владельцы велосипедов и автоматических экипажей уплачивают в доход города пеню в размере 50% с суммы, остающейся от недоимки, каковая пеня, как равно и сам сбор, взыскиваются с них мерами полиции, порядком, указанным в ст. 137 Гор. Пол., немедленно по истечении срока, назначенного для добровольной уплаты сбора; в видах контроля за правильностью поступления сбора, к велосипедам и автоматическим экипажам на видных местах в передней части их, должны быть прочно прикрепляемы номерные знаки, бесплатно выдаваемые городской управой. Кроме того, владельцы велосипедов и экипажей, выезжая из дому, должны иметь при себе квитанции городской управы в принятии от них городского сбора с указанием в этих квитанциях фабрик и номера того велосипеда или экипажа, за который уплачен сбор, и номера выданного управой при уплате сбора знака, каковые квитанции и предъявляются ими по требованию чинам полиции и другим лицам, коим городским управлением будет поручен контроль; список владельцев велосипедов и автоматических экипажей в г. Луганске должен содержаться городской управой в постоянной исправности, с своевременными отметками о происходящих переменах как в составе владельцев велосипедов и экипажей, так и в количестве принадлежащих им машин, с каковой целью владельцы их о всяком изменении в составе машин, а равно и лица, которые только что приобрели машины, обязаны в течение семи дней письменно или лично заявить об этом городской управе. Примечание: означенный в настоящей статье список

составляется и ежегодно проверяется городской управою через местное Полицейское управление и подведомственных ему чинов полиции; правила эти городская управа ежегодно в течение марта месяца публикует во всеобщее сведение путем расклейки их на городских витринах и в местных Полицейских Управлениях и других учреждениях, постановила: доклад управы утвердить и поручить ей возбудить надлежащее ходатайство как о разрешении ввести сбор в проектированном размере, так и об утверждении правил для взимания его. Рассмотрев настоящее дело и находя, что определенный Луганскою городской думою размер сбора, не превышая установленной законом 20 января 1903 г. нормы сбора, соответствует местным условиям, а правила взимания сбора не противоречат правилам, указанным тем законом, Губернское по земским и городским делам Присутствие определяет: постановление городской думы признать подлежащим утверждению [13]. Таким образом, в Луганске был введен налог на велосипеды и автомобили, что свидетельствовало о необходимости улучшения инфраструктуры, с целью чего и был введен данный налог, который, впрочем, в силу небольшой распространенности данных средств передвижения определяющего значения на имел.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. для Донбасса особую важность приобретают налоги и прочие сборы, связанные с промышленным налогообложением, такие как промышленный налог, налог с капитала, процентный сбор с прибыли, тарифы на железнодорожные перевозки, пошлины на ввозимый уголь, прежде всего английский, местные налоги на добычу полезных ископаемых, в том числе земельный налог. От размеров этих налогов и сборов прямо зависели темпы промышленного роста и урбанизации региона. Также определенное значение имели административные пошлины, местные сборы и квартирный налог, который рассматривался как предпосылка перехода к подоходному налогообложению. Для процесса урбанизации Донецкого региона большое значение имели сборы с недвижимых имуществ, сборы с торговли и промыслов, сборы с городских имуществ и оброчных статей. Наблюдалась положительная динамика в поступлении местных налогов, что свидетельствовало о росте благосостояния горожан.

Список использованных источников и литературы

1. Болдырев Г. И. Подоходный налог на Западе и в России / Г. И. Болдырев – Л.: Издательство Сев. – Зап. Промбюро В.С.Н.Х., 1924. – 274 с.; Бунтовский С. Ю. История Донбасса / С. Ю. Бунтовский. – Донецк: Донбасская Русь, 2015. – 402 с.; 219.; Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шаццлло М. К. История налогов в России. IX – начало XX в. / В. Н. Захаров, Ю. А. Петров, М. К. Шаццлло – М.: РОССПЭН, 2006. – 296 с.; Кириллов А. К. От подушной подати к подоходному налогу. Податные реформы капиталистической России и их воплощение в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века. / А. К. Кириллов. – Новосибирск: Параллель, 2017. – 178 с.; Никитин Ю. А. Основные источники формирования городских бюджетов во второй половине XIX века (на примере Полтавской, Харьковской и Черниговской губерний) / Ю. А. Никитин // Былые годы. – М., 2013. – № 1(27). – С. 26–33.

Boldy`rev G. I. Podokhodny`j nalog na Zapade i v Rossii / G. I. Boldy`rev – L.: Izdatel`stvo Sev. – Zap. Prombyuro V.S.N.Kh., 1924. – 274 s.; Buntovskij S. Yu. Istoriya Donbassa / S. Yu. Buntovskij. – Doneczk: Donbasskaya Rus`, 2015. – 402 s.; 219.; Zakharov V. N., Petrov Yu. A., Shaczcillo M. K. Istoriya nalogov v

- Rossii. IX – nachalo XX v. / V. N. Zakharov, Yu. A. Petrov, M. K. Shaczillo – M.: ROSSPE'N, 2006. – 296 s.; Kirillov A. K. Ot podushnoj podati k podokhodnomu nalogu. Podatny'e reformy kapitalisticheskoy Rossii i ikh voploshhenie v Zapadnoj Sibiri vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka. / A. K. Kirillov. – Novosibirsk: Parallel', 2017. – 178 s.; Nikitin Yu. A. Osnovny'e istochniki formirovaniya gorodskikh byudzhetrov vo vtoroj polovine XIX veka (na primere Poltavskoj, Khar'kovskoj i Chernigovskoj gubernij) / Yu. A. Nikitin // By'ly'e gody'. – M., 2013. – № 1(27). – S. 26–33.
2. Кравцова Е. С. Модернизация налоговой системы России: 1885–1917 гг.: дисс. ... д-ра истор. наук: 07.00.02. / Е. С. Кравцова. Курск, 2011. 602 с.
Kravczova E. S. Modernizacziya nalogovoj sistemy Rossii: 1885–1917 gg.: diss. ... d-ra istor. nauk: 07.00.02. / E. S. Kravczova. Kursk, 2011. 602 s.
  3. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXVIII. СПб., 1863. – № 39119.
PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XXXVIII. SPb., 1863. – № 39119.
  4. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. IX. СПб., 1830. – № 1679.
PSZRI. Sobranie pervoe. T. IX. SPb., 1830. – № 1679.
  5. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXXVIII. СПб., 1863. – № 39118.
PSZRI. Sobranie vtoroe. T. XXXVIII. SPb., 1863. – № 39118.
  6. Бігун Г. С., Ляшенко В. Г., Шапран Д. П. Історія підприємництва в Україні: 1861–1917 рр. / Г. С. Бігун, В. Г. Ляшенко, Д. П. Шапран. Донецьк, 2007. – 187 с.
Bi`gun G. S., Lyashenko V. G., Shapran D. P. I`storiya pi`dpryemnicztva v Ukraini`: 1861–1917 rr. / G. S. Bi`gun, V. G. Lyashenko, D. P. Shapran. Donec`k, 2007. – 187 s.
  7. О податях и недоимках по Екатеринославской губернии // РГИА. Ф. 1286. Оп. 31. Д. 154. Л. 3.
O podatyakh i nedoimkakh po Ekaterinoslavskoj gubernii // RGIA. F. 1286. Op. 31. D. 154. L. 3.
  8. Выписка из журнала заседаний Мариупольской городской управы и переписка с Мариупольским уездным полицейским управлением и Таганрогским судебным приставом о налоге с недвижимого имущества по 1-й и 3-й части города Мариуполя и о недоимке за именем Елены Московской // Государственный архив ДНР. Ф. 113. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.
Vy`piska iz zhurnala zasedanij Mariupol'skoj gorodskoj upravu` i perepiska s Mariupol'skim uezdny`m polichejskim upravleniem i Taganrogskim sudebny`m pristavom o naloge s nedvizhimogo imushhestva po 1-j i 3-j chasti goroda Mariupolya i o nedoimke za imeniem Eleny` Moskovoj // Gosudarstvenny`j arkhiv DNR. F. 113. Op. 1. D. 31. L. 2.
  9. Выписка из журнала заседаний Мариупольской городской управы, объявления о назначении торгов, окладной лист, оценочные описи и переписка с надзирателями 1-й, 2-й и 3-й частей о продаже недвижимого имущества разных лиц за недоимки по налогам и сборам // Государственный архив ДНР. Ф. 113. Оп. 1. Д. 28. Л. 19.
Vy`piska iz zhurnala zasedanij Mariupol'skoj gorodskoj upravu`, ob`yavleniya o naznachenii trgov, okladnoj list, ocenochny`e opisi i perepiska s nadziratelyami 1-j, 2-j i 3-j chastej o prodazhe nedvizhimogo imushhestva razny`kh licz za nedoimki po nalogam i sboram // Gosudarstvenny`j arkhiv DNR. F. 113. Op. 1. D. 28. L. 19.
  10. Сметы доходов и расходов города Луганска Екатеринославской губернии за 1901 г. // РГИА. Ф. 573. Оп. 30. Д. 2746. Л. 34, 35, 36, 37, 38, 39, 44, 54.
Smety` dokhodov i raskhodov goroda Luganska Ekaterinoslavskoj gubernii za 1901 g. // RGIA. F. 573. Op. 30. D. 2746. L. 34, 35, 36, 37, 38, 39, 44, 54.
  11. Об освобождении городов Екатеринославской губернии от некоторых обязательных расходов // РГИА. Ф. 1287. Оп. 33. Д. 2393. Л. 12.
Ob osvobozhdenii gorodov Ekaterinoslavskoj gubernii ot nekotory`kh obyazatel`ny`kh raskhodov // RGIA. F. 1287. Op. 33. D. 2393. L. 12.
  12. Там же. Л. 12, 30.
Tam zhe. L. 12, 30.
  13. Об установлении в пользу города Луганска сбора с велосипедов и автоматических экипажей // РГИА. Ф. 1287. Оп. 33. Д. 2439. Л. 2.
Ob ustanovlenii v pol`zu goroda Luganska sbora s velosipedov i avtomaticheskikh e`kipazhej // RGIA. F. 1287. Op. 33. D. 2439. L. 2.

Список сокращений

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РГИА – Российский Государственный исторический архив

Skokov A. Based on archival and published materials, the article analyzes the main tax revenues that shaped the budget of the cities of Donbass during the socio-economic transformations of the second half of the XIX – early XX centuries.

The role of local governments in the process of collecting tax revenues is identified, the process of levying various types of taxes is determined, considered methods of dealing with defaulters.

Keywords. Property, tax, duty, self-government, collection, socio-economic transformation.

УДК: 94 (477.75) «1941/1944»

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-116-124

АВИАЦИЯ ВОЙСК ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ СССР В КРЫМСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (АПРЕЛЬ – МАЙ 1944 Г.)

Скоробогатов С. Б.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: serjcrimea@gmail.com*

Рассмотрена роль авиации войск противовоздушной обороны Советского Союза в Крымской наступательной операции. Представлен состав и структура авиационных подразделений войск противовоздушной обороны. Описаны виды боевых задач, примеры героизма личного состава и итоги участия в операции. Новизной исследования является систематизация видов боевых задач и деятельности трех полков истребительной авиации противовоздушной обороны над Керченским проливом в период подготовки операции по освобождению Крыма. В работе представлены архивные источники, не опубликованные ранее в научных статьях. В результате исследования установлена роль авиации войск противовоздушной обороны и личный вклад летчиков 2-й гвардейской истребительной авиационной дивизии в освобождении Крыма от немецко-фашистских захватчиков.

Ключевые слова: авиация, освобождение Крыма, истребитель, перехватчик, авиационный полк.

Вопросы участия советской авиации противовоздушной обороны в период подготовки и проведения операции по освобождению Крыма в период с февраля по май 1944 г. неоднократно поднимались советскими и российскими исследователями. Наиболее фундаментальными являются работы М. Анаймановича «Войска противовоздушной обороны страны: исторический очерк (1968), Н. А. Светлишина «Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне» (1979), П. Грехнева, «Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945: Краткая хроника» (1981), А. Хюпенена, «ПВО страны. Вчера, сегодня, завтра» (2011). Однако, несмотря на значимость этих работ, до сих пор недостаточно изученным остается вопрос о роли авиации войск противовоздушной обороны в период подготовки и проведения операции по освобождению Крыма в 1944 году.

На этом основании целью данной статьи является систематизировать результаты боевой работы 2-й гвардейской истребительной авиационной дивизии противовоздушной обороны в период подготовки и проведения операции по освобождению Крыма.

В годы Великой Отечественной войны войска противовоздушной обороны (ПВО) страны применялись в тесном взаимодействии с фронтами. Истребительная авиация и войска противовоздушной обороны фронтов, по существу, составляли первый, а войска ПВО страны – второй эшелон системы ПВО в прифронтовой полосе [2, с. 31].

В период подготовки операции по освобождению Крыма авиационную поддержку наступающих войск оказывали 4-я и 8-я воздушные армии, а также Военно-воздушные силы Черноморского флота и авиация войск противовоздушной обороны.

Первоначально, с ноября 1943 г., прикрытие советских переправ через Керченский пролив осуществляли части ПВО Отдельной Приморской армии. В дальнейшем оборона переправ возлагалась на части Восточного фронта ПВО. Сюда выдвинули ряд частей, прикрывавших ранее города Поволжья, а также привлекли основные силы Северо-Кавказского корпусного района ПВО (командующий генерал-майор артиллерии Ф. Г. Янковский) и 2-ю гвардейскую истребительную авиационную дивизию ПВО (ГИАД ПВО).

К началу 1944 г. на европейской части территории СССР действовали войска Западного и Восточного фронтов ПВО. На южном фланге советско-германского фронта, наряду с прикрытием переправ через Днепр Ставка Верховного Главнокомандования в конце января 1944 г. поручила Восточному фронту ПВО прикрытие переправ и строительства железнодорожного моста через Керченский пролив [5].

Всего, к началу февраля 1944 г. советской армией в районе Таманского полуострова и Керченского пролива было сосредоточено 470 зенитных орудий, 294 зенитных пулемета, 132 зенитных прожектора и 96 самолетов-истребителей.

Авиацию частей ПВО над Керченским проливом представляла 2-я ГИАД ПВО. Командиром дивизии был генерал-майор авиации Иван Григорьевич Пунтус. В 1943 г. 2-я ГИАД ПВО отличилась при обеспечении противовоздушной обороны г. Сталинграда, где было сбито 7 вражеских самолетов и удалось не потерять ни одного пилота и самолета.

С 10 февраля 1944 г. к боевой работе над Керченским проливом приступили два полка из 2-й ГИАД ПВО – 83-й и 84-й, а с 14 марта и 38-й ГИАП ПВО. Еще два полка, входившие в это время в состав дивизии – 268-й и 934-й ИАП прикрывали города Ростов-на-Дону, Краснодар и Новороссийск [1].

В период подготовки Крымской операции 2-я ГИАД ПВО выполняла следующие задачи:

- борьба с бомбардировщиками противника, действующими по ночам в районе переправ через Керченский пролив;
- патрулирование и прикрытие войск ОПА и плавсредств в дневное время суток.

Экипажи 38-го ГИАП помимо перечисленных задач занимались свободной охотой за самолетами противника в районе Керченского полуострова.

Боевой состав авиации войск противовоздушной обороны.

В годы Великой Отечественной войны самолетный парк авиации ПВО был полностью обновлен. К началу 1944 г. на вооружении авиаполков 2-й ГИАД ПВО находились истребители отечественного производства Ла-5, Як-1, Як-7, Як-9, а

также самолеты-истребители П-40 «Киттихаук» производства США, поставляемые по ленд-лизу.

Все три полка дивизии, участвовавшие в боях над Крымом, были вооружены различными типами истребителей.

В составе 38-го ГИАП ПВО с января 1944 г. имелись на вооружении 3 самолета П-40 «Киттихаук» и 16 самолетов Ла-5. В составе 83-го ГИАП ПВО – 17 самолетов П-40. В 84-м ГИАП ПВО – 1 Як-1б и 25 Як-7б, в апреле 1944 г. им на замену в полк стали поступать новые самолеты Як-9Д.

В полках 2-й ГИАД ПВО применялись самолеты П-40 модификации Е. Эти самолеты во многом уступали современным советским и немецким истребителям, особенно по маневренности на горизонталях. Малопригодный для боя с вражескими истребителями «Киттихаук» за счет хорошей скороподъемности и мощного вооружения мог эффективно бороться с бомбардировщиками противника. Преимуществом П-40 являлась большая продолжительность полета и наличие радиооборудования, что позволяло длительное время патрулировать над охраняемым объектом или районом [6].

В конце 1943 г. над Крымом использовалась модификация Як-1Б, имевшая каплевидный фонарь с круговым обзором серийное производство которой было развернуто с середины 1943 г. Самолет Як-7Б производился с конца 1941 г. и отлично проявил себя в боях с немецкими истребителями.

В результате усовершенствования экспериментального истребителя Як-7ДИ был создан самолет Як-9Д. Эта модификация стала поступать на вооружение с февраля 1943 г. Самолет Ла-5 являлся переделкой истребителя ЛаГГ-3 под мотор М-82 и применялся на фронте с осени 1942 г. [16].

С 1944 г. практически все самолеты авиации ПВО были оборудованы радиостанциями в полном комплекте (приемник и передатчик), что обеспечивало наведение истребителей на воздушные цели при использовании наземных радиолокационных станций [7, с. 77]. Для наведения истребителей ПВО на воздушные цели использовались две наземные радиолокационные станции типа РУС-2 «Пегматит». При обнаружении цели, операторы передавали данные о ее курсе и высоте в штаб дивизии, после чего сведения передавались в штаб полка и принималось решение на перехват противника. Боевая задача по прикрытию советских наземных войск в районе Керчи выполнялась методом дежурства экипажей на земле, а также вылетов по докладу постов воздушного наблюдения, оповещения и связи. При появлении противника в районе охраняемых объектов в небо, по решению штаба, поднималась пара или четверка истребителей. Эта система наведения являлась слишком громоздкой и занимала слишком много времени, что требовало ее дальнейшее совершенствование.

Первым полком 2-й ГИАД ПВО, приступившим с 10 февраля 1944 г. к выполнению боевой работы в районе Керченских переправ, стал 83-й ГИАП ПВО. До этого он прикрывал военно-промышленные объекты городов Астрахань и Краснодар. Полк базировался на аэродроме совхоза Бугаз на Таманском полуострове [9, л. 1]. Почти каждый день самолеты взлетали на патрулирование в

районе пролива и перехват вражеских самолетов в зоне ответственности полка. Примеры боевой работы полка приведены в таблице 1.

Кроме уничтожения самолетов противника, в марте 1944 г. летчики А. Ю. Андреев, С. А. Гой и А. И. Дружков в ночных вылетах повредили 3 зенитных прожектора в районе г. Керчь. В период боевой работы над Крымом полк потерял одного летчика и три самолета.

Самыми напряженными днями боевой работы 83-го ГИАП были 11 и 12 апреля 1944 г. – дни начала наступления войск Отдельной Приморской армии в Крымской наступательной операции. В эти дни были произведены 32 и 20 вылетов соответственно.

Таблица 1

Примеры боевой работы 83-го ГИАП над Керченским проливом в период февраль–апрель 1944 г.

Дата победы	Тип сбитого самолета	Место падения
Лейтенант Чумаков Михаил Александрович		
14.02.1944 г.	Ме-109	Район Айман-Кая (Марфовка)
Младший лейтенант Лавриненко Яков Иванович		
26.02.1944 г.	Ме-109	Севернее Керчь
Лейтенант Голиков Семен Николаевич		
2.03.1944 г.	Ме-109	севернее Коса Чушка
Капитан Казаков Иван Филиппович		
2.03.1944 г.	Ю-87	район Грязевая пучина
Лейтенант Малик Николай Иванович		
2.03.1944 г.	Ю-87	район Грязевая пучина
Младший лейтенант Письменный Семен Лукьянович		
13.03.1944 г.	Хш-123	В районе Керчи
17.03.1944 г.	½ Хе-111	Малый Бабчик
20.03.1944 г.	Хе-111	Северо-восточнее Керчь
21.03.1944 г.	Хе-111	Керченский пролив
Лейтенант Гой Степан Антонович		
17.03.1944 г.	½ Хе-111	Малый Бабчик
21.03.1944 г.	Хе-111	Западнее м. Мама Русская

**АВИАЦИЯ ВОЙСК ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ СССР В КРЫМСКОЙ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (АПРЕЛЬ – МАЙ 1944 Г.)**

Младший лейтенант Потемкин Виктор Васильевич		
20.03.1944 г.	Хе-111	Северо-восточнее Осовины
21.03.1944 г.	Хе-111	озеро Чокракское

Наиболее отличившимися летчиками 83-го ГИАП ПВО в боях над Керченским проливом стали командиры звеньев: гвардии младший лейтенант С. Л. Письменный (награжден в апреле 1944 г. орденом Красного Знамени) и гвардии лейтенант С. А. Гой (награжден в июне 1944 г. орденом Красной Звезды) [13; 15].

Вторым полком 2-й ГИАД ПВО, приступившим к выполнению боевой работы в районе Керченских переправ, стал 84-й ГИАП ПВО. До Крыма полк прикрывал города Батайск, Таганрог, Шахты, дамбы у г. Ростова-на-Дону и Аксайско-Ольгинской станицы. В период с февраля по май 1944 г. полк базировался на аэродроме Тамань. В этот период полк потерял 6 летчиков и 6 самолетов.

Примеры его боевой работы приведены в таблице 2.

Таблица 2

Примеры боевой работы 84-го ГИАП над Керченским проливом в период февраль–апрель 1944 г.

Дата победы	Тип сбитого самолета	Место падения
Капитан Петров Иван Тихонович		
13.02.1944 г.	ФВ-190	район Карама
14.02.1944 г.	ФВ-190	южнее Керчи
21.02.1944 г.	ФВ-190	западнее Керчи
1.03.1944 г.	Ме-109	западнее Керчи
2.03.1944 г.	Ме-109	севернее м.Тархан
11.03.1944 г.	Ме-109	Севернее ст.Багерovo
Старший лейтенант Ивашкин Иван Евтеевич		
03.03.1944 г.	ФВ-190	восточнее Керчь
22.03.1944 г.	Ме-109	севернее Мама Русская
Лейтенант Лукьянец Григорий Иванович		
22.03.1944 г.	Ме-109	севернее Мама Русская
Лейтенант Малин		
22.03.1944 г.	ФВ-190	севернее Мама Русская

Исходя из таблицы видно, что помощник командира 84-го ГИАП ПВО по воздушно-стрелковой службе, гвардии капитан И. Т. Петров стал самым результативным летчиком авиации ПВО над Керченскими переправами [3, с. 277]. За первые три сбитых вражеских самолета он был представлен к Орденом Ленина. Во время боевого вылета 22 марта 1944 г., когда Петров сбил свой шестой самолет противника, его самолет был подбит огнем зенитной артиллерии над г. Керчь. Летчик погиб при попытке посадки на своем аэродроме [11, л. 35]. Приказом президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1944 г. И. Т. Петров был награжден орденом Красного Знамени [14].

Третьим истребительным полком 2-й ГИАД ПВО, обеспечивающим прикрытие переправ в районе Керченского пролива с 14 марта 1944 г., был 38-й ГИАП. До появления в районе Керчи, полк прикрывал ж.д. узел Ростова-на-Дону, Каменскую ГРЭС и мост через реки Донец и Каменск. Сначала с аэродрома Фронталовская над Керченским проливом начала работать 2-я и 3-я эскадрильи полка, а 1-я эскадрилья приступила к боевой работе с 11 апреля [12, л. 42]. За исследуемый период потерь в личном составе и самолетах полк не понес. Наиболее отличившимся летчиком 38-го ГИАП стал командир звена, гвардии лейтенант Петр Тимофеевич Смирнов. За совершенные 19 боевых вылетов на прикрытие советских войск на Керченском полуострове и над Керченским проливом он был награжден 29 июня 1944 г. Орденом Красной Звезды.

В результате реорганизации структуры ПВО территории страны с 1 марта 1944 г. 2-я ГИАД ПВО была передана в Северо-Кавказский район ПВО Западного фронта ПВО.

Несмотря на положительные результаты работы авиации ПВО над Керченским проливом, отметим моменты, которые негативно сказались на качестве выполнения поставленных командованием задач. Например, вылет советских истребителей для перехвата воздушных целей из положения «дежурство на аэродроме», в ряде случаев не обеспечивал надежного выполнения боевой задачи, так как самолеты появлялись в зоне боя лишь через 6-8 мин. За это время авиация противника успевала произвести бомбардировку и уйти от цели. Поэтому, при обороне керченских переправ истребители ПВО действовали преимущественно способом патрулирования в воздухе, оказавшимся более эффективным [8, с. 193]. Также негативное влияние на качество боевой работы оказывали погодные условия: дожди, туманы и весенняя распутица, препятствующие проведению вылетов на перехват.

Взаимодействие истребительной авиации с зенитной артиллерией днем осуществлялось по принципу боя в одной зоне. При этом зенитная артиллерия во всех случаях вела огонь только по тем вражеским самолетам, которые не атаковывались истребителями [5, с. 154].

В ночное время взаимодействие между средствами ПВО организовывалось по принципу разграничения зон действий. Истребители обычно действовали в световых прожекторных полях на подступах к переправам вне зоны огня зенитной артиллерии, а если находились в зоне огня, то действовали выше облаков. В каждом

отдельном случае решение принималось начальником зенитной артиллерийской группы в зависимости от конкретно сложившейся оперативно-тактической обстановки [8, с. 148]. Итоги боевой работы авиации ПВО, выраженные в количестве сбитых самолетов противника приведены в таблице 3.

Таблица 3

Итоги боевой работы 2-й ГИАД ПВО над Керченским проливом в период февраль–апрель 1944 г.

	Февраль	Март	апрель	Итого
38-й ГИАП	0	0	0	0
83-й ГИАП	2	10	0	12
84-й ГИАП	3	7	0	10
Всего	5	17	0	22

Таким образом, исходя из таблицы видно, что всего за период боевой работы частей 2-й ГИАД ПВО над Керченским проливом было сбито 22 вражеских самолета. Еще 4 самолета были сбиты зенитной артиллерией войск ПВО [3, с. 274].

С началом Крымской освободительной операции интенсивность полетов вражеской авиации в районе ответственности 2-й ГИАД ПВО заметно снизилась. Так, если 9 и 10 апреля в дневное время отмечалось до 10 полетов истребителей Ме-109 и ФВ-190 в районе Керчи, то пролетов вражеских самолетов на советскую территорию не отмечалось вовсе. В дальнейшем, с 14 по 20 апреля отмечались только пролеты одиночных Хе-111 над Керченским проливом с целью разведки. Высота полетов разведчиков противника составляла 6-7 тыс. метров, что не позволяло произвести его перехват советскими истребителями ПВО. И наконец, за период с 21 апреля по 6 мая только однажды, 25 апреля, был замечен одиночный полет Хе-111, производивший разведку на высоте 6 тыс. метров в районе косы Чушка и косы Тузла [4, с. 284]. В этот период вылеты на прикрытие советских войск и перехват самолетов противника уже не производились.

В связи с продолжавшейся реорганизацией войск ПВО страны, в апреле 1944 г., все полки 2-й ГИАД ПВО были включены в 87-ю дивизию ПВО Южного фронта ПВО, в которой были собраны как зенитные, так и авиационные части. В канун завершения Крымской наступательной операции и освобождения Крыма, с 7 мая 1944 г. 38-й 83-й, 84-й ГИАП были перебазированы к новой линии фронта на аэродромы под Одессу [10, л. 24].

Несмотря на то, что основные боевые действия 2-й ГИАД ПВО в период подготовки и проведения Крымской наступательной операции происходили над территорией г. Керчи, оценкой итогов боевой работы полков стало награждение дивизии Орденом Суворова 2 степени за освобождение г. Феодосии [3, с. 293].

Таким образом, с поставленными задачами командования личный состав дивизии справился. Результатом боевой работы 2-й гвардейской истребительной авиационной дивизии противовоздушной обороны в период подготовки и

проведения операции по освобождению Крыма стали надежно прикрытые от воздействия вражеской авиации переправы и строящийся мост в Керченском проливе.

Список использованных источников и литературы

1. Анохин В. А. Все истребительные авиаполки Сталина: первая полная энциклопедия / В. А. Анохин, М. Ю. Быков – М. Яуза-пресс, 2014. – 944 с.
Anokhin V. A. Vse istrebitel'nyye aviapolki Stalina: pervaya polnaya entsiklopediya / V. A. Anokhin. M. Yu. Yuzov. – М: Yauza-press, 2014. – 944 s.
2. Батицкий П. Войска ПВО страны // Военно-исторический журнал. – 1977. – № 10. – С. 28–35.
Batitskiy P. Voyska PVO strany // Voynno-istoricheskiy zhurnal. – 1977. – № 10. – S. 28–35.
3. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945: Краткая хроника / П. Грехнев, Н. Комаров, В. Манилов, И. Михайленко, Ф. Ткачев. М.: Воениздат, 1981. – 375 с.
Voyska PVO strany v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945: Kratkaya khronika / P. Grekhnev, N. Komarov, V. Manilov, I. Mikhaylenko, F. Tkachev. M.: Voynizdat, 1981. – 375 s.
4. Войска противовоздушной обороны страны: исторический очерк / М. А. Анайманович и др. – М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1968. – 440 с.
Voyska protivovozdushnoy oborony strany: istoricheskiy ocherk / M. A. Anaymanovich i dr. – М.: Voynnoye izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1968. – 440 s.
5. Действия Войск Противовоздушной Обороны страны в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: ВПА, 1965. – 248 с.
Deystviya Voysk Protivovozdushnoy Oborony strany v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. M.: VPA, 1965. – 248 s.
6. Котельников В. Р., Авиационный ленд-лиз. М., Фонд «Русские Витязи», 2015. – 368 с.
Kotelnikov V. R., Aviatsionnyu lend-liz. M., Fond «Russkiye Vityazi», 2015. – 368 s.
7. ПВО страны. Вчера, сегодня, завтра / А. И. Хюпенен, С. Я. Тимохин, Л. Н. Никаноров, Б. А. Соболев и др. – М.: Руспринт 2011. – 336 с.
PVO strany. Vchera, segodnya, zavtra / A. I. Khyupenen, S. Ya. Timokhin, L. N. Nikanorov, B. A. Sobolev i dr. – М.: Rusprint 2011. – 336 s.
8. Светлишин Н. А. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. – М.: Наука, 1979. – 296 с.
Svetlishin N. A. Voyska PVO strany v Velikoy Otechestvennoy voyne. – М.: Nauka, 1979. – 296 s.
9. ЦАМО РФ. Ф. 20014. Оп. 0000001. Д. 0029.
САМО RF. F. 20014. Op. 0000001. D. 0029.
10. ЦАМО РФ. Ф. 20014. Оп. 0000001. Д. 0057.
САМО RF. F. 20014. Op. 0000001. D. 0057.
11. ЦАМО РФ. Ф. 20014. Оп. 0000001. Д. 0058.
САМО RF. F. 20014. Op. 0000001. D. 0058.
12. ЦАМО РФ. Ф. 22088. Оп. 0575799. Д. 0001.
САМО RF. F. 22088. Op. 0575799. D. 001.
13. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хран. 3054.
САМО RF. F. 33. Op. 686044. Yed. khran. 3054.
14. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хран. 3430. № зап. 20495495.
САМО RF. F. 33. Op. 686044. Yed. khran. 3430. № zap. 20495495.
15. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Ед. хран. 4213. № зап. 21581697.
САМО RF. F. 33. Op. 686044. Yed. khran. 4213. № zap. 21581697.
16. Шавров В.Б. История конструкций самолетов в СССР, 1938–1950 гг. – М.: Машиностроение, 1987. – 567 с.
Shavrov V.B. Istoriya konstruksiy samolotov v SSSR, 1938–1950 gg. – М.: Mashinostroyeniye, 1987. – 567 s.

Skorobogatov S. B. Aviation of the Air defense of the USSR in the Crimean offensive operation (April – May 1944)

The role of the Aviation of the Air Defense Forces of the Soviet Union in the Crimean offensive operation is considered. The composition and structure of aviation units of the air defense forces is presented. The types of combat missions, examples of the heroism of the personnel and the results of participation in the operation are described. The novelty of the study is the systematization of the types of combat missions and activities of three regiments of air defense fighter aviation over the Kerch Strait during the preparation of the operation to liberate Crimea. The article presents archival sources not previously published in scientific papers. As a result of the study, the role of the aviation of the air defense forces and the personal contribution of the pilots of the 2nd Guards Fighter Aviation Division in the liberation of the Crimea from the Nazi invaders have been determined.

Keywords: aviation, Crimea liberation, fighter, interceptor, air regiment.

УДК: 94(470.57)“17”+330.112.2

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-125-136

**ИСТОКИ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ
УФИМСКОЙ ПРОВИНЦИИ**

Хайретдинова О. А.

*Уфимский государственный нефтяной технический университет,
г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: khairtdinova.oa@gmail.com*

Рассмотрена специфика распространения питейного промысла в Уфимской провинции в петровский период. Сложности развития винокурения и питейного дела на данной территории связаны с религиозными традициями местного населения, башкир, а также с вотчинным правом на владение землей коренного населения и преобладанием у него кочевого образа жизни. В результате, с одной стороны, башкиры как мусульмане всячески противодействовали появлению питейных заведений и распространению алкогольного промысла в Уфимской провинции, с другой стороны, слабо развитое земледелие не способствовало заготовке достаточного объема сырьевой базы для производства хлебного вина на данной территории. При Петре I предпринималась попытка повлиять на вотчинное право башкир путем увеличения перечня сборов и пошлин с башкирского населения, в результате чего было спровоцировано башкирское восстание 1704–1711 гг. Результатом подавления данного восстания должна была стать отмена податных привилегий башкир, активное земледельческое освоение и масштабная крестьянская колонизация территории. Однако вследствие столкновений помещицких хозяйств уфимских дворян стали приходить в упадок, более трети помещичьих селений опустело, количество крестьян в крае сократилось почти в два раза. Отдельно в статье рассмотрены питейные сборы, инфраструктура управления казенными сборами и повинностями в Уфимской провинции. Так, в ходе исследования установлено, что основу питейной прибыли края составлял «медовый сбор с винной продажи», то есть самым доступным алкогольным напитком в Башкирии был мед. При этом хлебное сырье, необходимое для винокурения, оставалось дефицитом, из-за чего винокурение по-прежнему развивалось слабыми темпами. Установлено также, что, несмотря на появление новых категорий заведений в Санкт-Петербурге (трактиров, кофейных домов и т.д.), на окраинных провинциях, в том числе в Уфимской провинции, изменений не произошло, а число кружечных дворов в крае осталось прежним.

Ключевые слова: Уфимская провинция, Уфа, кружечный двор, винокурение, водка, казенные сборы, финансовая политика Петра I.

Введение

В научной литературе отмечается, что в России со времен Ивана IV более двух веков единственной разновидностью общественных досуговых, если можно так выразиться, заведений был кабак, переименованный позднее в кружечный двор, но не изменившийся по существу. Это были питейные заведения, в которых продавались только хмельные напитки. Если в существовавших ранее, но затем запрещенных корчмах народ не только пил, но и кормился, то в кабаке можно было «только пить, а есть нельзя» [21, с. 44].

Появление кабаков и кружечных дворов связано с изобретением крепкого напитка, ныне именуемого водкой. Тогда напиток, получаемый перегонным методом, водкой не называли. Производственный процесс именовался винокурением, а продукт – горящим, а с 1653 г. хлебным вином [20, с. 127]. Если точнее, горящее вино научились гнать при Иване III, но царь быстро оценил последствия изобретения (пагубное воздействие на людей, отличное от воздействия напитков, полученных методом брожения) и «совершенно» запретил изготовление и продажу крепкого алкоголя [29, с. 155]. Иван IV, напротив, принял в расчет выгоды винокурения для казны и стал повсеместно распространять государевы кабаки. Приобрести крепкий алкоголь люд мог только там. Производить вино для своих нужд запрещалось. Как отметил В.В. Похлебкин, винокурение для времен средневековья – это серьезное открытие, возникшее на этапе формирования денежно-рыночной системы хозяйствования. Нет ничего удивительного в том, что изобретение было объявлено собственностью государства, а продукция распространена как прибыльный товар [20, с. 70]. Вместе с тем в исследованиях констатируется, что употребление горящего вина перестало ассоциироваться с всеобщим весельем, как бывало в старину, когда употреблялись мед да пиво, и причинило «бедность и разорение бесчисленным семействам» [29, с. 154–155].

Специфика распространения питейных заведений в Башкирии в допетровский период

Распространение питейных заведений в присоединенной к России мусульманской Башкирии (1557), образовавшей со временем Уфимский уезд, имело особую специфику. Здесь принятая на великорусских территориях питейная организация на протяжении XVI – XVII вв. не дублировалась. Во-первых, кочевавшие и исповедовавшие ислам башкиры были противниками алкоголя, особенно крепкого, с изобретения которого, как утверждает в литературе, началось спаивание русского народа. Известно, например, что в 1645 г. казенный кабак попытались устроить в Байлярской волости Уфимского уезда, но местные башкиры возмутились, и Москве пришлось отступить. Тогда в столице вышел особый указ, запретивший «у них в Байлярской волости кабаку быть» [1, с. 76–79; 23, л. 321]. Во-вторых, коренное население пользовалось вотчинным правом на земли, земледелием, как правило, не занималось и долгое время после присоединения к Русскому государству вотчинные земли пришедшим земледельцам не передавало. В XVII в. поместные земли получали, как правило, уфимские дворяне, и располагались поместные хозяйства в основном вокруг Уфы, в радиусе 30–40 верст. Крепостных крестьян уфимским дворянам приходилось перевозить из родовых имений, т.е. из уездов, в которых у них были поместья до прибытия в Уфу. Кабальные формы использования труда башкир не практиковались [33, с. 991–993].

У Москвы тогда отсутствовали рычаги влияния даже на национальную верхушку. В Башкирии, как пишет Б.А. Азнабаев, «не было самостоятельно существовавших владений крупных феодалов, не было и зависимого от них

населения. Выяснилось, что владельцами земель здесь выступали не отдельные феодалы, а родоплеменные образования. Башкирские бии, князья, тарханы и мурзы не владели отдельными поместьями и крестьянами» [2, с. 34]. Иными словами, земля края после вхождения Башкирии в состав Русского государства стала собственностью казны, но на условиях башкирских племен. Основными условиями башкир было сохранение вотчинного права, веры (ислама), народных обычаев и обрядов. Они платили ясак в русскую казну, несли военную службу, но в их образе жизни ничего не изменилось [13, с. 34–35]. На протяжении всего XVII в. Уфимский уезд оставался краем с ничтожным количеством земледельческого населения [2, с. 35].

В Уфимском уезде образовалось незначительное число русских поселений, располагавших ограниченными земельными ресурсами. Требуемое для производства хлебного вина сырье в уезде было дефицитом. Поставки зерна производились из Казанского уезда [10, с. 26–27; 2, с. 47–48]. Согласно приходной книге пошлинных денег, единичные питейные заведения все же открылись, но только в Уфе и других редких местах проживания переселенцев из других областей Русского государства [24, л. 647].

Влияние финансовой политики Петра I на управление Уфимским уездом

Некоторые изменения начали происходить при Петре I. Коснулись они, прежде всего, управления Уфимским уездом. В исследованиях петровских реформ отмечается, что в стремлении пополнить казну «Петр I не считался ни с чем и прибегал нередко к самым крайним мерам». В первые годы правления он вводил многочисленные налоги и повинности [15, с. 92]. Устоявшаяся система управления национальными окраинами устраивала государя лишь в тех аспектах, что не препятствовали росту доходов казны. В частности, в петровские порядки не вписались условия подданства башкир, незыблемые уже более века, и связанные с этими условиями податные привилегии [2, с. 40–41]. Формально ясак оставался в силе, но коренное население края перемены все же почувствовало.

Во-первых, в допетровский период управление Уфимским уездом осуществлял Приказ Казанского дворца, созданный в Москве после покорения Казанского ханства. При Петре I наметилась тенденция к децентрализации. В 1700 г. башкирский край был подчинен казанским воеводам [31, с. 229, 233]. К казанским властям, в частности, перешли полномочия по сбору податей [2, с. 40]. Позднее, в 1708 г., Петр I провел административную реформу по всей России, предусмотрев введение нового управленческого звена (губернии) и повелев указом от 18 декабря «учинить» 8 губерний. Уфа и приписанные к ней «пригородки Бирской, Село Каракулино, Соловарной» вошли в состав Казанской губернии [17, с. 437]. В 1719 г. государь провел очередную реформу, в результате которой «Уфа с пригороды» образовали Уфимскую провинцию в составе Казанской губернии [18, с. 709]. Центральным органом управления в 1711 г. стал Сенат [15, с. 93].

Во-вторых, в 1703 г. в селе Семеновском под Москвой была образована Ижорская канцелярия, фискальное ведомство, занятое извлечением средств на

строительство Санкт-Петербурга. Руководил канцелярией ингерманландский губернатор и сподвижник государя А. Д. Меншиков, которому удалось сосредоточить в своих руках контроль над значительной частью налоговой системы России [22, с. 112]. Ведомство сконцентрировало внимание на Поволжье и прилегающих к нему территориях, заселенных преимущественно нерусскими народами, не обращая внимания на их особое податное положение.

Судя по официальным документам, Ижорская канцелярия ведала сборами с торговых и домовых бань, рыбных ловель, «бортных ухажий», «конских площадок», «хомутных пятен», мостов, перевозов, мельниц [17, с. 230–231, 232–240, 242–243]. Однако претензии прибыльщиков (сборщиков налогов) Ижорской канцелярии выходили далеко за эти рамки. В историю вошел прецедент, спровоцировавший башкирское восстание 1704–1711 годов. В 1704 г. на Чесноковской горе прибыльщики Михайло Дохов и Андрей Жихарев заявили выборным башкирам о наложении 72 новых статей прибыли (налогов). Под налогообложение попадали не только ловли и борти, но также свадьбы, калымы, ворота, окна, домовые печи, проруби и даже все башкиры, явившиеся в город на рынок. Наиболее оскорбительным был, пожалуй, налог на цвет глаз [7, с. 84; 3, с. 14; 15, с. 93]. Эти налоги не могли быть приняты башкирами безмолвно, оттого они походили на провокацию. «Вначале XVIII в., – считает Б.А. Азнабаев, – российские власти впервые прибегли к целенаправленному провоцированию башкирского населения, чтобы использовать недовольство башкир для отмены податных привилегий». А в 1705 г. прошла волна изъятий у башкирских родов части вотчинных угодий и передачи изъятых земель в оброк «охочим» людям [2, с. 40]. Это были первые весомые шаги на пути к преодолению вотчинного права башкир, нацеленные на масштабную крестьянскую колонизацию края и развитие земледелия.

Однако в петровский период принципиальные изменения в землепользовании на территории Башкирии не произошли. Финансовая политика спровоцировала волнения коренного населения, вследствие чего устроенные в XVII в. помещные хозяйства уфимских дворян (особенно крупные хозяйства), стали приходить в упадок. В столкновениях с восставшими погибали и владельцы, и крестьяне, крестьян брали в плен, многие из них разбежались. Статистика такова. Если в 1646 г. за 48 уфимскими помещиками числилось 566 душ мужского пола, то в 1718 г. за 79 помещиками числилось всего 303 души, а более трети помещичьих селений опустело [33, с. 992–993].

Интерес представляет вопрос: развивали ли земледелие сами башкиры? Распространено мнение, что башкиры земледелием не занимались совсем. В 1627 г. официальное представление выглядело так: «А от усть реки Белья Воложки вверх и по реке по Уфе по обеим сторонам и до Аральтовы (Ураловой) горы и далее все живут башкиры, а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют» [11, с. 152]. Однако исследователи находят архивные документы, согласно которым пашни у башкир были, а в национальной кухне помимо мясных и молочных блюд присутствовали блюда из зерна и муки. В литературе появился даже термин

«кочевое земледелие». Впрочем, «хлебопашцами были не все, а сеяли поначалу немного» [4, с. 75, 77].

Башкиры в исследуемый период вотчинные земли не продавали. Но индивидуальные участки кочевья они сдавали в аренду так называемым припущенникам. Договоры об аренде-припуске заключались в Уфимской приказной избе. В литературе отмечается, что русских башкиры предпочитали в свои вотчины не пускать. Чаще припущенниками становились татары или мещеряки, которые получали право заготавливать сено, «борти делать, и зверя всякого побивать, и птицу и рыбу ловить». Пашенные земли и мельницы в припускных записях упоминаются, но реже [12, с. 90].

Изложенное позволяет утверждать, что в ходе петровских реформ сырьевая база винокурения в Башкирии не развивалась. О повсеместном распространении кружечных дворов говорить не приходилось. Башкиры, во-первых, по-прежнему кочевали и, во-вторых, даже во время больших праздников употребляли самостоятельно изготовленный кумыс и ничего более крепкого, а тем более полученного перегонным методом, не признавали.

В научный оборот введен интересный документ, согласно которому крепкий алкоголь как минимум однажды был применен в отношении большой группы авторитетных башкир в качестве средства пытки. В 1705 г. прибывший из Казани представитель Ижорской канцелярии Александр Савич Сергеев «со многими полками», насильственно напавая приглашенных на встречу башкир «зельем и вином» («ежели кто не станет пить, тех бив палками насильно поил»), выбивал обещание внести большие суммы в казну, дать 5 тыс. лошадей и 100 «человек людей». Как подчеркивается в документе, поил и тех, «кто век своей меду и вина не пивали». От «угощения» с побоями умерло 9 человек. А эта встреча еще более распалила начавшееся в 1704 г. восстание [7, с. 84–85; 1, с. 79].

Последствия петровских реформ системы питейных сборов для Уфимской провинции

Что касается питейных сборов, то в целом Петр I уделял им большое внимание.

До воцарения Петра торговать алкогольными напитками имели право либо государевы агенты («верные люди», целовальники), либо откупщики. Управляли целовальниками головы, которые, в свою очередь, подчинялись воеводам. В 1699 г. голов сменили бурмистры. Их изъяли из ведомства воевод и подчинили Бурмистрской палате, которая находилась в Москве [27, с. 6].

Откупщиками называли частных, получавших у государства право продавать алкоголь. За такое право «охочие люди» выплачивали в пользу казны откуп, или питейный налог [5, С. 127–128]. Откуп превышал казенные сборы, поэтому государству он был выгоден. Однако его периодически отменяли «за злодеяния» – откупщики в погоне за прибылью доводили до разорения целые области, расцвело пьянство и «с неумеренным употреблением вина сопряженные беспорядки» [14, С. 100; 27, С. 10]. Незадолго до воцарения Петра Алексеевича откуп в очередной раз отменил царь Федор Алексеевич (1681). Но в 1705 г. Петр I, преобразования

которого требовали больших и быстрых денег, откуп вернул. А в 1712 г. он упразднил торговлю на вере, и до 1724 г. откуп был единственным механизмом реализации государственной регалии (т. е. монополии) на пития [6, с. 383].

В XVII в. для производства питей устраивались казенные винокурни, но казенным производство было лишь отчасти. В 1681–1682 гг. к курению вина были допущены помещики и вотчинники – в качестве подрядчиков, которым разрешалось иметь собственные заводы [27, с. 16]. Петровский Указ от 28 января 1716 г. позволил курить вино «для себя и на подряд» свободно «как высшим, так и нижним всяких чинов людям», правда, докладывая губернским властям, «кто во сколько кубов и казанов похочет вино курить» (от объема зависела сумма налога, выплачиваемого в казну) [18, с. 195–196].

Неоднократно Петр I реформировал систему управления питейными сборами. Как отмечено выше, первым шагом в этом вопросе стало учреждение Бурмистрской палаты. В январе 1699 г. государь издал два указа: «Об учреждении Бурмистрской палаты для ведомства всяких расправных дел между гостями и посадскими людьми, для управления казенными сборами и градскими повинностями, и об исключении гостей и посадских людей из ведомства воевод и приказов» [16, С. 598–600] и «Об учреждении в городах земских изб для ведомства всяких расправных дел между посадскими и торговыми людьми, для управления казенными с них сборами и градскими повинностями и об исключении торговых и посадских людей из ведомства воевод и приказов» [16, с. 600–601] (Бурмистрская палата в том же году была переименована в Ратушу).

Как видно из названий указов, новая инфраструктура получала много полномочий, и управление сборами и повинностями – это только одна из ряда функций.

На основании второго указа на местах создавались земские избы. Что интересно, создавались они на принципах выборности, и власть воевод и приказных изб на них не распространялась. Монарх вознамерился пресечь казнокрадство чиновников и превратил сбор податей и пошлин в приоритетное направление деятельности выборного управления. Причем избираться в бурмистры, в т.ч. кабацкие, могли далеко не все желающие, а только лица, занятые в производстве и торговле. Здесь уместно подчеркнуть, что создание земской избы было не обязанностью, а правом населения. В Уфе земская изба появилась, и Уфимская приказная изба передала ей не только часть полномочий, но и многочисленные записные книги [32, С. 43].

Впрочем, свобода посадского и торгового населения в управленческих делах была относительной. Например, сбор податей в Уфимском уезде, как отмечено выше, с 1700 г. контролировался казанскими властями. А в 1708 г. в связи с административной реформой выборное управление в части, касающейся денежных поступлений, и вовсе было свернуто. Всеми делами в образованных губерниях отныне управлял губернатор, а сбором средств в казну ведал губернский обер-комиссар. Ратуша в Москве, которая успела превратиться чуть ли не в казначейство

всего государства, после передачи финансовых дел губернаторам, стала, соответственно, городским органом местного управления.

В 1719 г., когда в составе Казанской губернии была официально закреплена Уфимская провинция, ратуша появилась и в Уфе.

Очередной шаг Петр I предпринял 16 января 1721 г., утвердив «Регламент или Устав Главного Магистрата» [19, С. 291–309]. Главный магистрат был учрежден в Санкт-Петербурге, а его руководитель назначен царем. На местах предусматривался выборный принцип. Избирать полагалось бургомистров и ратманов (советников), а также президента из их числа.

В Уфе проживали в основном служилые люди, управление которыми осуществляла Уфимская провинциальная канцелярия. Посад составлял всего 3% населения, и именно на эту малочисленную категорию распространялось выборное управление. Уфимский магистрат появился в 1722 г. в результате преобразования (или, лучше сказать, переименования) ратуши. Среди его полномочий значился выбор целовальников, в т.ч. кабацких, которые непосредственно занимались сбором пошлин. Это обстоятельство не нравилось уфимскому воеводе Ивану Ефремовичу Бахметеву, который хотел перевести эту функцию под контроль государства и даже обращался в Сенат с просьбой вывести пошлины (кабацкие, таможенные и канцелярские) из ведения магистрата, но Сенат воеводу не поддержал. Впрочем, Уфимский магистрат отчитывался и перед Главным магистратом, и перед Уфимской провинциальной канцелярией [8, С. 29].

При Петре I в Россию начало приходить разнообразие заведений. Если до конца XVII в. единственным видом заведений были кружечные дворы (в Москве, правда, в 1674 г. появились погреба, торгующие заграничными винами на вынос и распивочно, причем с закуской – хлебом, изюмом и миндалем [30, С. 98]), то при царе-реформаторе стали реализовываться идеи с европейским оттенком. В Россию начали приезжать многочисленные европейские гости, и кабаки с погребами, в которых не предусматривалась кухня, явно потребности гостей не удовлетворяли.

В Петербурге почти сразу после его основания появился первый кофейный дом. Затем появились пивные лавки, продающие пиво, сваренное по голландской технологии. Наконец, открылся первый трактир. В то время трактир представлял собой улучшенный постоялый двор, в котором не стыдно было принимать иностранных гостей. В 1719 г. соответствующим указом государь поручил «торговому иноземцу» Петру Милле устроить такое заведение в Петербурге по европейскому образцу. Петру Милле, в частности, надлежало на 20 сажнях возвести большой каменный дом «в два или три жилья» (этажа), где должны были среди прочего продаваться «всякие питья и табак» [18, с. 649; 29, С.195; 30, с. 100] (как известно, именно Петр I, поддавшись европейской моде, легализовал в России курение и еще в 1704 г. повелел, чтобы табак, который в то время был «на откупу у консула Карлуса Гутфеля», продавался на кружечных дворах «таким же поведением, как Его Великого Государя указы повелевают о винной продаже» [17, с. 275]).

Но новшества, которые увидел Петербург, до окраин тогда не дошли.

Уфа к началу XVIII в. значительно увеличилась – дворов в ней уже насчитывалось более 650 (для сравнения: в 1647 г. в Уфе было не более 200 дворов) [10, с. 32, 34]. Однако сведений об увеличении количества кружечных дворов не обнаружено. Как и ранее, действовал один кружечный двор. По данным за 1703 г., он находился на кремлевской территории, рядом с административными зданиями и лавками Верхнего базара [25, л. 123; 26, л. 123, 231]. Контракты на поставку вина заключали другие русские поселения Уфимского уезда (Бирск, Пьяный бор и др.). Но по-прежнему винокурение и продажи горячего вина оставались здесь явлениями вялотекущими. Интересный документ ввел в научный оборот М. М. Зулькарнаев. Речь идет о данных по денежным доходам Уфимской провинции в 1734 году. Документ составлен главой Оренбургской экспедиции И. К. Кириловым в начале очередного этапа освоения Башкирии. По данным Кириллова, питейные сборы в Уфимской провинции составили 3510 руб. 48 коп., и это приличная сумма [9, с. 188]. Для сравнения в середине XVII в. питейные сборы не превышали 300 рублей [1, с. 79]. Но выводы делать рано. Стоит обратить внимание на некоторые другие цифры, приведенные Кириловым.

На основании упомянутого выше указа Петра I от 28 января 1716 г. лица, занятые винокурением, обязывались вносить в казну оклад «с ведерной меры» (или «с клейменных кубов») – по полуполтине за ведро на год [18, с. 196]. В Уфимской провинции в 1734 г. соответствующий сбор составил 31 руб. 75 коп., т.е. в общей сложности канцелярия заклеила кубов (выдала разрешений) всего на 127 ведер.

Еще один сбор – при продаже «прибавочные на горячее вино по 10 коп. с ведра» – составил 184 руб. 87 коп. [9, с. 188]. Значит, продано было около 1849 ведер, а это совсем немного.

Получается, основу довольно приличной питейной прибыли составляли отнюдь не продукты винокурения. Здесь уместно вспомнить, что в Башкирии самым доступным алкогольным напитком был продукт брожения – мед. А взимание «медового сбора с винной продажи» на кружечных дворах Петр I закрепил особым указом 1 февраля 1705 года [17, С. 285–286]. Хлебное же сырье, которое использовалось в винокурении, оставалось дефицитом. Это также подтверждают данные Кирилова – по мельничным сборам. По окладу, с мельниц надлежало собрать 544 руб. 50 коп., реальный же сбор составил 262 руб. 31 коп., т. е. в два раза меньше [9, с. 188]. В областях с оседлым населением и развитым земледелием, напротив, мельничные сборы могли превосходить все остальные, как это было, например, в Ростове Великом [28, с. 100]. К слову, в Уфимской провинции самые значительные поступления в казну приходились, как и прежде, на ясак, выплачиваемый башкирами.

Заключение

Изложенное позволяет заключить, что распространению крепкого алкоголя в Уфимской провинции препятствовали те же причины, что и ранее: неприятие вина в среде башкир и отсутствие сырьевой базы для винокурения. Официальные цифры по сборам в казну наверняка не соответствовали реальному положению дел, ведь

общепризнано, что большой ущерб казне приносило корчемство, т.е. незаконный оборот алкоголя. Однако по объективным причинам в Башкирии существенно наращивать объемы винокурения и торговли вином пока еще не представлялось возможным. Разнообразие заведений общественного питания, которым в петровскую эпоху под влиянием европейских тенденций отличился в основном строящийся Петербург, в далекой Уфимской провинции востребовано не было.

Список использованных источников и литературы

1. Азнабаев Б. Уфимские кабаки и кружечные двory в XVII веке // Уфа. – 2016. – № 7. – С. 76–79.
Aznabaev B. Ufimskie kabaki i kruzhechnye dvory v XVII veke // Ufa. – 2016. – № 7. – S. 76–79.
2. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII вв.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2006. – 52 с.
Aznabaev B.A. Integratsiya Bashkirii v administrativnyuyu strukturu Rossiiskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI — pervaya tret' XVIII vv.): avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. – M., 2006. – 52 s.
3. Акманов И. Г., Каримов К.К., Хабибуллина А.Р. Башкирское восстание 1704-1706 гг. на территории Казанской дороги // Вестник АН РБ. 2018. – Т. 27. – № 2 (90). – С. 12–18.
Akmanov I. G., Karimov K. K., Khabibullina A. R. Bashkirskoe vosstanie 1704-1706 gg. na territorii Kazanskoi dorogi // Vestnik AN RB. 2018. – T. 27. – № 2 (90). – S. 12–18.
4. Бикбулатов Н.В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. Башкиры: этническая история и традиционная культура. – Уфа: Баш. энциклопедия, 2002. – 246 с.
Bikbulatov N. V., Yusupov R. M., Shitova S. N., Fatykhova F. F. Bashkiry: etnicheskaya istoriya i traditsionnaya kul'tura. – Ufa: Bash. entsiklopediya, 2002. – 246 s.
5. Гавлин М. Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи XVIII-XIX вв. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 13. – М.: МГУ. – 2007. – С. 127–139.
Gavlin M. L. Vopros o vinnykh otkupakh v istorii zakonodatel'stva Rossiiskoi imperii XVIII-XIX vv. // Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie. Vyp. 13. – M.: MGU. – 2007. – S. 127–139.
6. Горюшкина Н. Е. «Кроме кабацких денег государевым деньгам сбору нет»: питейный сбор от Ивана III до Николая II // Bylye Gody. – 2014. – № 33 (3). – С. 382–386.
Goryushkina N. E. «Krome kabatskikh deneg gosudarevym den'gam sboru net»: piteyniy sbor ot Ivana III do Nikolaya II // Bylye Gody. – 2014. – № 33 (3). – S. 382–386.
7. Дмитриев А.А. Пермская старина: сб. исторических статей и материалов. Вып. VIII. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. – Пермь: Типогр. П. Ф. Каменского, 1900. – 172 с.
Dmitriev A. A. Permskaya starina: sb. istoricheskikh statei i materialov. Vyp. VIII. K istorii zaural'skoi trgovli. Bashkiriya pri nachale russkoi kolonizatsii. – Perm': Tipogr. P. F. Kamenskogo, 1900. – 172 s.
8. Жарникова Г.В. Исторические особенности местного управления в Российской Империи (на примере Уфимской провинции в первой половине XVIII века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005. – 32 с.
Zharnikova G. V. Istoricheskie osobennosti mestnogo upravleniya v Rossiiskoi Imperii (na primere Ufimskoj provintsii v pervoi polovine XVIII veka): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – M., 2005. – 32 s.
9. Зул'карнаев М. М. Доходы Уфимской провинции по материалам руководителя Оренбургской экспедиции (1734–1737 гг.) И. К. Кирилова // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2011. – № 2. – С. 186–191.
Zul'karnaev M. M. Dokhody Ufimskoj provintsii po materialam rukovoditelya Orenburgskoi ekspeditsii (1734–1737 gg.) I. K. Kirilova // Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya. – 2011. – № 2. – S. 186–191.
10. История Уфы. Краткий очерк / под ред. Р. Г. Ганеева. – Уфа.: Баш.кн. изд-во, 1981. – 605 с.

- Istoriya Ufy. Kratkii ocherk / pod red. R. G. Ganeeva. – Ufa.: Bash.kn. izd-vo, 1981. – 605 s.
11. Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 года. – СПб.: Тип. Рос. акад., 1838. – 261 с.
- Книга Bol'shому chertezhu, ili Drevnyaya karta Rossiiskogo gosudarstva, ponovlennaya v Razryade i spisannaya v knigu 1627 goda. – SPb.: Tip. Ros. akad., 1838. – 261 s.
12. Косых Е. С. Припускные записи как источник по истории поземельных отношений в Уфимском уезде в начале XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7 (57): в 2 ч. Ч. II. – С. 89–92.
- Kosykh E. S. Pripusknye zapisi kak istochnik po istorii pozemel'nykh otnoshenii v Ufimskom uезде v nachale XVIII veka // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 7 (57): v 2 ch. Ch. II. – С. 89–92.
13. Кунафина И. Р. Законы Российского государства и нормы обычного права башкир (середина XVI-XIX вв.) // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 1. – С. 32–43.
- Kunafina I. R. Zakony Rossiiskogo gosudarstva i normy obychnogo prava bashkir (seredina XVI-XIX vv.) // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2010. – № 1. – S. 32–43.
14. Махрова Т. К. Из истории винного откупа и питейного корчемства на Урале в конце XVIII – первой половине XIX в. // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 2 (5). – С. 100–107.
- Makhrova T. K. Iz istorii vinnogo otkupa i piteynogo korchemstva na Urале v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2015. – № 2 (5). – S. 100–107.
15. Муравьева Л. А. Налоги и налогообложение в России первой четверти XVIII века // Финансы и кредит. – 2007. – № 20 (260). – С. 90–98.
- Murav'eva L. A. Nalogi i nalogooblozhenie v Rossii pervoi chetverti XVIII veka // Finansy i kredit. – 2007. – № 20 (260). – S. 90–98.
16. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр. 1: в 50 т. Т. III. 1689–1699. – СПб.: Типогр. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 694 с.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (PSZ RI). Sobr. 1: v 50 t. T. III. 1689–1699. – SPb.: Tipogr. II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 694 s.
17. ПСЗ РИ. Собр. 1: в 50 т. Т. IV. 1700–1712. – СПб.: Типогр. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 890 с.
- PSZ RI. Sobr. 1: v 50 t. T. IV. 1700–1712. – SPb.: Tipogr. II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 890 s.
18. ПСЗ РИ. Собр. 1: в 50 т. Т. V. 1713–1719. – СПб.: Типогр. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 782 с.
- PSZ RI. Sobr. 1: v 50 t. T. V. 1713–1719. – SPb.: Tipogr. II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. – 782 s.
19. ПСЗ РИ. Собр. 1: в 50 т. Т. VI. 1720–1722. – СПб.: Типогр. II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 817 с.
- PSZ RI. Sobr. 1: v 50 t. T. VI. 1720–1722. – SPb.: Tipogr. II otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. 817 s.
20. Похлебкин В. В. История водки. – М.: Центрполиграф, 2005. – 160 с.
- Pokhlebkina V. V. Istoriya vodki. – M.: Tsentrpoligraf, 2005. – 160 s.
21. Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. – Казань: Молодые силы, 1914. – 292 с.
- Pryzhov I. G. Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriei russkogo naroda. – Kazan': Molodye sily, 1914. – 292 s.
22. Редин Д. А. «Царского величества государственных тайных дел министр...»: А. Д. Меншиков как администратор универсального типа // Меншиковские чтения. – 2015. – № 10. – С. 108–115.
- Redin D. A. «Tsarskogo velichestva gosudarstvennykh tainykh del ministr...»: A. D. Menshikov kak administrator universal'nogo tipa // Menshikovskie chteniya. – 2015. – № 10. – S. 108–115.

23. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 233. Оп.1. Д. 671.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 233. Op.1. D. 671.
24. РГАДА. Ф.233. Оп. 1. Кн.109.
RGADA. F.233. Op. 1. Kn.109.
25. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Кн. 12136.
RGADA. F. 615. Op. 1. Kn. 12136.
26. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Кн. 12139.
RGADA. F. 615. Op. 1. Kn. 12139.
27. Сведения о питейных сборах в России: в 3 ч. Ч. 1. – СПб.: Гос. канцелярия по Отделению гос. экономии, 1860. – 291 с.
Svedeniya o piteinykh sborakh v Rossii: v 3 ch. Ch. 1. – SPb.: Gos. kantselyariya po Otdeleniyu gos. ekonomii, 1860. – 291 s.
28. Субботина Т. Ю. Окладная книга Ростовской воеводской канцелярии 1761 г. // История и культура Ростовской земли: сб. материалов конф. – Ростов: Рост. Кремль, 2009. – С. 98–105.
Subbotina T. Yu. Okladnaya kniga Rostovskoi voevodskoi kantselyarii 1761 g. // Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli: sb. materialov konf. – Rostov: Rost. Kreml', 2009. – S. 98–105.
29. Терещенко А. В. Быт русского народа: в 2 т. Т. 1. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. – 944 с.
Tereshchenko A. V. Byt russkogo naroda: v 2 t. T. 1. – M.: In-t russkoi tsivilizatsii, 2014. – 944 s.
30. Травер П. В. История и образ кабака и трактира в русской культуре // История и современность. – 2013. – № 1. – С. 90–109.
Traver P. V. Istoriya i obraz kabaka i traktira v russkoi kul'ture // Istoriya i sovremennost'. – 2013. – № 1. – S. 90–109.
31. Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1982. – 336 с.
Usmanov A. N. Dobrovol'noe prisoedinenie Bashkirii k Russkomu gosudarstvu. – Ufa: Bash. kn. izd-vo, 1982. – 336 s.
32. Хайбуллин А. Р. Нотариальная деятельность подьячих в Уфимском уезде в XVIII в. // Вестник Перм. ун-та. Сер.: Юрид. науки. – 2011. – № 2 (12). – С. 42–47.
Khaibullin A. R. Notarial'naya deyatelnost' pod'yachikh v Ufimskom ueзде v XVIII v. // Vestnik Perm. un-ta. Ser.: Yurid. nauki. – 2011. – № 2 (12). – S. 42–47.
33. Шайхисламов Р. Б., Азнабаев Б. А. Помещичья колонизация Башкирии // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер.: История. – 2018. – Т. 63. – Вып. 4. – С. 987–1000.
Shaikhislamov R. B., Aznabaev B. A. Pomeschich'ya kolonizatsiya Bashkirii // Vestnik Sankt-Peterb. un-ta. Ser.: Istoriya. – 2018. – T. 63. – Vyp. 4. – S. 987–1000.

Khairtdinova O. A. The origins of the restaurant business in the Petrine Era: a historiographic review of materials from the Ufa province

This article examines the specifics of the distribution of the drinking industry in the Ufa province during the reign of Peter I. Difficulties in the development of distilling and alcohol business in this territory are associated with the religious traditions of the local population, the Bashkirs, as well as with the patrimonial right to own land of the indigenous population and the predominance of nomadic lifestyle. As a result, on the one hand, the Bashkirs as Muslims in every possible way opposed the emergence of drinking establishments and the spread of alcoholic beverages in the Ufa province, on the other hand, poorly developed agriculture did not contribute to the procurement of a sufficient volume of raw materials for the production of bread wine in this territory. Under Peter I, an attempt was made to influence the patrimonial right of the Bashkirs by increasing the list of fees and duties from the Bashkir population, as a result of which the Bashkir uprising of 1704–1711 was provoked. The result of the suppression of this uprising was to abolish the tax privileges of the Bashkirs, active agricultural development and large-scale peasant colonization of the territory. However, as a result of the clashes, the estates of the Ufa nobles began to decline, more than a third of the landowners' villages were deserted, the number of peasants in the region was almost halved. Separately, the article discusses drinking fees, the infrastructure for managing government fees and duties in the Ufa province. Thus,

*ИСТОКИ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ УФИМСКОЙ ПРОВИНЦИИ*

---

in the course of the study, it was found that the basis of the region's drinking profit was «honey collection from wine sales», that is, the most affordable alcoholic drink in Bashkiria was honey. At the same time, the grain raw materials necessary for distilling remained in short supply, which is why distilling continued to develop at a slow pace. It was also found that, despite the emergence of new categories of establishments in St. Petersburg, there were no changes in the outlying provinces, including in the Ufa province, and the number of taverns in the region remained the same.

Keywords: Ufa province, Ufa, tavern, distillation, vodka, government fees, financial policy of Peter I.

УДК 94(495).01–03+796

DOI: 10.37279/2413-1741-2020-6-4-137-152

ЭВОЛЮЦИЯ СПОРТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В IV – XII ВВ.

Хапаев В. В.* , Глушич А. М.**

**Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: khapaev007@mail.ru*

***Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: barny.g@mail.ru*

Проанализированы версии местоположения, конструктивные особенности и эволюция спортивных сооружений Византийской империи: Большого и малых ипподромов Константинополя, других городов империи, стадионов для игры в конное поло (циканистириев) и других построек, использовавшихся для тренировок и спортивных соревнований византийцев в IV–XII вв. Особое внимание уделено конструктивным особенностям Большого ипподрома Константинополя, как в связи с его особой значимостью для истории империи, так и в связи с обилием источников по этому вопросу: письменных и археологических. Сделан вывод, что до начала системного кризиса империи в первой половине VII в. и массированных вторжений персов, аваров, славян и арабов на территорию империи спортивные сооружения и спортивная жизнь (в том числе соревновательная) были характерны для всех крупных городов империи. В каждом из них были монументальные ипподромы и проводились регулярные соревнования. Их упадок связан как с захватом большей части территории Византии арабами, так и (в оставшихся под контролем Константинополя городах) с затяжным экономическим кризисом и общей дезурбанизацией. Возрождение интереса к спорту и потребности в спортивных сооружениях связано с укреплением экономического и геополитического положения Византии в IX–X веках. В это время были приведены в порядок и использовались многие старые сооружения, было построено несколько новых. Окончательный упадок спортивной инфраструктуры империи связан с ее разгромом в ходе IV Крестового похода.

Ключевые слова: Византия, спорт, ипподром, циканистирий, Константинополь, Антиохия.

Истории византийского спорта в историографии уделяется значительно меньше внимания, чем спортивным занятиям римлян. Это в полной мере относится и к исследованиям спортивной инфраструктуры. Если Циркус Максимус и Колизей являются всемирно известными символами римского величия и любви римлян к зрелищам, то о сооружениях подобного рода в Византии написано гораздо меньше. Обычно исследователи ограничиваются лишь кратким описанием Большого Константинопольского ипподрома, опуская множество важных конструктивных особенностей этой арены и, как правило, забывают о других спортивных сооружениях византийской столицы и крупных провинциальных городов (см. например Б. Шродт [33], Д. Беннетта [27], Т. Волиньской [35], Г. Литаврина [13], В. Брабич [1]).

Отдельные исследователи (Р. Гильян [31], С. Гиацис [29]) обращали внимание на спортивную инфраструктуру империи в целом или конструктивные особенности спортивных сооружений, но имеющаяся в распоряжении исследователей источниковая база позволяет расширить и углубить наши представления по данному вопросу.

Отечественные исследователи века XX почти не интересовались спортивной инфраструктурой Византии, ограничиваясь приведением общих данных о Большом константинопольском ипподроме, и акцентируя внимание на социальной сущности цирковых партий (см. например: Дьяконова [6], Левченко [11]). В XXI в. на русском языке работы о спортивной составляющей жизни Византии, публиковали лишь авторы настоящей статьи [3], [4], [24], [25], [26], но проблема количества и качества спортивных сооружений в империи в них не поднималась. Заполнению этих лакун посвящена данная статья.

Строительство будущего Константинопольского ипподрома, который в IV в. стал крупнейшим спортивным сооружением в мире после римского Циркус Максимус, началось в 203 году н.э. в г. Византии по приказу римского императора Септимия Севера (193–211) [33, р. 42], который таким образом «возвращал долг» жителям города за его разорение в ходе разгрома армий Песценния Нигера (193–194) в ходе борьбы между этими полководцами за римский престол.

Будучи изначально построен в небольшом провинциальном городе, ипподром тоже был небольшим. Расширять его стали после того, как император Константин I (306–337) решил в 324 году начать строительство на месте Византия новой столицы – города Новый Рим (Nova Roma) [7, с. 38]. В 330 году, в честь освящения новостройки, Константин учредил праздник – День Города, отмечающийся с тех пор ежегодно 11 мая. Он стал самым любимым горожанами торжеством, а центром празднеств вплоть до начала XIII века был Большой константинопольский ипподром, где в этот день проводились особенно пышные конные ристания [33, р. 45].

В дальнейшем модернизации и ремонты различных частей ипподрома происходили неоднократно. По свидетельствам Марцеллина Комита, при Юстиниане I (527–565) впервые с IV в. здесь провели масштабную реконструкцию: «В 198 году от основания царственного Города (528 г. н.э. – авт.) Юстиниан Победитель восстановил императорскую ложу и древний трон в ней для созерцания и приветствия соревнующихся на ристалище, сделав ее более величественной и яркой, нежели она была прежде. С привычной щедростью он также реконструировал каждую галерею, где в качестве зрителей сидели сенаторы» [15, с. 125]. Изменения были, очевидно, сделаны для улучшения вида из императорской ложи, а также для того, чтобы сделать ее менее уязвимой на случай мятежей, которые случались здесь во время правления Юстиниана неоднократно (например, в 532 [7, с. 164], 547 [23, с. 307] и 561 [23, с. 322] гг.).

Что же представлял собой Большой константинопольский ипподром – шедевр позднеантичной инженерной мысли?

Мнения исследователей о размерах арены, ее вместимости и конструктивных особенностях нередко расходятся. Считается, что ипподром был около 1200 римских футов в длину и 600 футов в ширину [33, р. 43]. Советские исследователи В. Брабич и Г. Плетнева трактовали эти цифры как 370 метров в длину и 180 метров в ширину [1, с. 20]. Греческий исследователь византийского спорта С. Гиацис считал ипподром более вытянутым и узким: 475 x 145 м. (см. рис. 1) [29, р. 41]. Зрительские трибуны могли вмещать от 40 до 80 тысяч зрителей по разным подсчетам и в разные периоды деятельности ипподрома [33, р. 43]. Длина каждой из продольных беговых дорожек для гонок колесниц составляла около 1000 футов – 300 метров, а полный «круг» с учетом двух поворотов составлял около 750 метров (см. рис. 1).

Южная оконечность ипподрома представляла собой полукруг, который поддерживался массивной системой арочных субструкций, позволивших выровнять уходящий здесь круто вниз склон холма, увеличив длину арены и вместимость трибун. Эта конструкция получила название «сфенда». Она имела 25 внутренних комнат, соединенных узкими проходами с главным коридором. Вероятно, обслуживающий персонал ипподрома какое-то время использовал их под жилье. Затем внутренний объем субструкций был переоборудован в цистерну для воды [29, р. 45].

Из-за того, что Большой ипподром был расположен на вершине холма, он, несмотря на возведение субструкций сфенды, остался более коротким и менее вместительным, чем римский Циркус Максимус, построенный в долине между холмами и вмещавший до 200 тысяч зрителей [29, р. 43–44].

На северной стороне арены находилось здание, в нижней части которого располагались въездные ворота для колесниц («карцеры»). Гонка, однако, начиналась не непосредственно от стартовых ворот, как в римском Циркус Максимус, а из особых загородок, «стартовых коробов», которые между ристаниями хранились в карцерах, а перед заездами размещались на стартовой линии вдоль трека [29, р. 45] (см. рис. 1). Забег стартовал, когда афеты (работники ипподрома) поднимали решетки коробов и выпускали колесницы. Ворота карцеров, вероятно, использовались для эффектного въезда колесниц на ипподром и столь же эффектного выезда. Для этого был придуман специальный механизм их одновременного открывания – гиспрéкс. Всего ворот в карцерах было 12 – по 6 на въезд и выезд [29, р. 45]. Почему ворот было дважды по 6, притом, что в каждом заезде участвовало 4 колесницы, остается неясным.

До 1204 года здание карцеров было увенчано знаменитой скульптурной композицией квадриги лошадей. После IV Крестового похода их вывезли в Венецию, и с тех пор они находятся в соборе св. Марка [5, с. 453]. До 1982 года – над входом, затем – в музее храма; над входом сейчас установлены их копии. Считается, что эти кони – часть прославленной еще в античности скульптурной группы, изваянной в IV в. до н.э. выдающимся скульптором Лисиппом.

ЭВОЛЮЦИЯ СПОРТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В IV–XII ВВ.

В здании карцеров над воротами, как свидетельствует трактат «О церемониях» императора Константина Багрянородного, находилась комната для жеребьевки, в которой была установлена стационарная сферическая урна [28, р. 312].

Рис. 1. Предполагаемый план Большого Константинопольского ипподрома (по С. Гуацису, В. В. Хапаеву, А. М. Глушичу).

Императорская ложа (кафисма) располагалась в центре юго-восточной трибуны. В этом было ее главное отличие от императорской трибуны Циркус Максимус, располагавшейся в торце арены над стартовыми воротами [29, р. 43–44].

В Константинополе кафисма была построена так, что попасть на нее с территории ипподрома было почти невозможно – для обеспечения безопасности императора от агрессии подданных. Властитель попадал на кафисму с территории Большого императорского дворца, с востока непосредственно примыкавшего к ипподрому. Для этого на землях дворцового парка была выстроена специальная галерея, которая вела к первому этажу кафисмы [5, с. 445]. Лестница на второй этаж, где располагался императорский трон, была винтовой, и носила название «кóхлий» [7, с. 36]. Вначале она была деревянной, но при Юстиниане I ее выполнили в камне [30, р. 281–282].

Кафисма (по сути отдельное здание, встроенное в восточную трибуну ипподрома), была возведена при Константине I, и впоследствии неоднократно ремонтировалась и модернизировалась. За императорской ложей, на которой был установлен трон под матерчатым балдахином, крепившимся тросами к вделанным в стену кольцам, находился просторный зал, отделенный от ложи бронзовыми

дверьми. Там властитель мог обедать между заездами или принимать посетителей из числа лидеров цирковых партий и организаторов гонок. Боковая дверь вела из этого зала в коридор, из которого можно было попасть на первый этаж – в комнату отдыха, служившую одновременно гардеробной. Окон с видом на арену в этой комнате не было, и уединение императора ничто не могло нарушить [30, р. 281–287].

На третьем этаже кафисмы, «паракиптике», состоявшем из широких галерей, находилось несколько лож, куда могли подниматься высшие чиновники империи и приближенные императора. Как попадали на паракиптику, пока не ясно. Возможно, винтовая лестница (кохлий) шла до третьего этажа, но вероятнее всего, туда вела отдельная лестница, не пересекающаяся с путем следования императора (см. рис. 2).

В западной историографии высказаны различные мнения о том, допускались ли на паракиптику знатные дамы (в отечественной литературе этот вопрос не дискутировался). Р. Гильян полагает, что периодически допускались [30, р. 284]. Ш. Диль утверждал, что не только не допускались, но согласно одной из новелл Юстиниана I появление женщины на ипподроме было законным основанием для инициирования мужчиной процедуры развода (это же касалось посещения театральных представлений) [34, № 117, VIII]. По мнению Ш. Диля, именно поэтому выросшая на ипподроме императрица Феодора, страстная любительница скачек, вынуждена была наблюдать за гонками с высоких галерей церкви св. Стефана, откуда было хорошо видно арену [5, с. 440].

По свидетельству крестоносца Робэра де Кларі, участвовавшего в разграблении Константинополя в 1204 году и написавшего об этом мемуары, допуск женщин в императорскую ложу был делом обычным. Он пишет, что на ипподроме «имелась весьма просторная и весьма красивая ложа (кафисма, включая ее верхнюю галерею паракиптику – авт.), где, когда шли состязания, восседали император с императрицей и другие знатные мужи и дамы... И когда устраивались состязания, то их бывало сразу два (утренние и послеобеденные заезды – авт.), и император и императрица бились об заклад, кто в каком из двух выиграет, и все, кто глядел на ристалище, также бились об заклад» [20, с. 64]. Возможно, к началу XIII века допуск женщин на ристания стал обычным делом под влиянием крестоносцев, принесших на Восток европейскую традицию участия женщин в рыцарских турнирах не только в качестве зрительниц, но и «муз» сражающихся рыцарей. Относить сведения Робера ко всему ранневизантийскому и средневизантийскому периодам нет оснований.

Под кафисмой располагался обширный прямоугольный помост – стама (см. рис. 1). С императорской ложей его соединяли тщательно охраняемые экскувитами (телохранителями) ступени, т.к. в некоторых церемониях на стаме должен был участвовать император [28, р. 328–329]. Как при этом обеспечивалась неприступность кафисмы со стороны трибун, не вполне ясно. Возможно, один из пролетов лестницы был деревянным и съёмным. Сама стама также отделялась от трибун массивным ограждением [30, р. 285]. На ней располагался мандатор –

императорский глашатай [29, р. 44], голос которого было слышно по всему ипподрому.

Стама использовалась также для спортивных и артистических выступлений, проводившихся между заездами – интервал-актов. Здесь выступали мимы, танцоры, чтецы, певцы, музыканты, а иногда и борцы. Здесь же император награждал победителей гонок [28, р. 327].

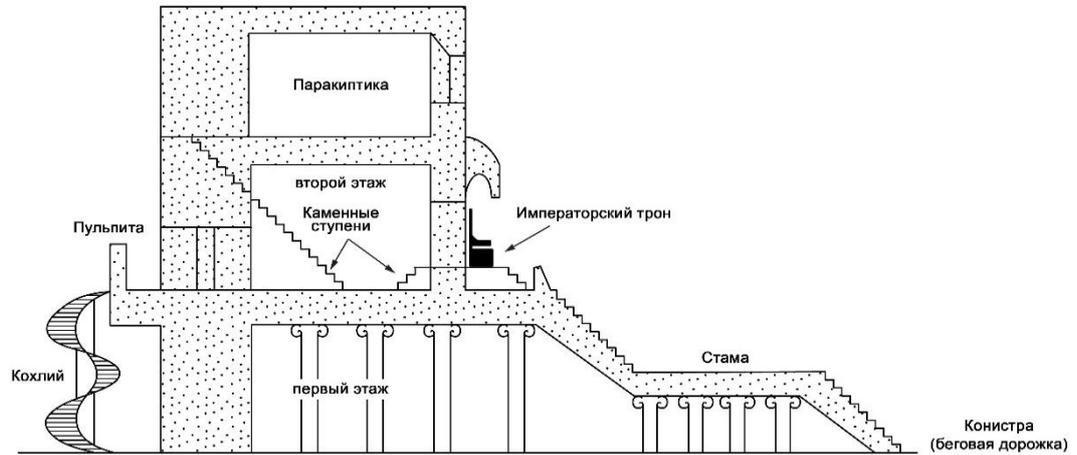

Рис. 2. Императорская ложа (кафисма) и прилегающие к ней сооружения. Разрез (по С. Гуацису).

Между стамой и кафисмой была еще одна (переходная) площадка, и все три площадки были отделены от трибун массивными колоннадными ограждениями. При Андронике I Комнине (1183–1185) несколько колонн, поддерживавших ограждение стамы, обвалились и задавили шестерых человек, что вызвало панику, но к остановке ристаний не привело [16, с. 368–369].

Наибольшее число описаний очевидцев дошло до нас о спине – разделительном барьере, делившем пространство беговых дорожек пополам (см. рис. 1). По свидетельству Робера де Клари, спина возвышалась над ареной на высоту около 15 футов [20, с. 64]. Со времен Константина I она стала превращаться в музей античных скульптур под открытым небом. На ней были выставлены лучшие и самые знаменитые творения античных скульпторов. В частности, здесь находились две статуи Геракла. Одна изображала битву героя с Немейским львом, а другая – его отдых после очищения Авгиевых конюшен. Вторая статуя была столь огромна, что ее стопы были размером с человека, а обхват пальца равен обхвату пояса взрослого мужчины. Здесь же находились статуи Афины и Калидонского вепря [31, р. 676–682].

Хониат упоминает интересную статую, стоявшую на одном из поворотов ипподрома (см. рис. 1), называя ее «инструкцией» для колесничего при проезде

этого поворота: «Позади этой статуи, подле восточного, так называемого рузийского поворота бегового круга, стояла на пьедестале статуя Возниц – образчик кучерской ловкости. Медные наездники позою своих рук только что не вслух учили состязавшихся живых соперников, что, подъезжая к обратному столпу, надобно не распускать вожжи, но круче поворачивать лошадей и дружно, сильнее погонять, чтобы, проехав ближе к черте поворота, заставить своего противника сделать объезд и таким образом прийти после, хотя бы его лошади были быстрее и он был мастер кучерского искусства» [16, Из истории известного Никиты Хониата, гл. XI].

Стояли на спине и механические статуи, инженерные чудеса своего времени. Была там статуя слона, которая могла двигаться, а в крыльях бронзового орла были проделаны отверстия, так, что изваяние могло выполнять функцию солнечных часов [31, р. 676–682].

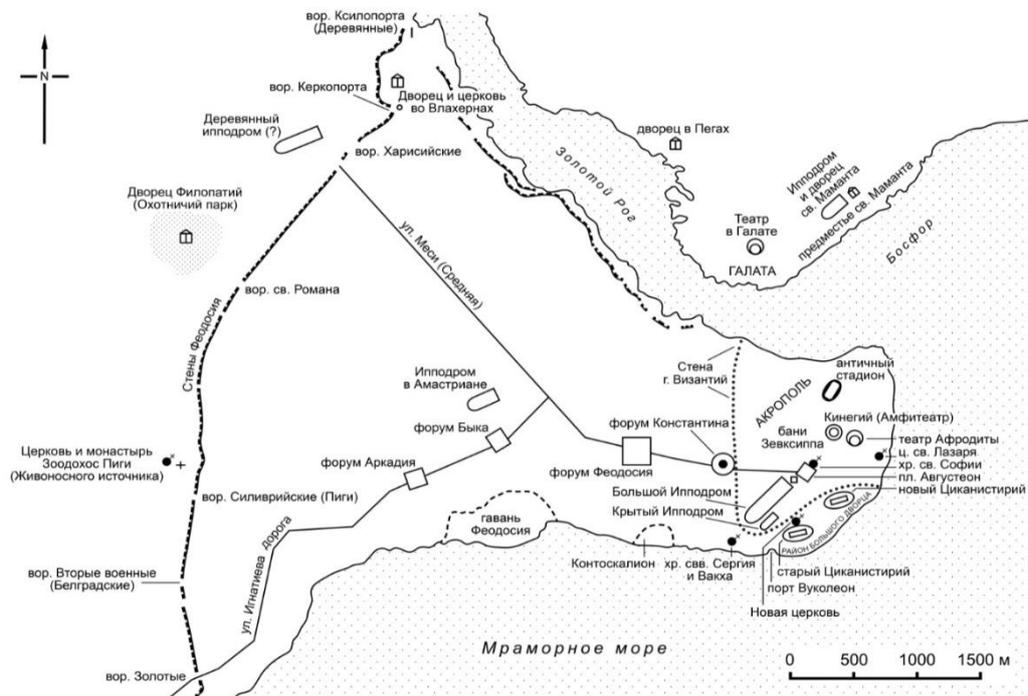

Рис. 3. Спортивные сооружения Константинополя (по С. Гиацису, В. В. Хапаеву, А. М. Глушичу).

По мнению Р. Гильяна, высокая спина появилась на константинопольском ипподроме не сразу, а лишь в правление Феодосия I (379–395). До этого она была низкой, и зрители даже с нижних рядов могли видеть гонку целиком, а не только ее ближнюю к ним половину. Да и возниким было легче маневрировать, видя противоположную дорожку [29, р. 43–44]. Возведение высокого барьера усложнило

гонку и сделало ее более зрелищной для основной массы зрителей (за исключением сидевших на нижних рядах).

На ипподром вели шесть или семь огромных ворот. Важнейшими из них считались Первые ворота – Протофирос, выводявшие на главную городскую улицу – Меси (см. рис. 1). Они находились справа (к северо-западу) от карцеров. Через них въезжал на арену император при проведении триумфов после больших воинских побед, что и определяло их особую церемониальную значимость [29, р. 46]. Вход на ипподром был, вероятно, бесплатным, но билеты (жетоны) распределялись, видимо, заранее и с указанием мест, как это было в Риме [32, р. 148].

Трибуны располагались с трех сторон (со стороны карцеров зрительских мест не было). Линия основных трибун (северо-западной и юго-восточной) была ломаной (см. рис. 1), что усложняло гонку и делало ее более зрелищной, т.к. беговые дорожки то расширялись, то сужались. Две основные трибуны не были параллельны друг другу – между ними был угол в 26°. По сообщению Роббера де Клари, они состояли из 30–40 рядов каждая [20, с. 64], и были, видимо, поделены на несколько ярусов. Лучшие сектора отделялись мрамором, на менее престижных скамьи были деревянными [29, р. 45].

Северо-западная трибуна, расположенная напротив кафисмы, предназначалась для преданных болельщиков из числа членов цирковых партий. На две половины ее разделяла еще одна *vir*-трибуна – «месодема» [29, р. 44] (см. рис. 1). Левую (западную) половину занимали прасины (зеленые) и аффилированные с ними русии (красные); правую (восточную) – венеты (голубые) и подчиненные им белые (лёвки). «Малые» партии сидели ближе к центру, «большие» по краям [35, р. 129].

Нижний ярус занимали буйные фанаты своих команд (стасиоты, клáкеры и т.п.), т.к. им не важно было хорошо видеть гонку, им важно было шумно поддерживать своего возницу – бескорыстно или за плату. Средний ярус занимали рядовые болельщики, верхний – лидеры партий (димархи), их помощники (димократы) и приближенные. Четвертый ярус (анабáтра) представлял собой деревянную галерку, на которой сидели зрители без ярко выраженных партийных предпочтений [29, р. 45]. Были и стоячие места – перед нижней трибуной, откуда скрытую за спиной половину гонки было практически не видно. Как свидетельствует Константин Багрянородный, с этих мест за ристаниями разрешалось наблюдать пленникам после того, как их проводили по дорожкам ипподрома на триумфе. Располагались эти места под трибуной партии прасинов, в западной части арены [28, р. 612–615].

Зрители на самой неудобной части трибун – кафисме, видимо не принадлежали к какой-то конкретной партии, и места эти вряд ли считались престижными, так как с них было плохо видно, кто приходил к финишу первым, если соперники шли «ноздря в ноздю», да и сам финиш от зрителей закрывали спины возниц.

«Партийная принадлежность» трибун справа и слева от кафисмы, на юго-восточной стороне ипподрома, зависела от того, какую из партий поддерживал действующий император, а потому, неоднократно менялась. Так, Феодосий II (408–

450) «предпочитал факцию зеленых и стоял на их стороне в каждом городе. В Константинополе, где они раньше смотрели заезды на правой стороне, он переместил их и заставил их смотреть с мест на левой стороне. Он послал им прокламации со своим главным курьером, сказав: «Это было честью, что я пересадил вас налево от кафисмы, из которой я смотрю скачки», – и они приветствовали его» [7, с. 60]. Никифор Фока (963–969) благоволил голубым, так как они поддержали его во время захвата трона. В дальнейшем император старался закрывать глаза на бесчинства венетов по отношению к противникам [5, с. 458]. Дискуссионным остается вопрос, за какую партию болел Анастасий I (491–518). В большинстве исследований говорится, что этот правитель симпатизировал прасинам. Однако Иоанн Малала приводит совершенно иное, и весьма необычное свидетельство: «Этот император поддерживал факцию красных в Константинополе и принимал меры против зеленых и голубых всюду, когда они устраивали беспорядки» [7, с. 97]. Как это сказало на рассадке русиев на трибунах, неизвестно.

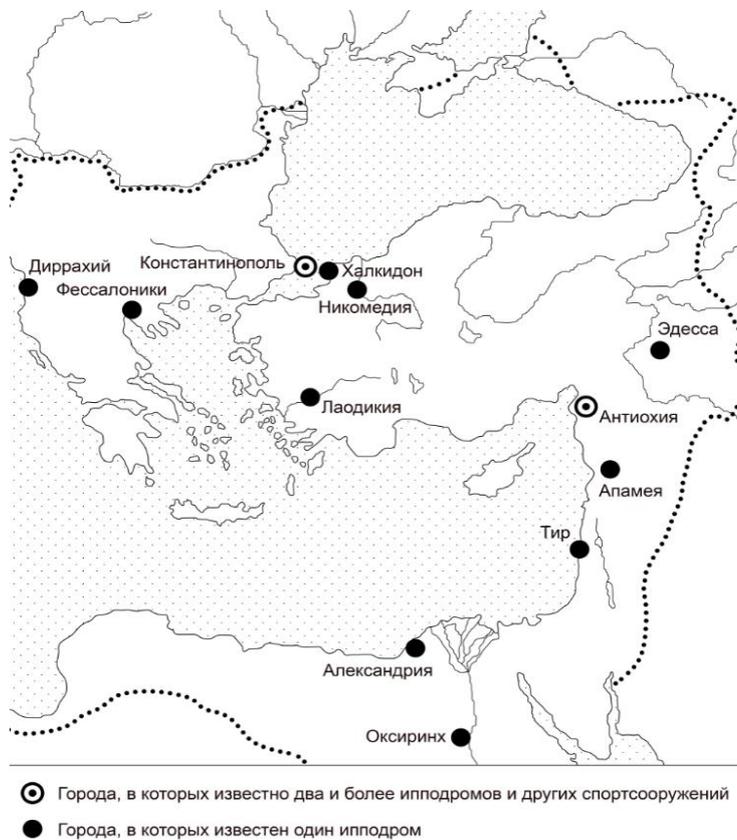

Рис. 4. Спортивная инфраструктура Восточной Римской империи в IV – нач. VII вв. (по А. М. Глушичу, В. В. Хапаеву).

Сотрудники ипподрома часто смотрели гонки из раздевалок возниц, которые имелись у каждой из четырех команд. Располагались они на верхних ярусах здания карцеров. Оттуда открывался великолепный вид на всю арену, и было прекрасно видно весь ход состязания. Именно в этом ракурсе видели гонку римские императоры на Циркус Максимус. В Константинополе это стало привилегией обслуживающего персонала, не задействованного в непосредственном обслуживании гонки. Часть услуги стояла внизу, возле карцеров. Вдоль спины также располагалась охрана и люди, ответственные за состояние беговой дорожки [28, р. 361–362].

Поскольку Большой ипподром располагался в центре города, вплотную к комплексу зданий Большого императорского дворца и главной городской площади Августеон (см. рис. 3), его окружали жилые здания – либо принадлежавшие богатейшим людям империи, либо доходные дома. Найм жилья или помещений под эргастрии стоил в них очень дорого. По данным писателя второй половины X в. Симеона Метафраста, дом около ипподрома стоил 2000 номисм (8,8 кг золота) [2, с. 153]. Но в его покупке явно присутствовала коммерческая целесообразность. Здания в центре города и вдоль его основных вылетных магистралей – улиц Меси (Средней) и Виа Игнация (Игнатиевой дороги), а также рядом с форумами Константина, Феодосия, Аркадия и Быка строились с расчетом на сдачу в аренду нижних этажей; их обычно снимали мелкие торговцы и ремесленники, которые редко имели собственные помещения под мастерские (эргастрии) и лавочки: в основном им приходилось арендовать помещения в частных домах или казенных зданиях [22].

Сдача в аренду под эргастрий помещений в доме у ипподрома, по данным Византийской книги Эпарха, приносила в IX веке его владельцу около 200 номисм в год, т.к. окрестности ипподрома были центром не только спортивной и культурной, но и торговой жизни [2, с. 153]. Таким образом, вложения в покупку дома у ипподрома окупались, хотя и не быстро.

Большой Константинопольский ипподром потому и назывался большим, что он был в городе не единственным. Существовало еще 4 ипподрома. В историографии этот факт как правило не привлекает внимания исследователей, и только в работе С. Гиациса приводится краткое описание этих сооружений [29, р. 37].

По данным письменных источников известны следующие «малые» ипподромы в столице.

1. Крытый ипподром («Скепастос»), построенный в 30-е годы IV века [29, р. 37]. Он входил в комплекс зданий Большого императорского дворца. Через него на прием к императору вели знатных гостей. По таким случаям ипподром украшался шелками в цветах императорского штандарта [28, р. 595]. Скепастос был примерно 60 м в длину и 30 м в ширину (см. рис. 3). Сверху он накрывался тентом, что позволяло тренироваться там даже в самый солнцепек. Скепастос использовался императором, его сыновьями и их приближенными для отработки навыков верховой езды, без использования колесниц [29, р. 37].

2. Ипподром Амастриана на одноименном форуме в XI районе Константинополя, на южном склоне Третьего константинопольского холма, между форумом Быка и ул. Меси [29, р. 37] (см. рис. 3).

3. «Деревянный ипподром» за городскими стенами, близ дворцового комплекса во Влахернах [29, р. 37].

4. Ипподром святого Маманта, входивший в состав одноименной загородной императорской резиденции на европейском берегу Босфора. Сейчас этот район знаменит построенным в XIX в. дворцом Долма Бахче и легендарными стадионами Бешикташ и Галатасарай (см. рис. 3). Учитывая, что с X века именно там располагалось постоянное подворье русских купцов [13, с. 113], есть основания полагать, что выходцы с Руси были частыми посетителями ристаний на этой арене. В середине IX в. в качестве возницы на ипподроме св. Маманта пробовал свои силы последний император Аморийской династии Михаил III Пьяница (842–867) [18, с. 78].

Большое количество малых ипподромов в столице и в непосредственной близости от нее позволяет предположить, что три из них (за исключением дворцового Скепастоса) использовались цирковыми партиями для «клубных» соревнований – там проводились «внутрипартийные» заезды. Именно так должна была отбираться та небольшая группа лучших возниц, которым доверяли представлять цвет партии на Большом ипподроме в присутствии императора.

По мере уменьшения империи в размерах и сокращения ее финансовых возможностей уменьшалось, вероятно, и количество ипподромов в Константинополе. По мнению С. Гиациса, Ипподром св. Маманта просуществовал до IX века, а крытый ипподром Скепастос в Большом императорском дворце – до X в. [29, р. 61]. Сведений о существовании в это и более позднее время двух других арен нет. Но в источниках нет и прямых указаний на то, что малые ипподромы прекратили существование. Последние упоминания о них действительно относятся к указанному времени: вышеупомянутые гонки с участием Михаила III на ипподроме св. Маманта в середине IX века (кстати, это единственное его упоминание), и прием Константином Багрянородным княгини Ольги, в ходе которого она проходила через Скепастос предположительно в 955 году [28, р. 595]. В отсутствие данных археологии и крайней скудости письменных свидетельств вопрос о времени прекращения эксплуатации малых ипподромов Константинополя остается открытым. Но в условиях бурного роста населения и экономики Константинополя и возрождения могущества империи во второй половине IX–X веке логичнее предполагать активизацию деятельности малых ипподромов, нежели их упадок.

Помимо ипподромов, в столице действовало еще несколько спортивных сооружений. Древний амфитеатр (по другим данным Большой театр) Константинополя – Кинэгий – использовался для демонстрации боев с дикими животными. Самые поздние сведения о таком его предназначении относятся к рубежу VI–VII вв., времени правления императора Маврикия (582–602) [21, III, X].

Впоследствии Кинегий, превратившийся в Собачий рынок, упоминается в источниках лишь в связи с казнями [23, с. 275].

В большом императорском дворце было еще два сооружения – циканистирии, стадионы для игры в циканион (конное поло). Один из них назывался Старым и был построен в форме театра (полукругом), другой именовали Новым – он был в форме амфитеатра, круглым или скорее овальным [29, р. 37]. Известно, что новый циканистирий построил император Василий I (867–886) [18, с. 137]. Когда была возведена Старая арена, неизвестно. Судя по всему, зрительских трибун там не было.

Неподалеку от городских стен находился лесопарк Филопатий. Здесь императоры и их приближенные любили охотиться [29, р. 37].

За пределами Константинополя и городской округи в позднеантичный и ранневизантийский периоды действовало множество спортивных сооружений, в первую очередь ипподромов. Нам известны такие сооружения в Александрии, Фессалониках, Антиохии, Лептис Магне, Диррахии, Никомедии, Эдессе, Лаодикии, Апамее, Тире, Халкедоне и Оксиринхе (см. рис. 4) [29, р. 37]. Весьма вероятно, что этот список неполон.

Особенно примечателен ипподром Апамеи, который, несмотря на провинциальность города, упоминается в источниках дважды: у Прокопия Кессарийского, описавшего организацию Хосровом I гонок после захвата города персами [19, с. 116], и у церковного писателя рубежа VI–VII вв. Иоанна Мосха в связи с волнениями одной из партий, когда их возница не получил заслуженной награды по результатам гонок [8, с. 170].

В Антиохии, подобно Константинополю, существовало несколько сооружений для разных нужд. Ритор IV в. Либаний (наставник Иоанна Златоуста) пишет об этом так: «Кто бы в состоянии был вместить в своем рассказе другие виды театров, одни, устроенные для борцов, другие – для борьбы людей со зверями, все среди города, не вынуждающие перед удовольствием испытывать тяготу долгого пути к ним?» [12, с. 387]. Большой ипподром Антиохии был перестроен и расширен в IV веке, а в конце V в. был построен новый, по примеру Константинополя, рядом с резиденцией наместника [9, с. 228]. Очевидно, обеспечение городов площадками для зрелищ было одной из важных задач местных властей.

Провинциальные ипподромы стали приходить в упадок и закрываться в первые два десятилетия VII в. Связано это было, очевидно, не с изменением спортивной парадигмы, а с военно-политическими обстоятельствами: в ходе затяжных войн персы, пусть и ненадолго, завоевали Египет, Сирию, Палестину, часть Малой Азии и угрожали Константинополю. С севера империю атаковали авары и славяне. В 634 г. началось арабское вторжение, в результате которого территория Византии сократилась втрое. В завоеванных городах спортивная жизнь сразу или постепенно угасала. В этот период значительно снизилось население Константинополя – в результате неоднократно возвращавшихся эпидемий чумы, а также организованного отселения жителей накануне вражеских осад.

Когда с середины IX века начался новый расцвет Византии, а ее столица вновь наполнилась жителями, спортивная жизнь Константинополя значительно активизировалась: резко возросло количество упоминаний в источниках о ристаниях (например, в правление Михаила III [18, с. 104], Никифора Фоки [10, с. 40–41], Андроника Комнина [16, с. 368–369], Исаака Ангела [17, Царствование Исаака Ангела. кн. II, гл. I]; кроме того, факт подробнейшего описания церемониала ипподрома в «Книге церемоний» свидетельствует о новом витке роста значимости ристаний). Именно в это время отразились на страницах исторических сочинений два из четырех малых ипподромов, был возведен новый циканистирий в Большом дворце. Появился циканистирий в Афинах [25, с. 158], а вот провинциальные ипподромы возродить, видимо, не удалось – сведения в источниках о них полностью отсутствуют.

Таким образом, вопрос об истории и эволюции спортивных сооружений Византийской империи пока остается малоизученным, в первую очередь из-за почти полного отсутствия археологических источников. Даже на Большом ипподроме Константинополя почти не проводилось раскопок. Дальнейшие исследования, вероятно, позволят значительно скорректировать наши представления о продолжительности функционирования доставшейся Византии от античного периода спортивной инфраструктуры, о возведении и эксплуатации новых сооружений самими византийцами.

Список использованных источников и литературы

1. Брабич В. М., Плетнева Г. С. Цирк в Византии / В. М. Брабич, Г. С. Плетнева // Советский цирк. – 1960. – № 5. – URL: <http://www.ruscircus.ru/arhiv-press/vizanty956>.
Brabich V. M., Pletneva G. S. Tsirk v Vizantii / V. M. Brabich, G. S. Pletneva // Sovetskii tsirk. – 1960. – №5. – URL: <http://www.ruscircus.ru/arhiv-press/vizanty956>.
2. Византийская книга епарха / пер. и комм. М. Я. Сюзюмова. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. – 296 с.
Vizantiiskaya kniga eparkha / per. i komm. M. Ya. Syuzyumova. – M.: Izd-vo vostochnoi lit-ry, 1962. – 296 p.
3. Глушич А. М. «Книга церемоний» Константина Багрянородного как источник по истории спортивных состязаний на Константинопольском ипподроме / А. М. Глушич // Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье: история, политика, география, культура (2–4 окт. 2019 года, г. Севастополь) / Под ред. О. А. Шпырко, В. В. Хапаева. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. – С. 189–191.
Glushich A. M. «Kniga tseremonii» Konstantina Bagryanorodnogo kak istochnik po istorii sportivnykh sostyazanii na Konstantinopol'skom ippodrome / A. M. Glushich // Sbornik materialov KhVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Lazarevskie chteniya». Prichernomor'e: istoriya, politika, geografiya, kul'tura (2–4 okt. 2019 goda, g. Sevastopol') / Pod red. O.A. Shpyrko, V.V. Khapaeva. – Sevastopol': Filial MGU v g. Sevastopole, 2019. – P. 189–191.
4. Глушич А. М. Консульские диптихи как источник по истории спортивных игр на Константинопольском ипподроме / А. М. Глушич // Материалы XXVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2020» (22–24 апреля 2020 года, г. Севастополь) / Под ред. О. А. Шпырко. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2020. – С. 127–128.
Glushich A. M. Konsul'skie diptikhi kak istochnik po istorii sportivnykh igr na Konstantinopol'skom ippodrome / A. M. Glushich // Materialy XXVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov

- і molodykh uchenykh «Lomonosov-2020» (22–24 aprelya 2020 goda, g. Sevastopol') / Pod red. O. A. Shpyrko. – Sevastopol': Filial MGU v g. Sevastopole, 2020. – P. 127–128.
5. Диль Ш. Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке / Ш. Диль. – СПб.: Тип. Альтшулера, 1908. – 687 с.
- Dil' Sh. Yustinian i Vizantiiskaya tsivilizatsiya v VI veke / Sh. Dil'. – SPb.: Tip. Al'tshulera, 1908. – 687 p.
6. Дьяконов А. П. Византийские димы и факции (та μέρη) в V–VII вв. / А. П. Дьяконов // Византийский сборник. – М.; Л., 1945. – С. 144–227.
- D'yakonov A. P. Vizantiiskie dimy i faktsii (ta μέρη) v V–VII vv. / A. P. D'yakonov // Vizantiiskii sbornik. – M.; L., 1945. – P. 144–227
7. Иоанн Малала. Хронография. Книги XIII–XVIII / Иоанн Малала // Мир поздней античности. Документы и материалы. – Белгород, 2014 – 200 с.
- Ioann Malala. Khronografiya. Knigi XIII–XVIII / Ioann Malala // Mir pozdnei antichnosti. Dokumenty i materialy. – Belgorod, 2014 – 200 s.
8. Иоанн Мосх. Луг духовный [Электронный ресурс] / Иоанн Мосх // Интернет–портал «Азбука веры». – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mosh/lug-dukhovnyj/.
- Ioann Moskh. Lug dukhovnyi [Elektronnyi resurs] / Ioann Moskh // Internet–portal «Azбуka very». – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mosh/lug-dukhovnyj/.
9. Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке) / Г. Л. Курбатов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1962. – 284 с.
- Kurbatov G. L. Rannevizantiiskii gorod (Antiokhiya v IV veke) / G. L. Kurbatov. – L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1962. – 284 p.
10. Лев Диакон. История / Лев Диакон; пер. М. М. Копыленко; отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1988 – 240 с.
- Kev Diakon. Istoriya / Lev Diakon; per. M. M. Kopylenko; otv. red. G. G. Litavrin. – M.: Nauka, 1988 – 240 p.
11. Левченко М. В. Венеты и прасины в Византии V–VII вв. / М. В. Левченко // Византийский временник. – 1947. – Т. 1. – С. 164–183.
- Levchenko M. V. Venety i prasiny v Vizantii V–VII vv. / M. V. Levchenko // Vizantiiskii vremennik. – 1947. – T. 1. – P. 164–183.
12. Либаний. Речи / Либаний; пер. с греч. С. Шестаков. – Казань: Типография Императорского Университета, 1916. – Т. II. – 569 с.
- Libanii. Rechi / Libanii; per. s grech. S. Shestakov. – Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1916. – T. II. – 569 s.
13. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.) / Г. Г. Литаврин. – СПб.: Алетея, 2000. – 398 с.
- Litavrin G. G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.) / G. G. Litavrin. – SPb.: Aleteiya, 2000. – 398 p.
14. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы / Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
- Litavrin G. G. Kak zhili vizantiitsy / G. G. Litavrin. – M.: Nauka, 1974. – 256 p.
15. Марцеллин Комит. Хроника / Марцелин Комит; пер. с лат. Н. Н. Болгова. – Белгород: Издательство БелГУ, 2010. – 230 с.
- Martsellin Komit. Khronika / Martselin Komit; per. s lat. N. N. Bolgova. – Belgorod: Izdatel'stvo BelGU, 2010. – 230 p.
16. Никита Хониат. История / Никита Хониат; пер. В. И. Долоцкого. – СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1860. – Т. I – 466 с.
- Nikita Khoniat. Istoriya / Nikita Khoniat; per. V. I. Dolotskogo. – SPb: Sankt-Peterburgskaya dukhovnaya akademiya, 1860. – T. I – 466 p.
17. Никита Хониат. История. Том II [Электронный ресурс] / Никита Хониат // Хронос: всемирная история в интернете. – URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/niketas206.html.
- Nikita Khoniat. Istoriya. Tom II [Elektronnyi resurs] / Nikita Khoniat // Khronos: vseмирnaya istoriya v internete. – URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/niketas206.html.

18. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / пер., статьи и коммент. Я. Н. Любарского. – М.: Наука, 1992. – 348 с.
 Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisaniya vizantiiskikh tsarei / per., stat'i i komment. Ya. N. Lyubarskogo. – М.: Nauka, 1992. – 348 p.
19. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Прокопий Кесарийский; пер., статьи и коммент. А. А. Чекаловой. – М: Наука, 1993. – 570 с.
 Prokopii Kessariiskii. Voina s persami. Voina s vandalami. Tainaya istoriya / Proopii Kesariiskii; per., stat'i i komment. A. A. Chekalovoi. – М: Nauka, 1993. – 570 p.
20. Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Робер де Клари; пер., статья и комм. М. А. Заборова. – М.: Наука, 1986 – 265 с.
 Rober de Klari. Zavoevanie Konstantinopolya / Rober de Klari; per., stat'ya i komm. M. A. Zaborova. – М.: Nauka, 1986 – 265 p.
21. Себеос. История императора Ираклия / Себеос; пер. с армянского К. Патканьяна. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1862. – 216 с.
 Sebeos. Istoriya imperatora Irakliya / Sebeos; per. s armyanskogo K. Patkan'yana. – SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1862. – 216 p.
22. Сорочан С. В. Византия IV–IX веков: Этюды рынка: Структура механизмов обмена / С. В. Сорочан. – 2-е. изд., испр. и доп. – Харьков: Майдан, 2001. – 474 с.
 Sorochan S. V. Vizantiya IV–IX vekov: Etyudy rynka: Struktura mekhanizmov obmena / S. V. Sorochan. – 2-e. izd., ispr. i dop. – Khar'kov: Maidan, 2001. – 474 p.
23. Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Феофан Византиец; пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского – М.: Университетская типография М. Каткова на Страстном бульваре, 1884 – 370 с.
 Feofan Vizantiets. Letopis' vizantiitsa Feofana ot Diokletiana do tsarei Mikhaila i syna ego Feofilakta / Feofan Vizantiets; per. s grech. V. I. Obolenskogo i F. A. Ternovskogo – М.: Universitetskaya tipografiya M. Katkova na Strastnom bul'vare, 1884 – 370 p.
24. Хапаев В. В. Византийский идеал атлета и воина в эпических поэма X века «Армурис» и «Дигенис Акрит» / В. В. Хапаев // Сборник материалов XVII Международной научной конференции «Лазаревские чтения». Причерноморье: история, политика, география, культура (2–4 октября 2019 года, г. Севастополь) / Под ред. О.А. Шпырко, В.В. Хапаева. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2019. – С. 61–63.
 Khapayev V. V. Vizantiiskii ideal atleta i voina v epicheskikh poema Kh veka «Armuris» i «Digenis Akrit» / V. V. Khapayev // Sbornik materialov KhVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Lazarevskie chteniya». Prichernomor'e: istoriya, politika, geografiya, kul'tura (2–4 oktyabrya 2019 goda, g. Sevastopol') / Pod red. O.A. Shpyrko, V.V. Khapayeva. – Sevastopol': Filial MGU v g. Sevastopole, 2019. – S. 61–63.
25. Хапаев В. В. Физическое воспитание в Византийской империи IX–XII вв. / В. В. Хапаев // Традиции античного олимпизма в мировой культуре (сборник статей) / под редакцией Гвоздевой Т. Б. – М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2015. – С. 149–164.
 Khapayev V. V. Fizicheskoe vospitanie v Vizantiiskoi imperii IX–XII vv. / V. V. Khapayev // Traditsii antichnogo olimpizma v mirovoi kul'ture (sbornik statei) / pod redaktsiei Gvozdevoi T. B. – М.: Literaturnyi institut imeni A. M. Gor'kogo, 2015. – S. 149–164.
26. Хапаев В. В., Глушич А. М. Письменные источники о роли Русиев и Левков в спортивной жизни Византийской империи / В. В. Хапаев, А. М. Глушич // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6–10 окт. 2020 г.). Т. 1 / Отв. ред. А. Д. Васильев; сост. Н. В. Гинькут, В. В. Лебединский, Ю. А. Пронина, В. В. Прудников – М.: ИВРАН, 2020. – С. 220–224.
 Khapayev V. V., Glushich A. M. Pis'mennye istochniki o roli Rusiev i Levkov v sportivnoi zhizni Vizantiiskoi imperii / V. V. Khapayev, A. M. Glushich // Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sevastopol', 6–10 oktyabrya 2020 g.). Tom 1 / Otv. red.

- A. D. Vasil'ev; sost. N. V. Gin'kut, V. V. Lebedinskii, Yu. A. Pronina, V. V. Prudnikov – M.: IVRAN, 2020. – S. 220–224.
27. Bennett D. Chariot Racing in the Ancient World / D. Bennett // *History Today*. 47 (12). – Britain, 1997. – P. 41–48.
28. Constantine Porphyrogenetos. *The Book of Ceremonies*, in 2 volumes / Constantine Porphyrogenetos. – Canberra: Australian Association for Byzantine Studies *Byzantina Australiensia*. Vol. 1–2, 2012. – 870 p.
29. Giatsis S. G. The organization of chariot racing in the great hippodrome of byzantine Constantinople / S. G. Giatsis // *The International Journal of the History of Sport*, 17:1. 2000. – P. 36–68.
30. Guillard R. Études sur la topographie de l'Hippodrome de Constantinople byzantine. L'escalier en colimaçon menant du Grand Palais à la tribune du Kathisma / R. Guillard // *Δελτίον ΧΑΕ*. – 1966. – № 4. – P. 281–291.
31. Guillard R. The Hippodrome at Byzantium / R. Guillard // *Speculum*. – Vol. 23. – No. 4. – 23 (4). – P. 676–682.
32. Rice T. T. *Everyday Life in Byzantium* / T. T. Rice. – London, 1967. – 240 p.
33. Schrodt B. Sports in the Byzantine Empire / B. Schrodt // *Journal Of Sport History*. – 1981. – Vol. 8. – № 3 – P. 40–59.
34. The novels of Justinian [Электронный ресурс] / transl. by Samuel P. Scott. – Cincinnati, 1932 // URL: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/Novellae_Scott.htm.
35. Wolińska T. Constantinopolitan Charioteers and Their Supporters / T. Wolińska. – Łódź: *StudiaCeranea* 1. 2011. – P. 127–142.

Khapaev V. V., Glushich A. M. The evolution of the sports infrastructure of the Byzantine Empire in the IV – XII centuries

The article examines the location, design features and evolution of the sports facilities of the Byzantine Empire: the Great Hippodrome and smaller hippodromes of Constantinople and other cities of the empire, stadiums for playing equestrian polo (tzykanisterions) and other buildings used for training and sports competitions of the Byzantines in the IV – XII centuries. Special attention is paid to the constructive features of the Great Hippodrome of Constantinople, both in connection with its special significance for the history of the empire, and also with the abundance of sources on this issue: written and archaeological. It is concluded, that before the beginning of the systemic crisis of the empire in the first half of the 7th century and the massive invasions of the Persians, Avars, Slavs and Arabs into the territory of the empire, sports facilities and sports life (including competitive) were characteristic of all major cities of the empire. Each of them had monumental hippodromes and regular competitions. Their decline is associated both with the capture of most of the territory of Byzantium by the Arabs and (in the cities that remained under the control of Constantinople) with a protracted economic crisis and general de-urbanization. The revival of interest in sports and the need for sports facilities is associated with the strengthening of the economic and geopolitical position of Byzantium in the 9th–10th centuries. During this time many old buildings were restored and used, several new ones were built. The final decline of the empire's sports infrastructure is associated with its defeat during the IV Crusade.

Keywords: Byzantium, sports, hippodrome, tzykanisterion, Constantinople, Antioch.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдужемилев
Рефат
Рустемович** кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова; старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (Симферополь, Российская Федерация).
- Багрин
Егор
Андреевич** кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы Президентской библиотеки (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Борщик
Наталья
Дмитриевна** доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Дружинина
Надежда
Сергеевна** аспирант кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Колтухов
Сергей
Георгиевич** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Российская Федерация)
- Коротун
Сергей
Николаевич** кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж, Российская Федерация).
- Манаев
Александр
Юрьевич** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Михайлов
Вадим
Викторович** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Петрова Элеонора Борисовна	доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Скоков Антон Сергеевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Луганского государственного университета им. В. Даля (г. Луганск, Луганская Народная Республика).
Скоробогатов Сергей Борисович	аспирант кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
Хайретдинова Ольга Айбулатовна	старший преподаватель кафедры «Туризм, гостиничный и ресторанный сервис» Уфимского государственного нефтяного технического университета (г. Уфа, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Абдужемилев Р. Р.

Оборона пограничных крепостей Османской империи и Крымского ханства в 1689 и 1695 гг. по данным хроники «Тарих-и Мехмед Герай». 3

Багрин Е. А.

Челобитные сибирских служилых людей как источник о походе войска Ф. А. Головина в Даурию (1686–1689 гг.)..... 14

Борщик Н. Д.

Восстановление инфраструктуры Ялты в 1944 году 24

Колтухов С. Г.

Погребения воинов-колесничих предскифского времени на Крымском полуострове 37

Коротун С. Н.

Кременчугские «маневры» А. В. Суворова 45

Манаев А. Ю., Дружинина Н. С.

Владимиру Николаевичу Гурковичу – 75!..... 53

«...Если даже в деле охраны памятников за решение какого-то вопроса берутся не специалисты, ничего путного от этого не выходит»

Интервью В. Н. Гурковича от 30. 10. 2019 г. /

Подг. текста – А. Ю. Манаев, Н. С. Дружинина..... 67

Список публикаций Владимира Николаевича Гурковича 76

Михайлов В. В.

Австралийско-Новозеландский корпус в Египте перед высадкой в Галлиполи в 1915 г.... 86

Петрова Э. Б.	
Виноградовы: новые материалы из семейного архива (к столетию «Русского исхода»)	97
Скоков А. С.	
Налоги и сборы в формировании бюджетов городов Донбасса во второй половине XIX – начале XX вв.	107
Скоробогатов С. Б.	
Авиация войск противовоздушной обороны СССР в Крымской наступательной операции (апрель – май 1944 г.)	116
Хайретдинова О. А.	
Истоки ресторанного бизнеса в петровскую эпоху: историографический обзор материалов Уфимской провинции	125
Хапаев В. В., Глушич А. М.	
Эволюция спортивной инфраструктуры Византийской империи в IV – XII вв.	137
Сведения об авторах	153